

Редакционный совет серии «История, филология»

Председатель совета серии

- В. И. Молодин акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Главный редактор серии

- А. С. Зуев д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь серии

- С. Г. Скобелев канд. ист. наук, доцент (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редакционного совета

- Х. А. Амирханов чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Махачкала; Институт археологии РАН, Москва, Россия)
- Б. Виола д-р истории, профессор (Университет Торонто, Канада)
- Е. Э. Войтишек д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)
- Т. Гланц д-р филологии, профессор (Университет им. Гумбольдта, Берлин, Германия)
- А. В. Головнёв чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории и археологии УрО РАН; Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия)
- А. Е. Демидчик д-р ист. наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия)
- А. П. Деревянко акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)
- Ж. Жобер д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)
- О. Д. Журавель д-р филол. наук, доцент (Институт истории СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)
- Г. Импости д-р филологии, профессор (Болонский университет, Италия)
- А. К. Киклевич д-р филол. наук, профессор (Варминьско-Мазурский университет, Ольштын, Польша)
- С. М. Коткин д-р истории, профессор (Принстонский университет, США)
- В. А. Ламин чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия)
- Ока Хироки д-р истории, профессор (Университет Тохоку, Сэндай, Япония)
- Г. Парцингер д-р истории, профессор (Фонд Прусского культурного наследия, Берлин, Германия)
- Х. Плиссон д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)
- Пэ Гидон д-р археологии и антропологии, профессор (Национальный музей Кореи, Сеул, Республика Корея)
- П. Ратлэнд д-р истории, профессор (Уэслианский университет, Мидделтаун, США)
- И. В. Силантьев д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)
- Тан Чун д-р истории, профессор (Шаньдунский университет, Циндао, КНР)
- Т. Хайм д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)
- Ю. В. Шатин д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный педагогический университет; Новосибирский государственный университет, Россия)

Редакционная коллегия выпуска «Востоковедение»

Ответственные редакторы

- Е. Э. Войтишек д-р ист. наук, проф. (Новосибирский государственный университет, Россия)
С. А. Комиссаров канд. ист. наук, проф. (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия)

Ответственный секретарь

- А. В. Варёнов канд. ист. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редколлегии

- С. А. Арутюнов чл.-кор. РАН, доктор исторических наук, профессор (Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия)
Ван Вэй член Академии наук КНР, чл.-кор. Германского археологического института, д-р литературы, д-р истории, проф. (Институт археологии, Пекин, КНР)
Н. Л. Жуковская д-р ист. наук (Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия)
Кан Инук д-р истории, проф. (Университет Кен Хи, Сеул, Республика Корея)
А. И. Кобзев д-р филос. наук, проф. (Институт востоковедения, Москва, Россия)
Ли Хонджон д-р истории, проф. (Национальный университет Мокихо, Республика Корея)
Н. В. Кутафьева канд. филол. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)
А. А. Маслов д-р ист. наук, проф. (Институт Дальнего Востока РАН, Россия)
А. Н. Мещеряков д-р ист. наук, проф. (Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия)
Г. Парцингер д-р истории, проф. (Фонд Прусского культурного наследия, Берлин, Германия)
В. Н. Пластун д-р ист. наук, проф. (Новосибирский государственный университет, Россия)
П. Э. Подалко д-р истории, проф. (Университет Аояма Гакуин, Токио, Япония)
Н. В. Сухадолник д-р истории, проф. (Университет Любляны, Словения)
Ж. К. Таймагамбетов чл.-кор. АН Высшей школы Республики Казахстан, д-р ист. наук, проф. (Национальный музей Казахстана, Астана, Республика Казахстан)
Такакура Хироки д-р истории, проф. (Университет Тохоку, Япония)
Такэда Масанао д-р истории, проф. (Университет Хоккай Гакуэн, Япония)
Л. фон Фалькенхаузен д-р истории, проф. (Калифорнийский университет, США)
Е. Л. Фролова канд. ист. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)

Advisory Board of Academic Journal
“Vestnik of Novosibirsk State University.
Series: History and Philology”

Chief of the Advisory Board

- V. I. Molodin Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Chief Editor of the Series

- A. S. Zuev Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary of the Series

- S. G. Skobelev Candidate of Historical Sciences, Docent (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Members of the Advisory Board

- Kh. A. Amirkhanov Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of History, Archaeology, and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences in Makhachkala, Dagestan, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
- B. Viola Doctor in History, Professor (University of Toronto, Canada)
- E. E. Voytishek Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- T. Glantz Doctor in Philology, Professor (Humboldt University in Berlin, Germany)
- A. V. Golovnev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation)
- A. E. Demidchik Doctor of Historical Sciences, Professor (St. Petersburg State University, Russian Federation)
- A. P. Derevyanko Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
- J. Joubert Doctor in History, Professor (University of Bordeaux I, France)
- O. D. Zhuravel Doctor of Philological Sciences, Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)
- G. E. Imposti Doctor in Philology, Professor (University of Bologna, Italy)
- A. K. Kiklevich Doctor of Philological Sciences, Professor (University of Warmia and Mazury, Olsztyn, Poland)
- S. M. Kotkin Doctor in History, Professor (Princeton University, United States)
- V. A. Lamin Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
- Oka Hiroki Doctor in History, Professor (Center for Northeast Asian Studies of Tohoku University, Sendai, Japan)
- H. Parzinger Doctor in History, Professor (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)
- H. Plisson Doctor in History, Professor (University of Bordeaux I, France)
- Bae Kidong Doctor in Archaeology and Anthropology, Professor (The National Museum of Korea, Seoul, Republic of Korea)
- P. Rutland Doctor in History, Professor (Wesleyan University, Middletown, USA)
- I. V. Silantev Doctor of Philological Sciences, Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)
- Tang Chung Doctor in History, Professor (University of Hong Kong, China, University of Tokyo, Japan)
- T. Higham Doctor in History, Professor (University of Oxford, United Kingdom)
- Yu. V. Shatin Doctor of Philological Sciences, Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Editorial Board of the Issue “Oriental Studies”

Executive Editors

E. E. Voytishek	Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
S. A. Komissarov	Candidate of Historical Sciences, Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Executive Secretary

A. V. Varenov	Candidate of Historical Sciences, Docent (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Board Members

S. A. Arutyunov	Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
Wang Wei	Member of the Chinese Academy of Sciences, Doctor in Literature, Doctor in History, Professor (Institute of Archaeology, Beijing, China)
N. L. Zhukovskaya	Doctor of Historical Sciences (Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
Kang Inuk	Doctor in History, Professor (Kyung Hee University, Seoul, Republic of Korea)
A. I. Kobzev	Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Institute of Oriental Studies, Moscow, Russian Federation)
A. A. Maslov	Doctor in History, Professor (Institute of Far Eastern Studies RAS, Moscow, Russian Federation)
N. V. Kutafyeva	Candidate of Philological Sciences, Docent (Novosibirsk State University, Russian Federation)
Lee Heonjong	Doctor in History, Professor (Mokpo National University, Republic of Korea)
A. N. Mescheryakov	Doctor of Historical Sciences, Professor (Russian State Humanitarian University, Moscow, Russian Federation)
G. Parzinger	Doctor in History, Professor (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)
V. N. Plastun	Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
P. E. Podalko	Doctor in History, Professor (Aoyama Gakuin University, Tokyo, Japan)
N. V. Suhadolnik	Doctor in History, Professor (University of Ljubljana, Slovenia)
Zh. K. Taymagambetov	Corresponding Member of Academy of Sciences of the Kazakstan Higher School, Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazakstan National Museum, Astana, Republic of Kazakstan)
Takakura Hiroki	Doctor in History, Professor (Tohoku University, Sendai, Japan)
Takeda Masanao	Doctor in History, Prof. (Hokkai Gakuen University, Sapporo, Japan)
L. von Falkenhausen	Doctor in History, Professor (University of California, Los Angeles, USA)
E. L. Frolova	Candidate of Historical Sciences, Docent (Novosibirsk State University, Russian Federation)

В Е С Т Н И К Н Г У

Серия: История, филология

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

2020. Том 19, № 4: Востоковедение

СОДЕРЖАНИЕ

Религия, культура, литература стран Восточной Азии

- Маслов А. А.* Трансформативная посвятельная традиция в даосизме и концепция сянся 9
- Войтишек Е. Э., Яо Сун, Горшкова А. В.* Гадательные ритуалы с использованием благовоний в современной китайской религиозной практике 25
- Шульга Д. П., Дурова М. В.* Несторианство: путь «светлого учения» через четыре империи 51
- Сидоренко А. Ю.* Переосмысление ценностных установок китайского социалистического реализма в романе Чжан Вэя «Старый корабль» 59

История и археология стран Восточной Азии

- Целуйко М. С.* Наследственная аристократия и ее владения в структуре и политике царства Цинь в IV–III веках до н. э. 69
- Маяцкий Д. И.* Северная и Западная Европа в «Изображениях данников правящей династии Цинь» 81
- Завидовская Е. А.* Иллюстрированные издания и народные картины *няньхуа* к новеллам Пу Сунлина 94
- Шутова М. А.* Особенности и значение учебника разговорного китайского языка эпохи Чосон «Ногольдэ» 108
- Комиссаров С. А., Черемисин Д. В.* Петроглифы, которые исчезли: наскальное искусство Макао 116

Дискуссии

- Пластун В. Н.* Центральная Азия: современные проблемы безопасности 124

Класс Конфуция

- Би Синьхуэй, Азаренко Ю. А.* Проект «Институт Конфуция» Новосибирского государственного университета в 2019 году (на кит. яз.) 129

Рецензии

- Филиппов А. В.* Чары и обаяние «тысячи и одной ночи» в старом Китае (Рецензия на новое издание китайского средневекового романа «Цзинь Пин Мэй, или Цветы сливы в золотой вазе») 137
- Азаренко Ю. А., Комиссаров С. А.* О начале этнологии на Тайване. Рецензия на книгу: Головачев В. Ц. «Экскурсия на Формозу»: Этнографическое путешествие П. И. Ибиса. М.: Весь Мир, 2019. 276 с., илл. 142

Научная жизнь

- Варенов А. В., Кудинова М. А.* Путешествие на Северо-Запад за петроглифами. Часть 2. Продолжение в Нинся 147
- Войтишек Е. Э., Комиссаров С. А., Соловьев А. И.* По музеям Северо-Восточного Китая 159

Хроника

- Азаренко Ю. А., Би Синьхуэй.* Международная научно-практическая конференция «Россия, Китай, Великий Шелковый путь: история кросс-культурных контактов» 168
- Варенов А. В.* X Международная научная конференция «Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая» 173
- Информация для авторов 177

VESTNIK NSU

Series: History and Philology

Scientific Journal
Since 1999, November

2020, vol. 19, no. 4: Oriental Studies

CONTENTS

Religion, Culture, Literature of East Asia

- Maslov A. A.* Tradition of Transformative Initiation in Taoism and the Concept of *xian* 9
- Voytishek E. E., Yao Song, Gorshkova A. V.* Fortune Telling Rituals Using Incense in Modern Chinese Religious Practices 25
- Shulga D. P., Durova M. V.* Nestorianism: A Historic Path through Four Empires 51
- Sidorenko A. Yu.* Re-evaluation of Chinese Socialist Realism's Value Directions in Zhang Wei's "Ancient Ship" 59

History and Archaeology of East Asia

- Tseluyko M. S.* Hereditary Aristocracy and Its Domains in the Structure and Politics of the Ancient Qin State during 4th – 3rd Centuries BC 69
- Maiatskii D. I.* Northern and Western Europe in "Illustrated Tributaries of the Qing Empire" 81
- Zavidovskaya E. A.* Illustrated Editions and Popular Woodblock Prints *nianhua* Featuring Short Stories by Pu Songling 94
- Shutova M. A.* Features and Significance of the "Nogeoldae" Textbook about the Spoken Chinese Language of the Joseon Era 108
- Komissarov S. A., Cheremisin D. V.* Petroglyphs that Have Become Extinct: Rock-Art of Makau 116

Discussions

- Plastun V. N.* Central Asia: The Current Security Issues 124

Confucius Classroom

- Bi Xinhui, Azarenko Iu. A.* The 2019 Work Summaries of Confucius Institute at Novosibirsk State University 129

Book Reviews

- Philippov A. V.* (Rev.) The Magic Spell and the Scent of Arabian Nights in Old China (On the newly appeared Four Volumes' Russian authentic edition of Jin Ping Mei, or The Plum in the Golden Vase) 137
- Azarenko Iu. A., Komissarov S. A.* On the Beginning of Ethnology at Taiwan
(Review of the book by V. Ts. Golovachev "Excursion to Formosa: Ethnographical journey of P. I. Ibis", Moscow, "Ves' Mir" Publishing House, 2019, 276 p., il.) 142

Scientific Life

- Varenov A. V., Kudinova M. A.* A Journey to the North-West in Search of Rock Art. Part 2. A Ningxia Sequel 147
- Voytishek E. E., Komissarov S. A., Soloviev A. I.* A Visit to Museums of North-East China 159

Chronicle

- Azarenko Iu. A., Bi Xinhui.* International Scientific-Practical Conference "Russia, China, the Great Silk Road: A History of Cross-Cultural Contacts" 168
- Varenov A. V.* X International Scientific Conference "Ancient Cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China" 173
- Instructions to Contributors 177

УДК 299.513 398.22 (571)
DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-4-9-24

Трансформативная посвяtitельная традиция в даосизме и концепция *сяня*

А. А. Маслов

*Институт Дальнего Востока РАН
Москва, Россия*

Аннотация

Настоящее исследование посвящено характеристикам одного из ключевых типажей даосской традиции – «сяня», которого обычно неточно понимают как «бессмертный». На основе ряда текстов даосской традиции «Линбао», «Шанцин», «Цюаньчжэнь» мы показываем, что обретение состояния *сянь* связано не с физическим бессмертием, а с получением глубокого трансформативного и трансперсонального опыта. Последователь проходит через ряд этапов трансформации, каждый из которых, в зависимости от конкретной школы, включает набор практик, нацеленных на достижение абсолютного покоя и самодеактуализацию. Такое перерождение также сопровождается получением яркого «света», обретением «сияния духа», погружением в «глубокую грезу», то есть связано с сильным внутренним переживанием. В ряде случаев это понимается как рождение себя в истинном виде (состояние «истинного человека»): прохождение через стадию «умирания в прошлом теле» и возрождения в новом, а также отправление в «далекие странствия», что типологически можно определить как особый тип перемены статуса и прохождение через систему посвяtitельных ритуалов.

Ключевые слова

Китай, религия, культура, даосизм, посвяtitельные практики, культ бессмертия, сянь, созерцания

Для цитирования

Маслов А. А. Трансформативная посвяtitельная традиция в даосизме и концепция *сяня* // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 4: Востоковедение. С. 9–24. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-4-9-24

Tradition of Transformative Initiation in Taoism and the Concept of *xian*

A. A. Maslov

*Institute of Far Eastern Studies RAS
Moscow, Russian Federation*

Abstract

This paper focuses on the characteristics of one of the key types of Taoist tradition – *xian*, which is usually inaccurately translated as “immortal”. Based on a number of texts of Taoist traditions Lingbao, Shanqing and Quanzhen, the paper shows that the acquisition of the state of *xianhood* is not connected with physical immortality, but based on the deep transformative and transpersonal experience. The practitioner goes through a series of transformative stages, each of which, depending on the particular school, includes a set of spiritual practices aimed at achieving absolute peace and self-deactualization. Such reincarnation is also accompanied by the acquisition of a bright “light”, getting a “shining spirit”, immersion into a “deep dream” that is associated with a strong insight experience. In some cases, it could be regarded as the self-rebirth in the true form (the state of the “true man”): passing through the stage of “dying of the previous body” and rebirth in the new one, as well as going to the “distant wanderings”, which typologically can be defined as a special type of rites of passage and passing through a system of consecrated rituals.

Keywords

China, religion, culture, Taoism, dedicatory practices, cult of immortality, *xian*, *xianhood*, contemplation

For citation

Maslov A. A. Tradition of Transformative Initiation in Taoism and the Concept of *xian*. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 4: Oriental Studies, p. 9–24. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-4-9-24

Трансформация понятия *сянь*

Важнейшей частью даосской традиции является концепция бессмертного-*сяня* (仙), который обычно не очень точно переводится на западные языки как «бессмертный», «immortal». Именно *сянь* является идеалом традиции, точкой устремлений последователей и предметом для обсуждения в текстах. Из-за восприятия этого термина как «бессмертный» нередко утверждается, что важнейшей целью даосизма является обретение бессмертия, хотя, как мы покажем в данной работе, под термином *сянь* подразумевалась особая категория даосских последователей, прошедших определённые этапы посвящения и характеризующихся рядом отличительных признаков.

Как показали исследования Натана Сивина, Майкла Стрикмена, Рассела Киркланда и других [Sivin, 1968; Kirkland, 2004], многие представления о даосизме как о системе, «обеспечивающей бессмертие» и превращение человека в бессмертного-*сяня*, не имели прямого отношения к внутреннему содержанию даосизма или, как минимум, не играли заметной роли в его концепциях. И хотя большинство известных исследователей даосизма, прежде всего А. Масперо, Г. Крилл специально оговаривали неадекватность такого перевода реальному содержанию термина, тем не менее во вторичных исследованиях понятие «бессмертный» или «бессмертный небожитель» приобретает самодовлеющее значение [Creel, 1970; Maspero, 2014].

Очевидно, что в раннем значении *сянь* представлял собой особую категорию шаманов, жизнь которых была связана с пребыванием в горах или горных пещерах [Маслов, 2006. С. 256–268; Paper, 1995] (на что указывает этимология самого иероглифа *сянь* 仙, или которые куда-то «взошли» или «поднялись» – элемент 𠂇 «сянь» в иероглифах 僊, 僊 указывает именно на «восхождение»).

Концептуально существование *сяней* бесцельно и не наполнено разнообразием. В отличие от более поздних божеств китайского буддизма, например, Авалокитешвары (Гуаньинь), они не помогают людям и не спасают их, не переживают за живых существ. – *сянь* «нефункционален» с точки зрения своего существования. При этом его основная функция заключается в способности управления космическими силами. Последнее также характерно и для шаманов, которые, например, своими танцами могли влиять на природные силы, и это коррелирует с тем, что движениями своего тела, то есть танцами, *сяни* могли улучшить циркуляцию жизненной энергии пневмы-ци в своем теле [Despeux, 1989. Р. 238].

Сянь – не столько бессмертный (и за исключением народных преданий – никогда физически бессмертный), сколько человек, который претерпел мистическую трансформацию и приобрел качественно иные свойства. Сам мотив *сяня* как «ино-человека» идет от древних архаических культов, и в этом плане *сянь* воспроизводит медиума (как существо, способное впускать в себя духов и говорить от их имени) или шамана, который способен странствовать между мирами и, что очень важно, приносить вести из других сфер.

В народной традиции на образ *сяня* распространились многочисленные предания о людях «необычайных свойств», которые стали важнейшим элементом китайской культуры, начиная с периода Хань, и особо широко расцвели в народных новеллах средневековья. *Сяни* в простонародном понимании определяются именно через «необычное», а не через «достигнутое»: они странствуют между небом и землей, летают на облаках, могут видеть на расстоянии, питаться лишь собственной слюной и т. д. [Kaltenmark, 1953. Р. 153]

Сам термин *сянь* начинает широко использоваться в династию Хань (например, встречается в «Хань шу». Например, в «Чу цы» – «Чусских строфах» (ок. III в. до н. э.), в стихе

«Странствую далеко» «楚辭·遠遊» мы читаем о некоем «вознесении сяня»: «Сколь прекрасны бесценные истинные люди, что в прошлых поколениях вознеслись в сонм сяней»¹.

У «бессмертного сяня» есть тематический предшественник в ранней традиции – это «мудрец» (聖人 *шэн жэнь*). Например, рассуждая о человеческом идеале, Чжуан-цзы использует термины «истинный человек» (真人 *чжэнь жэнь*) или «духовный человек» (神人 *шэнь жэнь*), но все же именно «мудрец» (*шэн жэнь*) является самым распространённым понятием в «Чжуан-цзы». В целом среди ранних даосов аксиологически «мудрец» стоит выше всех остальных, а «истинный человек» или «духовный человек» являются скорее качествами этого мудреца.

Именно «мудрец» (*шэн жэнь*) является центральной фигурой у ранних мистиков, например Лао-цзы, Чжуан-цзы, он представляет собой высочайший идеал всего учения (в «Чжуан-цзы» этот термин встречается 114 раз – больше, чем любой другой, характеризующий человека).

Однако в более поздней традиции на сяня переходят запредельные свойства мудреца (*шэн жэнь*), в то время как сам «мудрец» становится вторичным термином для даосской и буддийской традиции, деноминацией известных персонажей прошлого типа Яо, Шуня, Юя, Чжоу-гуна, Конфуция.

Примечательно, что сам термин *сянь* не встречается в таком ключевом даосском труде как «Дао дэ цзин», хотя в этом тексте есть рассуждения о человеке особых свойств – мудреце, который может достичь долголетия, «равного Небу и Земле», и который в силу своей расстворенности в естественности неуязвим для внешних воздействий и, равно как и само Дао, кажется отсутствующим («тигру некуда вонзить свои когти»). В «Чжуан-цзы» термин «сянь» встречается, но несколько в иной интерпретации. В частности, в главе 12 «Небо и Земля» рассказывается о великом правителе древности Яо, который прослыл «мудрецом» (*шэн жэнь*) и, в конце концов, «через тысячи лет покинул этот мир и воспарил как *сянь*» (千歲厭世，去而上仙)², но при этом никакой трактовки термина не приводится. Из текста видно, что он лишь «восходит» или «поднимается» (上 *шан*) на иной уровень. Таким образом, «мудрец» может, следуя предоставлению Чжуан-цзы, жить на земле тысячи лет и лишь затем воспарить в небеса в качестве сяня, и он не является в классическом смысле «бессмертным», так как он все же покидает этот мир, как это случилось с великим Яо. Очевидно, что *сянь* – обладатель не столько бессмертия, сколько особых свойств, позволяющих ему получить высокий статус в качестве духа. При этом Яо «превосходит солнце и луну» и что, очень важно для дальнейшего понимания *сяня*, «пребывает в сиянии» (其於光也).

Интересно посмотреть, чем же характеризуется такой мудрец и обладает ли он какими-то особыми качествами. Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что «мудреца» отличает не столько мудрость, а какие-то другие, на первый взгляд вторичные, качества. «Внутренние главы» в «Чжуан-цзы» говорят о мудреце как о том, кто обладает запредельными свойствами, «странствует за пределами мирской пыли и грязи», «опирается на солнце и луну, держит вселенную в своих руках, единит себя с вещами и явлениями... присутствует в мирадах лет и достигает простоты в самом себе»³. Это человек удивительных свойств, необычайный, но при этом не маг, он не творит чудеса (хотя во многих рассказах и обладает такими способностями) и его основным качеством не является бессмертие как таковое.

Именно этот образ мудреца – «странника в мирской пыли» и формально не характеризующегося никакими чудесами, не обладающий никакими параферналиями, был заимствован поздними даосами, например, основателем направления Цюаньчжэнь 全真 Ван Чуньяном или

¹ 貴真人之休德兮，美往世之登仙。Чу цы (Чусские строфы «Странствую далеко» 楚辭《遠遊》中國). URL: <https://ctext.org/chu-ci/yuan-you/zh> (дата обращения 18.01.2020).

² Чжуан-цзы. Вайпянь. Тяньди, шизэр (Чжуан-цзы. Внешние главы, глава «Небо и земля» 莊子·外篇·天地第十二). URL: <https://ctext.org/zhuangzi/heaven-and-earth/zh> (дата обращения 19.01.2020).

³ Чжуан-цзы, Нэйпянь (Чжуан-цзы, Внутренние главы 莊子·外篇, гл. 2 逍遙遊). URL: <https://ctext.org/zhuangzi/enjoyment-in-untroubled-ease/zh> (дата обращения 19.01.2020).

Ван Чжэ (1113-1170) (О его учении подробнее см.: [Komjathy, 2013]). Именно он начинает широко использовать термин, который существовал и до него, но не находился в активном обороте – 仙 *сянь*. Для него *сянь* – это устойчивый дескриптор для того, кто достиг «чистоты и спокойствия» (情境 *цин цзин*), объединяя свою внутреннюю изначальную природу (性 *син*) и «жизненность», то есть мирскую реальность (命 *мин*).

Сяни не обладают какими-то высоким моральными качествами, не совершают добро, не помогают людям. Это строгие индивидуалисты, которые благодаря приобретённым способностям достигли необычайных свойств. Совершенство здесь – исключительно индивидуально, эгоистично и выражается исключительно в сверхспособностях. *Сянь* при этом вполне доступен для общения и не является существом «потусторонним», то есть он не уходит из этого мира в «бессмертие». Например, в известном даосском тексте «Древо без корней» (無根樹 *У гэн шу*), приписываемом Чжан Саньфэну (сам текст может относиться к XVIII в.), *сянь* ведет вполне вольготный образ жизни и не ограничивает себя в наслаждениях: «Цветы и вино – вот спутники *сяней* с древности и поныне. О, приюты затуманенных цветами (т. е. публичные дома), о, чертоги вин и мяса! Никогда не кори себя за скромную пищу, не вини себя в распутстве». Возлияния различных соматических напитков (*цзю*) есть способ поддержания себя: «Каждый день хмелеешь ты от чарки подогретого вина. Вот он, рецепт *сяней* – воскрешающий отвар!». Если же есть какие-то затруднения в алхимической практике, надо просто «прийти к *сяням* и расспросить у них все тщательно» [Маслов, 2018. С. 64]. Здесь хорошо видно, что *сянь* пребывает одновременно среди людей (то есть обладает физическим телом) и находится в неких «чертогах *сяней*» или «городе *сяней*» – 仙都 *сянь ду*.

Сяни, как и «мудрецы», представляли собой «стигматизированные» группы людей, отмеченные особыми качествами сознания, но при этом не социализированными. Не случайно нормативом их поведения (если здесь вообще возможно говорить о какой-то поведенческой матрице) являлся постоянный «уход» – от социума, от управления государством, от решения политических или хозяйственных задач.

При этом существует заметное различие между тем *сянем*, который появляется в трудах Ван Чунъяна (например, в его «Чунъян лицзяо шиулу» – «Пятнадцати главах об установлении учения») и в «Чжуан-цзы». Образ *сяня* у Ван Чунъяна также отнюдь не запределен – такой человек живет и странствует среди людей, может именоваться *шэнь сянь* – «духовным *сянем*» и при этом он продолжает жить в «мирской пыли», не будучи затронутым ею. Главная его задача – заниматься медитацией и дыхательными упражнениями, воспитывать свои изначальные природные свойства, обуздать свой разум. При этом мудрец (*шэнь жэнь*) у Ван Чунъяна ничем не отличается от *сяня*: это особая категория людей, которая физически (хотя и временно) пребывает в бренном мире, но духом своим уже он «встал в один ряд с *сянями*». Эта трансформация сознания при сохранении мирского тела хорошо видна в рассуждениях Ван Чунъяна, где очевидно, что *сянь* не рассматривается как физический бессмертный: «Чтобы вступить на путь мудрецов, необходимо прежде всего в течение долгих лет напрягать свою волю, накапливать заслуги и следовать практике, дабы стать высокопросветленным и мудрым мужем... И пускай твоё тело будет находиться в одной лишь комнате, но твоё тело заполнит все пространство между Небом и Землей. Мириады небесных мудрецов в молчании будут защищать и поддерживать тебя, а бесчисленное множество бессмертных мужей незримо окружают тебя. Имя твоё будет занесено в скрижали Пурпурной обители, ты же станешь в один ряд с *сянями*. И хотя твоё тело временно пребывает в бренном мире, но сердцем своим ты уже вышел за пределы вещей!»⁴.

Понимание цели даосской практики как духовного достижения человека в его нынешнем земном теле становится типичным для всей традиции даосских учений о «самосовершенствовании», прежде всего в школе Цюаньчжэнь. Мастера пост-сунского периода, в том числе

⁴ «Пятнадцать глав об установлении учения Чунъяна» (重陽立教十五論 *Чунъян лицзяо шиулу*) в: Чжэнтун Дао цзан, цз. 1233, 5а. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=191883/>.

Ван Чунъян, Ма Данъян, Цюй Чанчунь, как правило, не отрицают человеческую жизнь, не пытаются «сломать» естественный ход рождения и смерти, а уход от мира не является обязательной чертой достижения состояния *сяня*.

Очевидно, что даосизм стремился не к бессмертию как к таковому, а к достижению состояния человека «запредельных свойств», под которым обобщенно и понимался *сянь*. *Сянь* становится главным мистическим героем даосской и даже частично буддийской традиции. Ряд школ при этом постулировал необходимость нравственного очищения, особенно те направления, которые оказались генетически связаны с буддизмом, например, школа Фосян, последователи которой считали, что нет никакого различия между *сянем* и Буддой, по сути, Будда – один из *сяней* в этой системе координат. В «Речитативе о сидении в медитации» (打坐歌 *Да цзо гэ*), который приписывается алхимику Чжан Саньфэну (XIII в.), говорится: «*Сяни* – это Будды, а Будды и есть *сяни*! Ведь в единой природе абсолютного света нет ни малейшей двойственности»⁵.

Состояние *сяня* или некая «сяневость» (仙性 *сянь син*) не поддается рациональному описанию – у *сяня* просто отсутствует набор характерных признаков, и мы можем лишь говорить о полной трансформации адепта. Бессмертие не отрицается, но все же является не самоцелью, а указателем на формирование внутри человека особых качеств, которые выделяют его из всей совокупности живых существ. Это – момент полной духовной трансформации, перерождения человека в виде существа особых свойств, обретшего запредельный опыт и чаще всего во время инициации получившего трансформативный опыт умирания и возрождения в истинном виде. Одновременно, как мы покажем ниже, *сянь* – это одна из ступеней инициации в даосской практике, но отнюдь не высшее или конечное состояние.

Совсем в ином виде существует концепция *сяня* в народных верованиях – здесь *сянь* абсолютно мифологический герой, обитающий частично на земле, частично в пространстве небес. Формально он не творит даже никаких чудес, но необычен своим видом и поведением. Он может быть святым отшельником и странником, а может являть собой тип очевидно антисоциального существа: пить и кутить. Он не воскрешает мертвых, не изменяет природные свойства вещей – это воплощение абсолютной запредельности, которой не требуются никакие подтверждения. В народной традиции *сянь* мог приобретать образ физического бессмертного, который вечно пребывает где-то в пространстве между небом и землей. Это, например, отразилось в известной легенде о Восьми даосских бессмертных (八仙 *ба сянь*), а также широко встречается в «народном даосизме» – популярном и нередко морализаторском изложении даосских принципов, который, например, сегодня развит в Гонконге.

Этапы посвящения

Большинство текстов говорят, что *сянь* способен оставлять тело по своему разумению, он управляет материальными формами и превосходит их. Но бессмертным является именно его дух-*шэнь*, который продолжает свое самостоятельное существование и после смерти физического тела.

Во многих текстах синонимами термина *сянь* являются понятия 真人 *чжэнь жэнь* – «истинный человек» или «человек истинных свойств», 成人 *чэн жэнь* – «реализованный человек», 至人 *чжи жэнь* – «достигший человек», которые, встречаясь последовательно в одном трактате, указывают на разную степень совершенствования. В связи с наличием нескольких терминов для обозначения *сяней*, которые часто встречаются в одном и том же тексте, можно предположить, что речь идет либо о нескольких типах посвященных, либо о различных этапах посвящения, причем большинство текстов, которые проводят стратификацию *сяней*, указывают именно на последнее. Китайская религиозная традиция обычно не рассматривается как

⁵ «Песнь о сидении в медитации» (打坐歌 *Да цзо гэ*). URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=577313> (дата обращения 16.01.2020).

традиция «мистерияльная», связанная с многоэтапными инициациями, переживаниями собственного умирания и воскрешения в «истинном виде», подобно тому как это встречается в древнегреческих мистериях. Мы оговоримся, что речь не идет о формальных посвящениях, которые присутствуют в любой школе буддизма или даосизма, в результате которых посвящаемый получает особое послушническое или монашеское имя (в буддизме или даосизме – 法號 *фахао* или 戒名 *цземин*, в даосизме – 道名 *даомин*).

Нас интересует здесь другой аспект, связанный с ритуалами «перемены статуса» или «перехода» (rites of passage), при которых посвящаемый переживает полное перерождение себя, обретение новых свойств, приобретение новых умений. Глубочайшее переживание, стресс, получаемые в момент инициации (или целой цепи инициаций) не только оставляют глубочайший след в сознании, но и действительно изменяют образ мыслей и действий.

Человек проходит несколько стандартных этапов инициации, хорошо известных в других культурах (это широко изучалось в частности, на материалах греческих мистерий [Cosmiporoulos, 2002]): умирание себя старого, затем очищение через глубокое переживание, стресс, испуг, путешествие в загробный мир, а затем возрождение в «истинном» виде [Генпер, 1977. Р. 21].

Последователь, переживший такую символическую смерть, помимо прочего приобретает и опыт предсмертного переживания: находясь еще «в теле», он эмоционально переживает собственную смерть, избавление от тела, выход за пределы физической оболочки, ужас перед окончанием физической жизни. Поэтому, воплощаясь в этом мире вновь, он становится «бессмертным» как уже переживший смерть. В этом плане представление о 仙 *сянь* как о «бессмертном» в известной мере отражает возвращение к физической жизни, но уже в другом, перерожденном виде. Здесь же становится понятным и выражение «истинный человек» – 真人 *чжэнь жэнь*, то есть человек, воплотившийся воистину, в «истинном теле» и приобретший опыт запредельного, «вечного» состояния. Это традиция посвятельная, связанная с перерождением человека в результате ряда ритуалов посвящения и «перерождения».

Получение трансформативного опыта связано и с мотивом путешествия, или «странствия» (обычно «странствия далеко»), присущим *сяню*, что в архаической шаманской традиции также коррелируется с посещением загробного мира и возвращением оттуда. То есть для получения состояния *сяня* надо отправиться, по сути, в путешествие в мир мертвых, таким образом пережить собственную смерть и вернуться оттуда [Kohn, 1991. Р. 96–104]. Также как и даосская алхимия – одна из основ практики *сяней*, которая методично подводила человека к галлюцинациям и смерти, понималась не как умирание, а как перерождение в истинном виде, то есть парадоксальным образом смерть вела к бессмертию [Komjathy, 2013. Р. 115–169]. Сочетание мотива путешествия, посещение загробного мира, встречи с различными духами и мудрецами, а потом возвращение, – все эти черты присущи посвятельным ритуалам, связанным с приобретением нового статуса через «перерождение». И в этом плане обширная категория людей, именуемых *сянь*, по сути, представляла собой разные группы людей, переживших опыт смерти в нынешнем теле и возвращения новыми знаниями.

У нас нет достаточного числа источников, чтобы определенно заявить, являлось ли получение статуса *сяня* результатом какой-то формальной церемонии или это было просто «квалифицированное» мнение группы даосских мастеров, которые присваивали такой статус последователю, достигшему высокого уровня личного мастерства. При этом в некоторых текстах мы видим, что речь идет именно об этапах или «лестнице», которая приводит последователя к высшей степени посвящения. Например, текст «О сущности Дао» («Дао ти лунь») говорит: «Среди людей [освободившиеся от всего], зовутся «человеческими *сянями*» 人仙; те, что обитают на Небе 天仙, зовутся «небесными *сянями*»; те, что пребывают на земле, зовутся «земными *сянями*», в водах же – «водными *сянями*» 水仙. Те же, кто способен пребывать во всех трансформациях, зовутся 神仙 *шэнь сянь* – «духовными бессмертными». Поэтому Путь

духовных *сяней* возвращает их к Единым вратам. Зовется это «пятью постепенными» [этапами] и восхождением к состоянию *сяня*»⁶. Очевидно, что здесь рассматриваются именно этапы, а не просто различные области обитания *сяней*.

Также и в других текстах мы видим, что получение состояния *сяня* не является одномоментным (то есть это не момент «озарения»), но достигается в несколько этапов, которые, скорее всего, и соответствуют этапам инициации. Формально это может быть представлено как «восхождение» на разные уровни Неба и встреча с разными типами божеств. Так, трактат «Истинные указания на методы женской практики Золотого цветка» («Нюйцзы цзиньхуа цзунчжи») говорит о трех этапах высшего восхождения: «Когда твоя добродетель глубока, а ты доходишь до кармических причин своего существования, то явится перед тобой истинный мастер, чтобы спасти тебя и представить тебя перед взором высшего божества Тянь-ди. В следующий раз он представит тебя уже всему сонму небесных обитателей, а затем, наконец, достигнешь ты «цветочного пруда», где поклонись Золотой матушке и получишь статус *сяня*» [Чэнь Иннин, 2010. С. 34]. Таким образом здесь видны три этапа: уровень восхождения к божеству Тянь-ди 天帝, уровень восхождения ко всему сонму небожителей и, наконец, высший уровень Си Ван-му 西王母.

Даосская школа Линбао 靈寶 также «стратифицировала» бессмертных на несколько уровней или слоев, каждый из которых соответствовал строго определенному этапу практики. Так в трактате «Канон Сосредоточения и созерцания Драгоценности духов из Пещеры сокровенного» («Дунсюань линбао дингуань цзин», ок. VIII в.) рассматривается семь этапов или «периодов» (候 *хоу*), четыре из которых соответствуют различным этапам посвящения *сяня*. На первом человек может легко погружаться в созерцание, но своими желаниями еще привязан к этому миру. На втором этапе происходит излечение от многих болезней – как телесных, так и духовных. На третьем этапе «возвращается молодость» и восстанавливаются жизненные силы. На четвертом человек продлевает надолго годы своей жизни. Именно этап «продления жизни на десятки тысяч лет» характеризуется получением статуса *сяня* – 仙人 *сянь жэнь*. Пятый этап «очищения своей внешней формы ради получения чистого ци» характеризует получение более высокой степени посвящения – «истинного человека» (真人 *чжэнь жэнь*). На шестом этапе в результате «очищения ци», т. е. дыхательных упражнений, достигается чистое состояние духа. Такой адепт именуется «духовным человеком» (神人 *шэнь жэнь*). На седьмом этапе адепт объединяет свой очищенный дух с Дао, то есть происходит полная деактуализация индивидуума и его растворение в Дао. Он именуется 至人 *чжи жэнь* – «совершенный человек» или «достигший человек»⁷.

Еще раз обратим внимание, что сама «святость» здесь понимается не как умение творить чудеса, делать необыкновенные вещи, врачевать других, то есть не опирается на внешние параферналии, но исключительно на формальные признаки самосовершенствования.

Эта же концепция святости не предусматривает какое-то соприкосновение с высшими духовными силами, что и должно привести к состоянию святости. В Китае, в отличие от авраамической традиции, как раз наоборот: самосовершенствование на определенном этапе позволяет войти в число святых, когда «твое имя будет занесено в списки бессмертных» или «воссядешь на лotosовый трон рядом с Буддой».

Трактат «Надпись о сбережении духа и упражнении ци» («Цунь шэнь лянцзи мин»), приписываемый известному китайскому врачевателю и алхимику Сунь Сымяо (孫思邈),

⁶ «О сущности Дао» (道体论 *Дао ти лунь*), в «Хранилище Дао годов Чжэнтун» (正統道藏 *Чжэнтун Дао цзан*), раздел «Великое сокровенное» (太玄部 *Тайюсюаньбу*), т. 1026. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=528291> (дата обращения 18.01.2020).

⁷ «Канон Сосредоточения и созерцания Драгоценности духов из Пещеры сокровенного» (洞玄靈寶定觀經 *Дунсюань линбао дингуань цзин*) – «Чжэнтун Дао цзан», цз. 400b, 17, 6b-13a. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=895267> (дата обращения 19.01.2020).

581–682?), описывает одну из таких посвятительных систем поэтапного совершенствования и достижения состояния *сяня*⁸.

Прежде всего, текст говорит о «воплощенном мудреце» (成聖 *чэн шэн*) – том, кто «пребывает постоянно у источника Дао». Методика достижения этого состояния базируется на медитации, или самосредоточении (定 *дин*, аналог буддийского *самадхи*). При этом следует использовать несколько форм практики. Прежде всего, наполнять «море ци» (氣海 *ци хай*) в нижней части живота, то есть использовать спокойное, ровное дыхание животом. Во-вторых, следует «сберегать дух в *даньтянь*», то есть концентрироваться на нижнем кинноварном поле и приводить мысли в покой. Именно «отсутствие рассеивания ци» и приводит к обретению здоровья, при котором «тело и сердце» (т. е. физическое и психическое начала) «надолго останутся крепкими и здоровыми». Параллельно с этим следует уменьшить объем потребляемой пищи (так как «насыщаешься естественным образом»), а затем и полностью отказаться от нее, перейдя на «питание ци».

Трактат также определяет и сроки такой практики: сто дней для «малого успеха», то есть обретения базовых навыков, и три года для «большого успеха», то есть начала трансформаций. Из этого мы можем заключить, что сам первый посвятительный этап занимал как минимум три года.

Важнейшим этапом инициации в данном случае является обретение статуса «истинного человека» (真人 *чжэнь жэнь*), которого также именуют «удалившимся от мира» или «преодолевшим мир» (度世 *ду ши*). Состояние человека как *сяня* становится уже очевидным, то есть он приобретает иные духовные свойства. Посвящаемый проходит через ряд «чудесно-духовных изменений» и, очевидно, отличается своим образом восприятия мира от обычных людей. Изменяется и его тело, которое приобретает моложавый вид, восстанавливается свежий цвет лица и продлеваются его годы жизни. На этом этапе важно вести естественный образ жизни: «Если тебе надо есть – ешь, когда надо отдохнуть – отдыхай», сами же занятия не требуют ни изнурительных усилий, ни даже «питания ци», то есть полного отказа от пищи⁹.

Пять этапов или «периодов» совершенствования базируются на постепенном успокоении мыслей: от возбуждения и нервозности адепт движется к полному покою в сознании. На первом этапе «в сердце много возбуждения и мало покоя», на втором этапе «в сердце еще мало покоя, но много в нем возбуждения», третий этап: «в сердце поровну разделяются покой и возбуждение», четвертый этап: «в сердце уже много покоя и мало возбуждения», и наконец, пятый этап – «сердце полностью погружается в чистейший покой».

Учение, изложенное в трактате, определяет и семь этапов инициации, также связанных с изменением в теле. Первый этап характеризуется исчезновением застарелых болезней и обретением спокойного и радостного состояния души – именно это достигается на первых «пяти периодах». Второй этап характеризуется «возвращением молодости» и «проникновением в духовное». В этот момент последователь должен переехать в другую область и не общаться со старыми знакомыми. Это приводит к разрыву связей с предыдущими тревогами и волнениями и позволяет адепту создать ощущение «нового начала» в своей жизни. На третьем этапе последователь обретает состояние *сяня*. Характеристикой этого состояния является способность выходить за пределы своего тела, переживание видений и ощущение полета: «взлетай и броди сам по себе, и охранять тебя будут юноши-небожители, а песни петь тебе – нефритовые девы-богини. Возносись высоко с облаками и туманами, подпирая ногами темные облака». Это же ощущение «полета» (飛 *фэй*), «взлетания» или «парения» мы встречаем и в других текстах как указание на определенный тип посвящения.

⁸ Сунь Сымяо. «Надпись о сбережении духа и упражнении ци» (孫思邈. 存神鍊氣銘 *Цунь шэнь лянцзи мин*) в: «Сокровищница Дао периода Чжэнтун» (Чжэнтун дао цзан). Т. 834. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=528134> (дата обращения 19.01.2020).

⁹ Там же.

Четвертый этап – инициация «истинного человека» (*чжэнь жэнь*). От этих людей струится сияние: «испускают они яркий свет днем и ночью». Они находятся в постоянных странствиях, причем типологически «истинные люди» стоят по уровню выше, чем *сяни* – «сяни с почтением склоняются перед ними». Пятый этап – это уровень «духовных людей» (*шэнь жэнь*), которые «упражняют ци ради развития духа», то есть занимаются дыхательно-медитативной практикой. Характеризируются они тем, что способны «преображаться сами по себе и могут проникать повсеместно, а возможности их безграничны».

Шестой этап – инициация «достигшего человека» (*шэнь чжи жэнь*), характеризуется тем, что такие адепты уже не имеют постоянной формы, то есть могут трансформировать свой облик, и практикуют медитацию. Они «упражняют дух, объединяя все материальные проявления... Духом своим проникают они в мир духов, их материальные и тело более уже не имеют постоянства». Они повелевают стихиями или, как минимум, сами равны этим стихиям по своей мощи, могут «двигать горы и иссушать моря».

На седьмом этапе адепт сравнивается с высшими духами – «равен Нефритовому правителю и восседает в чертогах духов» (*линь цзин*), которые обычно и ассоциируются с обителью всех *сяней*. На этом уровне инициации достигается высшая и конечная реальность – *чжэнь цзю цзин*, что соответствует буддийскому понятию *uttarā* – высшая, конечная форма всякого существования. Человек становится равным духу, но при этом еще не утрачивает своих материальных форм – он лишь «вышел своим телом за пределы вещей», то есть материальный мир не вызывает у него страданий, радости, переживаний. Он сам управляет своим телом и может «избавиться» от него в случае необходимости. И это «конец всяческих практик».

Здесь хорошо видно, что состояние *сяня* не воспринимается как высший дар, как вознаграждение за заслуги – это лишь результат технически правильных последовательных действий, которые вместе со знанием секретов и рецептов приводят к «бесконечному долголетию». В свою очередь, на каждом этапе развития мастерства это сопровождается обретением ряда свойств, например, умения видеть на расстоянии, перемещаться на огромные расстояния, врачевать других людей и самому избавляться от недугов.

Достижение состояния *сяня* было именно особого рода методикой сочетания различных техник, каждая из которых выводит на определённый уровень «сяневости». Так, комментарий мастера Ли Тайсюя к даосскому трактату «Драгоценный плот парного пестования для женщин Ли Ниваня» указывает, что для достижения уровня Небесного *сяня* следует сочетать принципы, описанные в «Истинных указаниях Золотого цветка в 18 принципов» и собственно в трактате «Драгоценный плот», а вот «если же пользоваться только «Истинными указаниями», то будет это лишь достижением уровня Земных и Человеческих *сяней*», то есть на порядок ниже¹⁰.

Посвяtitельные этапы в методике «сидения в забытии»

Подобную же систему поэтапного восхождения мы встречаем в трактате «Рассуждения о сидении в забытии» (*сэнь лунь*, VIII в.)¹¹. Методика *цзюван*, представляющая, по сути, апофатическую (пустотную) медитацию, предусматривает полное успокоение сознания, которое в конечном счете приводит к «самозабытию» и выходу сознанием за пределы своего тела. В результате этой практики человек должен «забыть» о существовании своего тела,

¹⁰ «Драгоценный плот парного пестования для женщин Ли Ниваня» (李泥丸女宗雙修寶筏 *Ли Нивань нюйцзун шуаншюй баофа*) в: Минь Идэ, Ван Дэньэй. «Собрание древних книг из тайного павильона» (閔一得, 汪登偉. 古書隱樓藏書 *Гушу цзюлоу цаньшю*). Пекин: Цзяовэнь чубаньшэ, 2010. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/泥丸李祖師女宗雙修寶筏> (дата обращения 19.01.2020).

¹¹ «Рассуждения о сидении в забытии» (*сэнь лунь*). URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=795301> (дата обращения 04.12.2019).

сознания, избавиться от иллюзорных представлений о реальности и полностью растворить себя в пустоте, в пути-Дао.

Трактат приписывается 12-му патриарху школы Высшей чистоты – Шанцин (上清) Сыма Чэнчжэню (司馬承禎, 647–735), который оказался одним из наиболее популярных персонажей как в китайской околодаосской литературе, так и в западных работах, посвященных даосизму [Pregadio, 2008. P. 911–913].

Методика «Сидения в забытии» рассматривает семь этапов совершенствования, или «семь отрезвов» – «ци тяо» (七條), которые можно понимать и как семь этапов посвящения. Примечательно, что «семь отрезвов» – это также и название для буддийской одежды кашая (кит. 袈裟 *цзяша*, санскр. kaśāya), которая состоит из семи кусков (санскр. Uttara-sanga). И хотя нигде не указывается, что эти два понятия – этапы посвящения в даосизме и название буддийских одежд – как-то связаны, не исключено, что Сыма Чэнчжэнь не случайно использовал это понятие, так как сам многое почерпнул из буддийской школы Тяньтай [Kohn, 2010. P. 59].

Сама методика *цзюван* оказалась популярной не только в даосских или буддийских кругах, но и среди китайских аристократов. Отрывки из «Рассуждений о сидении в забытии» можно встретить и в других, не-даосских сочинениях. Например, почти точное воспроизведения второй части трактата Сыма Чэнчжэня «Основное и второстепенное в сидении в забытии» мы можем встретить в трактате известного ученого и министра династии Сун Е Мэндэ (葉夢得, 1077–1148) «Юйюй цзашу» – «Разнообразные заметки из нефритовых горных потоков» (玉澗雜書). Минский автор Тао Цзуньи в трактате «Шо фу» – «Повествования из пригородов» (說郛) вновь цитирует 20-ю главу работы Е Мэндэ, где абсолютно точно перечисляет все семь этапов медитации, заимствованные из труда Сыма Чэнчжэня. Там же есть и упоминание трех запретов, характерных для методики *цзюван*: «избавление от кармических причин» (簡緣 *цзянь юань*), «отсутствие желаний» (無欲 *у юй*), «успокоение сердца» (靜心 *цзин синь*). Там же указывается что формы практики в отношении сознания включают «пять этапов» (五時 *у ши*), а для тела – «семь периодов» (七候 *ци хоу*) [Чжан Сыцзи, 2010. С. 48–49].

Семь этапов трансформации человека и превращение его в *сяня* включают: «почитать и верить», «обрубить кармические причины», «сосредоточение сознание», «упростить дела», «достичь истинного видения», «безмятежное созерцание».

Первый этап «почитать и верить» (敬信 *цзин синь*) предусматривает глубокую веру в возможность достижения Дао и доверие к наставлениям учителей. Другая часть этого этапа совершенствования – выработка базовых навыков контроля над своим сознанием и подавление эмоций: «Вера – вот корень Дао. Почитание – это стебель добродетели. Коли корень глубок, то и Дао может взрасти. Если стебель крепок, то и добродетель может расцвести. Но бывает и так, что человек преподносит сверкающее кольцо из яшмы, а ему, как Бянь Хэ, рубят [ноги] ¹²... Когда занимаешься лишь материальными делами, то в сердце поселяются заблуждения. Когда возникают «принципы» и «дела» ¹³, то твои чувства и мысли приходят в смятение... А поэтому Чжуан-цзы говорит: «Разрушь свои конечности и тело, изгони из себя всю разумность, расстанься со своей внешней формой, избавься от мудрости, стань подобен

¹² Бянь Хэ 卞和 – исторический персонаж из царства Чу периода Весен и Осеней. Однажды он в горах Цзиншань (пров. Хубэй), когда рубил дрова, нашел яшму и преподнес ее сначала правителю Ли Вану, тот же счел, что это просто грубый камень, и приказал отрубить Бянь Хэ ногу за то, что тот напрасно потревожил правителя. Когда тот второй раз попытался преподнести драгоценную яшму уже правителю У-вану, брату предыдущего правителя, повторилась также история, и ему отрубили вторую ногу. Но следующий правитель, просвещенный Вэнь-ван, приказал обработать камень и оказалось, что это – редчайшая белая яшма. Она стала называться «нефритовый диск Хэ» (和氏璧).

¹³ Принципы и дела (理事 *ли ши*) – в буддизме принцип и практика, абсолютные и относительное, реальное и эмпирическое, причины и следствия, фундаментальная сущность и внешняя активность, потенциальное и актуальное; например, океан и волна.

Великому Всепороницающему (Дао), – вот это и зовется сидением в забвении»¹⁴. На этом этапе «забытие» (忘 ван) противопоставлено материальному миру, который постоянно напоминает человеку о себе.

Второй этап – «обрубание причин» (斷緣 дуань юань), то есть кармических казуальных причин (санскр. *pratyaya*) всего того, что случилось и еще случится с человеком. Этот этап предусматривает постепенное оставление мирских дел и даже государственной службы, но на этом уровне не требует этого делать полностью. Осознать все многочисленные причины невозможно, а поэтому надо «обрубить лишь те причины, которые связывают тебя с делами обыденного мира». Сделать это можно только через обретение состояния «простоты и безмятежности», абсолютного успокоения сознания, а для этого надо отключиться от дел обыденного мира – «закрывать все отверстия, запереть все двери» (это прямая цитата из «Дао дэ цзина»).

Такой же этап – «обрубание кармических причин» мы видим и в другом наставлении, скорее всего принадлежащем к той же школе – в трактате «Тяньинь-цзы» или «Мудрец Небесный отшельник» (天隱子)¹⁵: там он рассматривается как медитация в «комнате для успокоения» (靜室 цзинь ши), здесь же непосредственно о какой-то формальной медитации речи не идет. Предисловие к трактату «Тяньинь-цзы» было написано как раз Сыма Чэнчжэнем, поэтому по своему характеру наставления очень близки.

Этот же раздел осуждает различного рода пустословов и бездельников, а также тех, кто использует хитрые уловки ради собственного статуса и карьеры: «Есть те, кто всё расспрашивает то о празднованиях, то о похоронах. Или просто путешествует по делам туда и обратно. А есть и те, которые прикидываются отшельниками, в то время как их чувства устремлены лишь вверх и вперед. Или бывает, приглашают [они чиновника] на возлияние и еду, надеясь затем получить благосклонное отношение к себе. Те, кто прибегает к этим хитроумным уловкам и воздействию на сердца, делают это лишь ради временной выгоды. Все это не соответствует Дао и нарушает истинное следование в самой его глубине, а поэтому поведение, подобное этому, должно быть прекращено»¹⁶.

Эту вовлеченность в жизнь на втором этапе надо полностью оборвать, дабы не порождать новых кармических причин, и тогда «старые кармические проявления постепенно прервутся, а новые не возникнут».

Третий этап – этап «сосредоточения сердца» или «концентрации сознания» (收心 шоу синь) предусматривает спокойную медитацию сидя (靜坐 цзинь цзо), регулирование дыхания и прекращение всех возбуждающих и отвлекающих мыслей. При этом виновник возбуждения сознания это – сам человек: «Безумие и помрачение сердца приходят от того, что мы сами же это и поддерживаем». После отказа от излишеств следует «вернуться к корням» – погрузиться в «спокойное созерцание» (靜定 цзин дин) – в самадхи. На этом этапе также начинается «выход из череды рождений и смертей», то есть неизбежной для обычного человека цепи кармических перерождений – здесь даос точно следуют буддийской концепции.

¹⁴ Это – отрывок из главы «Великий предок учитель» («Да цзун ши») в «Чжуан-цзы». Сами слова приписываются ученику Конфуция Янь Хуэю, однако в тексте «Чжуан-цзы» их смысл немного другой: «Я вытягиваю конечности и туловище, изгоняю из себя всю свою разумность, отбрасываю свою материальную форму и оставляю все свои знания – тем самым становлюсь тождественным с Великим Всепороницающим (墮肢體, 黜聰明, 離形去知, 同於大通, 此謂坐忘). Вот это и называется «сидение в забвении». Разница лишь в первом иероглифе, который по написанию схож, то есть это могла быть ошибка переписчика. В тексте «Чжуан-цзы» стоит иероглиф «до» 墮 – «вытяти свои конечности и тело», в то время как у Сыма Чэнчжэня иероглиф «хуэй» 隳 – «разрушь свои конечности и тело».

¹⁵ Тяньинь-цзы (天隱子) в: «Чжэнтун Дао цзан» («Сокровищница Дао годов Чжэнтун» 正統道藏), раздел «Тайюсюаньбу» 太玄部 – «Великое сокровенное», т. 1026. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=272598> (дата обращения 19.01.2019).

¹⁶ «Рассуждения о сидении в забвении» (坐忘論 Цзован лунь).

Четвертый этап – «упрощение дел» или «оставление дел» (簡事 *цзянь ши*). Он заключается в том, чтобы уменьшить число дел, которыми занимается человек в этой жизни: «Познай то, что существенно и что несущественно, сравни, насколько это серьезно или несерьезно, и тогда поймешь, следует ли от этого избавляться или надо это принимать». Здесь наставления достаточно строги: «Все, что не нужно для жизни, следует устранить, а еще следует убрать и все излишнее для использования в этой жизни». Это соответствует даосской традиции «упрощения жизни» и «умаления желаний», которые мы встречаем еще в «Дао дэ цзине». Поэтому отказ от излишеств, от «вина, мяса и шелков» является залогом и чистоты сознания.

Пятый этап – этап «истинного видения» (真觀 *чжэнь гуань*) предусматривает выработку у последователя особого интуитивного понимания того, что и как надо делать. На этом этапе последователь начинает чувствовать свою «единотелесность» с Дао и окончательно преодолевает границы собственного тела и «Я» как такового. Этот этап предусматривает практику созерцания – випассаны (кит. 觀 *гуань*), при которой достигается истинное прозрение сути всех вещей мира. Следует преодолеть привязанность к плотским утехам (色病 *сэ бин*), так как это может помешать сохранению чистоты созерцания. Для этого благодаря технике випассаны следует осознать, что за всем этим стоит лишь иллюзия и пустота: «мысли о плотских утехах снаружи тебя абсолютно пусты, а похотливые привязанности твоего сердца внутри – не более чем иллюзия»¹⁷.

Шестой этап – «безмятежное» или «спокойное созерцание» (泰定 *тай дин*). Этот этап связан с техникой созерцания-дхианы (кит. 定 *дин*), когда, пройдя через все предыдущие этапы, адепт может в спокойном и чистом сознании погрузиться в медитацию. Истинное созерцание возможно только для абсолютно спокойного сознания: «Очищай его, делай податливым и прямым, возвращай к состоянию чистейшего покоя, и тогда изначальная истина и твой познающий дух сами постепенно прояснятся». Это – этап высшей, всепонимающей и всепознающей мудрости – праджни (慧 *хуэй*).

Седьмой этап – «достижение Дао» (得道 *дэ дао*) – этап полного соединения с Дао, преодоления как жизни, так и смерти, то есть «колеса перерождений». Физическое тело (形 *син*), «сокрываясь», то есть, по сути, умирая, становится тождественным духу (神 *шэнь*). Само существование человека с этого момента зависит только от него самого, а не от обстоятельств: «Сохраняться или исчезать – все это зависит только от тебя самого, ведь отныне можно входить и покидать [этот мир] вне всяких промежутков».

Если на предыдущих этапах трансформации подвергалось только сознание или «сердце» (心 *синь*) человека, то здесь происходит мистическое преображение всего физического тела (形 *син*), а также всей совокупности физических и духовных свойств (身 *шэнь*), которые и понимаются как «персона» человека. Рождается «истинное тело» (真身 *чжэнь шэнь*), невидимое обычным взором. Сам же человек, преображаясь телесно и ментально, становится 神人 *шэнь жэнь* – «духовным человеком».

«Пережившие видение света»

Ритуал инициации состоит из умирания, прохождения через очищение «от тела» или от влияния тела, а затем – возрождения в чистом и пустотном виде. Указателем на получение трансформативного опыта и вхождение в состояние сяня часто является видение света (明 *мин*), сияния (光 *гуан*) или пребывания в нем, о чем практически повсеместно упоминают тексты, описывающие этапы трансформации последователя. Все эти компоненты мы можем видеть во многих буддийских и даосских рассказах о схождении в мир мертвых. Например, многочисленные истории подобного рода мы встречаем в сборнике V в. «Записки о знаках

¹⁷ «Рассуждения о сидении в забвении» (坐忘論 *Цзюван лунь*).

из сокрытого мира» (冥詳記 *Мэнсян цзи*), ученого и чиновника Ван Яня (王琰) [Исследование этого сборника см. Самрану, 2012]. Обратим внимание на историю про честного чиновника Чжао Тая, который внезапно умирает и попадает в мир мертвых, при этом находится в таком состоянии десять дней. Он же в своих снах (обратим внимание, что здесь вновь появляется излюбленный даосами и буддистами мотив сна или грезы – *мэн*) видит, как прямо у него из-под сердца выходит человек, затем еще два всадника на лошадях и два слуги, которые в дальнейшем сопровождают его. Примечательно, что эти люди выходят из него самого, что является по сути проекцией собственного «я» и отторжением души после смерти. Характерно, и то, что город, который посещает Чжао, именуется «городом преобразования форм» 變形城, то есть утраты прежнего тела (форма = физическому телу в китайских текстах) и перерождения себя в истинном виде. После прохождения очищения через страшные муки (символ прохождения инициации), очищенные или посвященные в этом городе «уносятся в пустоту и исчезают».

После этого Чжао переживает «состояние света» – он идет на юг и попадает в «Великую обитель, открывающую свет» (開光大舍), из врат которой струится «киноварно-красный свет» (朱彩). Это также соответствует одному из этапов посвящения – переживание яркого света после символической смерти и перехода через мучения и очищение. Свет этот настолько ярок, «что слепит глаза». В этом свете Чжао видит «духовного человека» (*шэнь жэнь*), сидящего на лежанке, который оказывается «Почитаемым миром», то есть Буддой. Таким образом в период инициации происходит переживание встречи со «духовным человеком».

Безусловно, такие рассказы (формально они составлялись в V–VI вв.), уже отделились от собственно посвяtitельных ритуалов и отражали принципы народного восприятия буддизма. Например, весь пафос вышеприведенного рассказа заключен именно в том, что спасение достигается через свершение добрых дел (в рамках буддийской концепции). Однако за этим дидактическим слоем мы без труда можем заметить и другой: рассказ о ритуале посвящения. В данном случае Чжао Тай умирает, но не до конца, он полужив-полумертв, как это бывает у шаманов или медиумов, входящих с состоянием глубокого транса: «сердце же его по-прежнему оставалось теплым, да и конечности его сгибались, как у живого человека». Это указание на «неполную смерть» мы можем встретить во многих даосских и буддийских рассказах, в том числе концепция «смерти как глубокой грезы» у даосов, странствия вне тела, пока оно «как мертвое сидит на земле» и т. д. Как видим, речь идет все же не об обыкновенной смерти, а о ритуальном умирании и переживании этой смерти.

Открытие нового знания воспринималось как свет, как ослепительное сияние. Посвященный пребывал в этом сиянии, видел его и сам происточал его. Переход от абсолютной тьмы к ярчайшему сиянию, «что не слепит», является важной частью практически всякого посвяtitельного ритуала в мистериях. «Дао Дэ цзин» буквально повторяет это: «Используй его сияние, возвращайся к его свету – и не причинишь себе вреда» («Дао Дэ цзин» § 52).

Проистечение света есть отличительная черта *сяня*. Так трактат «Тяньинь-цзы» (ок. VIII в.) прямо говорит о «свечении» как указателе на *сяня*. «Если сосредоточишь дух внутри и будешь источать сияние наружу, то станешь ты естественным путем отличаться от других, обычных людей. Именно такой и именуется «духовный *сянь*» – *шэнь сянь*. А ведь духовный *сянь* – одновременно и человек (神仙亦人)»¹⁸. Этой же мысли следует и другой текст ««Лао-цзы нэйгуан цзин» – «Канон Лао-цзы внутреннего созерцания»: «Причиной света выступает сияние духа, а когда дух поддерживается в таком состоянии, то и сердце сберегается», в результате чего и проявляется *сянь*»¹⁹.

¹⁸ Тяньинь-цзы // «Чжэнтун Дао цзан» – «Сокровищница Дао годов Чжэнтун» (正統道藏), т. 1026. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=27259> (дата обращения 11.01.2020).

¹⁹ «Канон Лао-цзы внутреннего созерцания» (太上老君內觀經 Лао-цзы нэйгуань цзин), «Сокровищница Дао годов Чжэнтун» (正統道藏 Чжэнтун Дао цзан), т. 641. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=357996> (дата обращения 19.01.2020).

Прием различных соматических средств, занятия дыхательными и медитативными практиками проводят к измененному состоянию сознания, которые воспринимаются как единственно истинное указание на трансформацию тела человека. На описательном уровне это воспринимается как фундаментальные изменения в природе – об этом рассказывается как о «раскатах грома», «стремительном воспарении к нефритовым пикам», «рыках тигров и драконов, что раздирают уши», «бурлении океана и вихрях». По сути, это описание различного рода видений, переживаний и ощущений, через которые проходит адепт в состоянии транса, и которые традиционно описываются не через физиологические ощущения (например, бурление в животе при определённых дыхательных упражнениях), но как «раскаты грома в нижнем дантянь». Телесные ощущения здесь воспринимаются как транстелесный опыт слияния с абсолютными началами мироздания и наполнения «единым духовным началом» (一靈 и лин). Такое метафорическое описание трансформаций тела обычно приводили, в частности, последователи школы Цюаньчжэнь. Так основатель этого направления Ван Чунъян описывает изменённое состояние так: «В одном порыве я возношусь в голубые небеса, проникаю в пустоту, а во мне появляется росток. Ревут драконы, потягиваясь и поднимаясь, рычат тигры. Пенные гребни волн перемешиваются с ветром, закручиваясь, опадая вниз и сотрясая все вокруг. Единое духовное начало наполняет тебя, пока ты не обретишь внутренний свет»²⁰.

Таким образом, категория людей особых свойств, которая называлась *сянями*, не определяются даосской традицией как «бессмертные», которые действительно способны жить бесконечно долго в физическом теле, более того, их смертность и уход из «бренного мира» постулируется как неизбежность. При этом ряд текстов подчеркивают градуальность обретения состояния *сяня*, что указывает на возможное существование поэтапной посвятительной традиции: каждому этапу *сяня* соответствует свой набор свойств. Само же обретение «природы *сяня*» не связано с каким-то набором «добродетельных поступков», но исключительно с тщательным выполнением всех этапов медиативной, дыхательной, алхимической или духовной практики, то есть таким образом достижение состояния *сяня* глубоко персонально. «Сяневость» воспринимается как получение глубокого трансформативного и трансперсонального опыта, как «перерождение» и переход через стадию смерти, «избавления от своего старого тела», к новому рождению в истинном виде – в виде «истинного человека». Такое перерождение также сопровождается получением яркого «света», обретением «сияния духа», погружением в «глубокую грезу», то есть связано с сильным внутренним переживанием.

Последователь проходит через ряд этапов трансформации, каждый из которых, в зависимости от конкретной школы, включает набор практик, нацеленных на достижение абсолютного покоя и самодеактуализацию. В ряде случаев это понимается как рождение себя в истинном виде (состояние «истинного человека»): прохождение через стадию «умирания в прошлом теле» и возрождения в новом, а также отправление в «далекие странствия», что типологически можно определить как особый тип перемены статуса и прохождение через систему посвятительных ритуалов.

Список литературы

- Маслов А. А.** Китай: укрощение драконов. Духовные поиски и сакральный экстаз. М.: Алетейя, 2006.
- Маслов А. А.** Метафора мистического преображения в даосском тексте «Древо без корней» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 4: Востоковедение. С. 59–74.
- Чжан Сыцзи.** Сыма Чжэньчжэнь «Цзюань лунь» ды цзегоу, сюлянь юй шэньсюэ сысян [張思齊·司馬承禎《坐忘論》的結構、修煉與神學思想]. Структура, методы практики и теоло-

²⁰ «Пятнадцать глав об установлении учения Чунъяна» (重陽立教十五論 Чунъян лицзяо шулуань) в: Чжэнтун Даоцзан, цз. 1233, 5а. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=191883> (дата обращения 19.01.2020).

гические идеи в работе Сыма Чжэньжэня «Рассуждение о сидении в забвении» // Хундао. 2010. Вып. 43. (на кит. яз.)

- Чэнь Иннин.** Ньюцзы даосюэ сяо цуншу [陳櫻寧. 女子道學小叢書. 心一堂(秀威代理)]. Малое собрание книг по даосской женской практике. Гонконг: Синьитан, 2010. (на кит. яз.)
- Campany R. F.** Signs from the Unseen Realm: Buddhist Miracle Tales from Early Medieval China (Kuroda Classics in East Asian Buddhism). University of Hawaii Press, 2012.
- Cosmipopoulos M. B.** Greek mysteries. Routledge, 2002.
- Creel H. G.** What Is Taoism. University of Chicago Press, 1970 (1956).
- Despeux C.** Gymnastics: The Ancient Tradition. In: Kohn L. (ed.) Taoist Meditation and Longevity Techniques. Ann Arbor: University of Michigan Center for Chinese Studies, 1989.
- Gennep A. V.** Rites of Passage. Routledge & Kegan Paul PLC, 1977.
- Kaltenmark M.** Le Lie-sien tchouan: biographies légendaires des Immortel Taoïstes de l'antiquité. Peking, Centre d'Études Sinologiques, 1953.
- Kirkland R.** Taoism: The Enduring Tradition. Routledge, 2004.
- Kohn L.** Early Chinese Mysticism: Philosophy and Soteriology in the Taoist Tradition. Princeton University Press, 1991, p. 96–104.
- Kohn L.** Sitting in Oblivion: The Heart of Daoist Meditation. Three Pines Press, 2010.
- Komjathy L.** The Way of Complete Perfection. SUNY Press, 2013.
- Maspero H.** Taoism and Chinese Religion. Quirin Press, 2014.
- Paper J. D.** The Spirits Are Drunk: Comparative Approaches to Chinese Religion. State University of New York Press, 1995.
- Pregadio F.** The Encyclopedia of Taoism. New York, Routledge, 2008, vol. 1, p. 911–913.
- Sivin N.** Chinese Alchemy: Preliminary Studies. Cambridge, MA, Harvard University Press, 1968.

References

- Campany R. F.** Signs from the Unseen Realm: Buddhist Miracle Tales from Early Medieval China (Kuroda Classics in East Asian Buddhism). University of Hawaii Press, 2012.
- Cosmipopoulos M. B.** Greek mysteries. Routledge, 2002.
- Creel H. G.** What Is Taoism. University of Chicago Press, 1970 (1956).
- Despeux C.** Gymnastics: The Ancient Tradition. In: Kohn L. (ed.) Taoist Meditation and Longevity Techniques. Ann Arbor: University of Michigan Center for Chinese Studies, 1989.
- Pregadio F.** The Encyclopedia of Taoism. New York, Routledge, 2008, vol. 1, p. 911–913.
- Gennep A. V.** Rites of Passage. Routledge & Kegan Paul PLC, 1977.
- Kaltenmark M.** Le Lie-sien tchouan: biographies légendaires des Immortel Taoïstes de l'antiquité. Peking, Centre d'Études Sinologiques, 1953.
- Kohn L.** Early Chinese Mysticism: Philosophy and Soteriology in the Taoist Tradition. Princeton University Press, 1991, p. 96–104.
- Kohn L.** Sitting in Oblivion: The Heart of Daoist Meditation. Three Pines Press, 2010.
- Komjathy L.** The Way of Complete Perfection. SUNY Press, 2013.
- Maspero H.** Taoism and Chinese Religion. Quirin Press, 2014.
- Paper J. D.** The Spirits Are Drunk: Comparative Approaches to Chinese Religion. State University of New York Press, 1995.
- Sivin N.** Chinese Alchemy: Preliminary Studies. Cambridge, MA, Harvard University Press, 1968.
- Kirkland R.** Taoism: The Enduring Tradition. Routledge, 2004.
- Maslov A.** China: The taming of dragon. Spiritual quest and sacral ecstasy. Moscow, Alethea, 2006. (in Russ.).
- Maslov A.** The Metaphor of Transformation in the Taoist Text “Rootless Tree”. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 4: Oriental Studies, p. 59–74. (in Russ.)

- Zhang Siji.** Sima Zhenren “Zuowang lun” de jiegou, xiulian yu shenxue [張思齊. 司馬承禎《坐忘論》的結構、修煉與神學思想]. Structure, methods of practice and theological ideas in the work of Sima Zhenzhen “On Sitting in Oblivion”. *Hongdao*, 2010, iss. 43 (in Chin.)
- Chen Yingning.** Nuzi dao xue xiao congshu [陳櫻寧. 女子道學小叢書. 心一堂(秀威代理)]. Short collection of books on Taoist women’s practice. Hong Kong, Xinyitang publishing house, 2010. (in Chin.)

Материал поступил в редколлегию

Received

20.01.2020

Сведения об авторе

Маслов Алексей Александрович, доктор исторических наук, профессор, и. о. директора Института Дальнего Востока РАН (Москва, Россия)
maslov@ifes-ras.ru

Information about the Author

Alexey A. Maslov, PhD, Professor, acting director of the Institute of Far Eastern Studies RAS (Moscow, Russian Federation)
maslov@ifes-ras.ru

Гадательные ритуалы с использованием благовоний в современной китайской религиозной практике

Е. Э. Войтишек, Яо Сун, А. В. Горшкова

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

Аннотация

На основе китайских письменных источников, а также полевых материалов авторов исследования были проанализированы особенности даосско-буддийских практик с использованием благовоний, а также содержание 24 комбинаций, возникающих при гадании на трех благовонных палочках, использующихся в ритуалах, известных с раннего средневековья и до сих пор занимающих заметное место в религиозной практике Китая.

В содержании ритуалов важное место занимают приемы и техники, характерные и для буддийских практик, и для даосских церемоний, и для традиционных народных верований. В комментариях к ритуалам в оригинальных источниках широко используется и общая терминология. В этих религиозных ритуалах присутствуют древнейшие представления о Небе как «источнике нравственных смыслов», реагирующем на деяния человека путем всевозможных знамений; учение о всеохватной пневме *ци* как энергии мироздания и нумерологическое ее воплощение; мировоззренческие идеи, включающие древние даосские верования и практики, связанные с культом предков, почитанием Неба и различных духов; основные буддийские постулаты о перерождении, карме и воздаянии за совершенные деяния. В проведении гадательных ритуалов с использованием благовоний естественным образом воплотились и народные представления, имевшие большое значение для воспитания нравственности многих поколений на протяжении почти двух тысячелетий.

Таблицы и комментарии к 24 гадательным комбинациям с благовониями публикуются на русском языке впервые.

Ключевые слова

ароматическая культура, Китай, ритуал гадания, благовония, буддизм, даосизм, народные верования, 24 гадательные комбинации

Благодарности

Авторы выражают глубокую признательность господину Альфреду Хо (何文翔) из Института Агарового дерева и его коллегам за ценные консультации и возможность изучения даосско-буддийской религиозной общности в Сянгане (Гонконге) в 2016–2019 гг. Большая благодарность госпоже Ширли Хо (何瑞明) – помощнице настоятельницы из буддийского женского монастыря Линвансы (凌雲寺), наставникам Алексу Чань (陳武揆) и Кристине Пан (李蕙嫻) из даосского монастыря Фунъин-синкун (蓬瀛仙館), а также старцу Белой Лисы (白狐老人), даосскому наставнику Лай И Мину (黎宜銘) из храма Вон Тай Син (黃大仙) в Сянгане – за внимательное отношение и полезные рекомендации. Отдельная благодарность сотрудникам Университета национальностей Внутренней Монголии в г. Тунляо – госпоже Алима (阿丽玛), господину Сун Цяну (怡德日赫) и наставнику-ламе Чэньцзижимуту (陳吉日木圖) за возможность изучения религиозных практик в ламаистском комплексе Далэлиньсы 大乐林寺 в октябре 2019 г. (Внутренняя Монголия, КНР).

Для цитирования

Войтишек Е. Э., Яо Сун, Горшкова А. В. Гадательные ритуалы с использованием благовоний в современной китайской религиозной практике // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 4: Востоковедение. С. 25–50. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-4-25-50

Fortune Telling Rituals Using Incense in Modern Chinese Religious Practices

E. E. Voytishek, Song Yao, A. V. Gorshkova

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

Based on Chinese written sources and the authors' research field materials, the paper analyzes features of Taoist Buddhist practices using incense, as well as the purport of the 24 combinations that arise during fortune telling using three incense sticks – a practice used in rituals dating back to the early Middle Ages which still occupies a prominent place among China's religious practices today.

The techniques that are concurrently characteristic of Buddhist practices, Taoist services as well as traditional folk beliefs hold a prominent place during the ritual. General terminology is primarily used in the comments supplementing the rituals in the original sources. These religious rituals involve ancient representations of Heaven as a “source of moral definitions” which reacts to human deeds through various signs, the teachings of the all-encompassing Qi as the energy of the universe and its numerological embodiment, worldview ideas including ancient Taoist beliefs and practices related to the cult of ancestors as well as worship of Heaven and various spirits, and basic Buddhist postulates of rebirth, karma and retribution for committed acts. Conducting fortune telling rituals using incense naturally embodied folk beliefs, which was instrumental in the ongoing teachings of morality to many generations across almost two millennia.

Tables and comments on the 24 fortune telling combinations are published in Russian for the first time.

Keywords

Incense culture, China, fortune telling ritual, incense, Buddhism, Taoism, folk beliefs, 24 fortune telling combinations

Acknowledgements

The authors would like to express their deepest gratitude to Mr Alfred Ho (何文翔) of the Institute of Agarwood and his colleagues for the valuable assistance and the opportunity to study Taoist-Buddhist rituals in Hong Kong throughout 2016–2019. A big thank you to Ms Shirley Ho (何瑞明) – assistant to the abbess of the Ling Wan Monastery (凌雲寺), mentors Alex Chan (陳武揆) and Christina Pan (李蕙嫻) from the Taoist Monastery Fung Ying Seen Koon (蓬瀛仙館), as well as elder White Fox (白狐老人) and Taoist mentor Lai Yi Ming (黎宜銘) from the Wong Tai Sin Temple (黃大仙) in Hong Kong for their attentive approach and helpful recommendations. A special note of thanks to the Inner Mongolia University for Nationalities staff – Mrs Alima (阿丽玛), Mr Song Qiang (怡德日赫) and the mentor lama Chenjirimutu (陳吉日本圖) for the opportunity to study religious practices in the Lamaist complex of Daledinsi 大乐林寺 in October 2019 (Inner Mongolia, PRC).

For citation

Voytishek E. E., Yao Song, Gorshkova A. V. Fortune Telling Rituals Using Incense in Modern Chinese Religious Practices. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 4: Oriental Studies, p. 25–50. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-4-25-50

Введение

Формирование мировоззренческих и философско-религиозных основ китайской культуры происходило вместе с развитием традиции древнейших гадательных практик, связанных с использованием лопаточных костей животных, панцирей черепах, стеблей тысячелистника (и позднее монет), а также при помощи различных манипуляций с календарно-астрономическими и астрологическими вычислениями.

Вместе с тем в практику древних гадательных ритуалов неизменным атрибутом входил обычай возжигания разнообразного ароматического сырья растительного и животного происхождения. В дальнейшем это привело к формированию богатейшей культуры ароматов с большим разнообразием инструментария и функционального назначения. Прежде всего, благовония широко применялись в санитарно-гигиенических целях, для предотвращения болезней, отпугивания насекомых и пр.

При этом применение благовоний не ограничивалось исключительно бытовыми нуждами: ароматические вещества и весь богатый инвентарь для их воскурения, обладая ярко выра-

женной эстетической функцией, доставляли удовольствие также для обоняния и созерцания, способствуя релаксации и очищению сознания. Возжигание ароматической древесины с течением времени широко внедрилось в практику проведения различных религиозно-магических обрядов, во время которых вместе с ароматным дымом к божествам отправлялись заветные мольбы и желания людей [Войтишек, 2017. С. 44].

По крайней мере с эпохи Тан вошли в обыкновение массовые церемонии по возжиганию благовоний с целью совершения молитвенных обрядов с просьбой о покровительстве Будды, благословении духов в тяжелые времена вражеских вторжений, смуты или стихийных бедствий. Такие церемонии проводились императорами, чиновниками и монахами высоких рангов¹.

В народных верованиях также глубоко укоренилась традиция воскурения благовоний при обращении к духам и божествам за помощью в различных неблагоприятных ситуациях, связанных с пожарами, стихийными бедствиями, смутами, разрушениями, семейными неурядицами и всевозможными жизненными перипетиями. Китайская художественная и письменная традиция изобилует примерами упоминаний и описаний подобных случаев, что дает возможность использования произведений литературы и искусства в качестве надежных источников изучения повседневных духовных практик народа².

Данная статья посвящена анализу конкретных методов использования благовоний в гадательных религиозных практиках современного Китая. Материалом для настоящей работы послужили сведения из письменных источников древности и современности, данные, почерпнутые из рассказов информаторов, современных жителей Харбина, встреч авторов данного исследования с настоятелями, служителями и монахами даосских святилищ и буддийских храмов, наблюдений авторов за календарно-ритуальной жизнью городских жителей разных районов Китая – от Синьцзяна, Ганьсу и Внутренней Монголии на северо-западе до Пекина и крупнейших провинций Центральной равнины, вплоть до юга КНР, включая Сянган (Гонконг) и Макао [Войтишек, 2015; Войтишек, 2016].

Особенности даосско-буддийских практик с использованием благовоний

Важной особенностью современных религиозных практик как в материковом Китае, так и на о. Хайнань, в особых административных районах на юге (Сянган, Макао), на Тайване, является проведение многих синкретичных ритуалов и обрядов, характерных для даосизма и буддизма, включающих при этом элементы традиционных народных верований и суеверий. Это касается не только содержания и названия самих ритуалов, но и набора аксессуаров и атрибутов: от музыкальных инструментов, сосудов и всевозможных приспособлений для

¹ Вэнь Цуйфан, Лю Хунъянь. Изучение буддийских церемоний воскурения благовоний для предотвращения несчастий и испрошения благословения Неба в эпоху Тан [温翠芳, 刘红艳. 唐代佛教消灾祈福行香研究 / 史料研究] // China Academic Journal Electronic Publishing House 1994–2019. DOI 10.16565/j.cnki.1006-7744.2018.11.37 (на кит. яз.)

² Так, во множестве произведений древней и средневековой литературы Китая, вплоть до Новейшего времени, упоминаются различные ситуации, связанные с воскурением благовоний при обращении к божествам с мольбами и просьбами. Практически во всех китайских классических романах XIV–XVIII вв. присутствуют описания возжигания курений по тому или иному случаю, включая элементы гадания. Например, в главе 10 сатирического романа «Неофициальная история конфуцианцев», написанного в XVIII в. У Цзинцзы, упоминаются гадания по триграммам, обращения к духам и звездам, физиогномические методы, даосские практики внутренней и внешней алхимии, подразумевающие обретение состояния бессмертных-сяней и поиски пилюли бессмертия. Среди прочего упоминается метод тайных прорицаний 扶乩/扶箕/扶鸾 *фуцзи* – рисование знаков на мелком песке или пепле от прогоревших благовоний, что считалось прямыми посланиями духов. Переводчик романа Д. Н. Воскресенский, известный специалист по китайской литературе, не отразил это в своем переводе, выразив мысль иносказательно («Я, недостойный, гадаю по чертам, по звездам предсказываю судьбу, определяю будущее по наружности, владею тайной эликсира бессмертия, вызываю духов» [У Цзинцзы, 1999. С. 141]). Между тем в оригинале сказано: 卜易、谈星、看相、算命、内科、外科、内丹、外丹, 以及请仙判事, 扶乩笔篆, 晚生都略知道一二, где понятие 扶乩笔篆 *фуцзи билу* как раз указывает на тайные записи-прорицания духов, оставшиеся на пепле или песке от сжигания благовоний. Цитата из романа приводится по: [У Цзинцзы, 1958. С. 248].

церемоний – и до использования общей терминологии в молитвословиях, в календарной общности, в гадательных практиках и традиции составления календарей на каждый день.

Непременным атрибутом практически любой церемонии даосского или буддийского характера является воскурение ароматов, жертвоприношения в виде фруктов, воды и различных благовоний, сжигание жертвенных денег и священных символов при различных очистительных ритуалах.

Это касается различных регулярных утренних и вечерних действий (早晚功课 *цзаовань гункэ*), а также таких специальных церемоний, как заупокойные службы с чтением сутр (度亡法事 *дуван фаши*), обряды покаяния и исповеди (忏科 *чанькэ*), испрошение благословения (祈福法事 *цифу фаши*), обряд поклонения Ковшу созвездия Большой Медведицы (清微礼斗科 *цинвэй лидоу кэ*), обряд покаяния патриарху Люю (吕祖忏 *люй-цзу чань*)³, обряд поклонения Верховному владыке Нефритовому государю (玉皇朝 *юй-хуан чао*), обряд обращения к душам покойных (关灯散花科 *гуаньдэн саньхуа кэ*)⁴, совместные трапезы, коллективные моления, декламация сутр и др. [Пэнъян-сяньгуань, 2017. С. 8–11].

В подобных церемониях мыслительные и духовные усилия верующих, обращающихся к Небу и божествам в молитвах с просьбой о благословении, как правило, сопровождаются возжиганием благовоний и особыми ритуальными действиями, включающими разнообразные поклоны, простираание на коленях, хлопанье в ладоши, пожертвование денег, удары в колокол и др. В соответствии с жесткими указаниями лунного и буддийского календарей, диктующих строгую очередность ритуальных действий, прихожане часто являются в даосские святилища и буддийские храмы, воскурят благовония, обращаясь к богам и Небу с мольбами. Одновременно с этим они советуются со служителями, как устраивать и проводить соответствующие обряды у домашних алтарей.

Существует множество справочных изданий, ознакомительных курсов при святилищах и храмах, посвященных особенностям проведения различных буддийских и даосских ритуалов в домашних условиях, в том числе специфике использования ароматической продукции, особых методик при воскурении благовоний в специальные дни лунного или буддийского календаря.

На этом фоне выделяется длительная традиция использования в Китае благовоний, благовонных палочек в ритуалах жертвоприношения и гадания. В процессе воскурения благовоний в храмах и на домашних алтарях со временем были замечены определенные повторяющиеся закономерности. В результате многочисленных опытов с благовониями постепенно было выделено основных 24 комбинации (то есть 24 варианта прогорания в курильнице трех благовонных палочек, где учитывались даже такие факторы, как будет дуть ветер и падать пепел), которые были включены в своеобразные таблицы (с незначительным расхождением) и снабжены подробным комментарием.

Есть устойчивая версия, согласно которой таблицы, где представлены результаты гаданий, составлены по правилам буддийских канонов и специальных календарей. Согласно этим правилам, число «три» совершенно не случайно при выборе количества возжигаемых благовонных палочек. Во-первых, число «три» символизирует триединство Неба, Земли и человека между ними – именно этим силам и предназначались изначально три ароматических палочки⁵. Во-вторых, здесь важно принять во внимание ключевое понятие «трех сокровищ»

³ См. о даосском патриархе по имени Люй Дун Бинь (Люй-цзу), жившем при поздней династии Цин в Сицзяо в провинции Гуандун в Китае, издание [Lu Sun-Young. The Holy Master of Taoism. The Precious Repentance of Patriarch Lu. Hong Kong, Sunway Printing Company, 2014, 60 p.].

⁴ Обряд поклонения душам всех умерших (букв. «пяти направлений» 五方 *уфан*, то есть севера, юга, востока, запада, центра), подразумевающий освещение пространства вокруг, во всех направлениях, чтобы донести свет всем душам ушедших людей, чтение сутр и подношение цветов.

⁵ В разных регионах Китая во время ежедневных ритуалов при храмах сжигают огромное количество благовонных палочек. При этом используются изделия разного размера, формы, длины и толщины. Количество пало-

三宝 *саньбао*, объединяющее Будду, его учение Дхарма и монашескую общину Сангха (а также единство трех тел Будды), что тоже могло отразиться в символике возжигаемых палочек⁶. Кроме того, в рекомендациях по использованию таблицы с 24 комбинациями благовоний дается еще одна трактовка, связанная с пониманием символики трех благовонных палочек как знака особого знания и учения – «практика Анасвары (изжитие омрачений сознания, вызванных иллюзиями повседневности) через обеты *виная*, состояние глубокого религиозного сосредоточения *самадхи* и обретение Высшей мудрости Праджня» (戒、定、慧三无漏学 *цзе, дин, хуэй сань у лоу сюэ*)⁷.

На самом деле перечисленные трактовки не исчерпывают содержание других триединых понятий. Здесь уместно говорить об использовании общих нумерологических принципов, характерных для буддизма, даосизма и конфуцианства, но имеющих свое содержательное наполнение. Как правило, под числом «три» в буддизме понимается прежде всего Пустота, «тело будды» Дхармакайя и высшая мудрость Праджня; в даосизме – «три начала» 三元 *сань юань* и три высших мира (три верховные божества) 三清 *сань цин*, в конфуцианстве и в даосизме – «три сокровища» 三宝 *сань бао* (телесная сущность 精 *цзин*, пневма 气 *ци* и дух 神 *шэнь*).

Что касается выбора числа 24 как определяющего всю разумную вариантность возможных комбинаций (но не предельную, поскольку существует вариант из $72 = 24 \times 3$ комбинаций⁸), то это тоже представляется чрезвычайно важным. Прежде всего, вероятно, число $24 = 8 \times 3$ связано с символикой понятия «восемь триграмм» 八卦 *ба гуа*, впервые сформулированного в комментариях к выдающемуся памятнику древней натурфилософии «Чжоу и» 周易 (более известном под названием «Книга Перемен» 易经), знаки которых базируются именно на трех линиях (сплошной и прерывистой в разных комбинациях).

Знаки восьми триграмм наряду с 64 гексаграммами, являясь графическими результатами гадания, «образуют всеобъемлющую иерархию классификационных схем». Это позволяет «распределить по родам свойства всей тьмы вещей», охватывая любые аспекты действительности – время, пространство, природные стихии, цвета, социальные и семейные отношения. При таком подходе можно «описывать всевозможные ситуации и процессы, фиксировать реальные или умозрительные отношения между ними»⁹. По меткому выражению Ю. К. Щуцкого, переводчика и исследователя этого памятника, сама книга «возникла как текст вокруг древнейшей практики гадания и служила в дальнейшем почвой для философствования» (цит. по: [Еремеев, 2013. С. 93]).

чек в одной порции при воскурении тоже варьируется – от трех до десяти. В настоящее время в большей степени это определяется коммерческими факторами, чем идеологическими.

⁶ Китайские исследователи обращают внимание на числовую символику в религиозных ритуалах – см., напр., статью Сун Яна «Числа 3 и 7 в буддизме и православии» [宋洋. 佛教与东正教中的“三”与“七”] // China Academic Journal Electronic Publishing House 1994–2019. 2015, № 2. Р. 98–101. DOI 10.19309/j.cnki.zyx. 2015.02.021 (на кит. яз.).

⁷ Цзюйши цзе Гуаньинь сяньпу туцзе. Шэньчжуань эршисы чжун сяньпу миши цзисюн [居士解观音香谱图。神传二十四种香谱密示吉凶]. «Почитатели Гуаньинь объясняют иллюстрации к комбинациям благовоний [для гадания]. Передающие божественное учение 24 комбинации благовоний [для гадания] объясняют тайный смысл счастья и несчастья» // Baidu baike (free encyclopedia). URL: <https://wenku.baidu.com/view/73fd098b02d276a200292edd> (дата обращения 13.01.2020).

⁸ Ци ши эр сяньпу тупань цзи цзеши [七十二香谱图片及解释]. Иллюстрации и комментарии к 72 комбинациям благовоний [для гадания] // Baidu baike (free encyclopedia). URL: <https://wenku.baidu.com/view/066f04043169a4517723a35a.html?sxts=1578978566934> (дата обращения 14.01.2020).

⁹ Карапетьянц А. М. «Ба гуа» как классификационная схема // Материалы 13-й научной конф. «Общество и государство в Китае». М., 1982 Ч. 1. (Электр. библиотека Института философии РАН. Новая философская энциклопедия). URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0178d06534a5c44971161178> (дата обращения 10.01.2020).

Число 24 занимает также важное место и в буддийской символике. Среди буддийских ритуалов особым почетом пользуется культ богини Милосердия Гуань-инь, которой верующие поклоняются ежемесячно 24-го числа. В этот день прихожане особенно чествуют свою покровительницу, жертвуя в ее честь большое количество благовоний. Список из 24 комбинаций результатов гаданий как раз служит этим целям, символизируя обрядовую цикличность.

В наставлениях верующим и прихожанам дается много рекомендаций относительно способов проведения гадательных ритуалов с тремя благовонными палочками, причем эти правила формулируются главным образом с использованием общеизвестных доктрин буддийского учения.

Так, сначала рекомендуется помолиться перед алтарем, поджечь концы всех трех палочек, затем ровно их установить посередине курильницы, хорошо укрепив их в слое пепла. При этом палочки желательнее устанавливать строго определенным образом: первую следует поставить посередине (供养佛 *гунъян фо* – «подношение Будде»), вторую – установить справа (供养法 *гунъян фа* – «подношение истинному Учению (Дхарме)»), третью – поместить слева (供养僧 *гунъян сэн* – «подношение монашеской общине (Сангха)»). Одновременно с этим допускается молиться за истинные принципы и благополучие людей: первая палочка символизирует «подношение во имя Трех Драгоценностей во всех десяти сторонах света» (供养十方三宝 *гунъян шифан саньбао*), вторая палочка – здоровье родителей и наставников (供养父母师长 *гунъян фуму шичжан*), третья палочка – всех живых существ (供养一切众生 *гунъян ице чжуншэн*). Завершив поклонение духам и божествам, следует проверить, как прогорели палочки, определить их длину в соотношении друг с другом, сверить со схемой и значением в таблице из 24 комбинаций благовоний¹⁰.

При этом в рекомендациях прихожанам настоятельно призывают никогда не использовать более трех палочек, специально подчеркивая, что подносить слишком большое количество благовоний Будде и бодхисаттвам не имеет смысла (много ароматного дыма прямо не сулит больше благословения и милости, подчас даже одной ароматной палочки бывает достаточно). Есть только одно условие – благовоние, предназначенное духам и божествам, должно быть хорошего качества, его надо преподносить от чистого сердца, с искренними помыслами, поскольку «только прекрасный аромат сможет донести святость и подлинную истину Учения» (烧三支文明香, 敬一片真诚心)¹¹.

Как правило, самыми ценными и качественными в Китае признаются благовония, сделанные из древесины агарового и сандалового дерева, что подтверждается не только длительной традицией их использования в многочисленных ритуалах, но и авторитетными письменными источниками древности и средних веков, включающими даосские и буддийские трактаты, записки о даосских алхимических опытах, специальные исследования ботанического и медицинского характера, справочники, записки мореплавателей и путешественников, а также многие другие сочинения.

Примечательно, что ряд правил и рекомендаций, принятых в ритуалах, связанных вообще с подношением благовоний во время религиозных церемоний, касается специфических приемов и строгого порядка действий. Так, при подношении благовонных палочек большого размера в храмах (на алтарях и в курильницах, стоящих перед святилищами) большое значение имеют правильные движения. Благовонные палочки нельзя держать вертикально впереди себя на уровне груди, это «не соответствует достойным манерам» (不合威仪). Правильный

¹⁰ Цзюйши цзе Гуаньинь сяньпу туцзе. Шэньчжуань эршиши чжун сяньпу миши цзисюн [居士解观音香谱图。神传二十四种香谱密示吉凶]. «Почитатели Гуань-инь объясняют иллюстрации к комбинациям благовоний [для гадания]. Передающие божественное учение 24 комбинации благовоний [для гадания] объясняют тайный смысл счастья и несчастья» // Baidu baike (free encyclopedia). URL: <https://wenku.baidu.com/view/73fd098b02d276a200292edd> (дата обращения 13.01.2020).

¹¹ Там же.

способ заключается в том, чтобы их захватить указательными и средними пальцами обеих рук, поддерживая большими пальцами основание палочек, что помогает удерживать равновесие; затем надо с почтением вознести палочки над головой, опустить до уровня бровей, при этом надо следить, чтобы благовонные палочки находились ровно под углом 90° к лицу человека, совершающего обряд.

К числу строгих правил относится запрет задувать горящие благовония самому на выдохе (不可用口吹灭) – иначе можно попасть в буддийский ад (会堕优钵罗地狱)¹²; нельзя также при подношении благовоний Будде самому наслаждаться ароматом – иначе может постигнуть возмездие, заключающееся в том, что человек не сможет потом отличать дурные запахи. Ритуал подношений благовоний духам и божествам рекомендуется делать с закрытым ртом – иначе впоследствии речам такого человека не будут верить¹³.

Что касается домашних алтарей, то существуют специальные инструкции, как и какие предметы туда следует ставить, какие фрукты подходят для жертвоприношений в тот или иной сезон и др. Подробные рекомендации касаются и ухода за таким обязательным элементом оформления алтаря (наряду со светильником и цветами), как курильница. Она должна храниться в чистоте, в ней не должно быть остатков недогоревших благовоний – это диктуется не только соображениями пожарной безопасности, но и эстетическими предпочтениями. При воскурении благовоний в качестве подношений Будде и бодхисаттвам желательно все манипуляции проводить самому – если доверить это другим, в личную заслугу это не зачтется. При этом большой добродетелью обычно считаются пожертвования и одаривания благовониями родственников и знакомых.

Несмотря на ярко выраженный буддийский характер ритуальных практик с благовониями, при анализе идеологической и мировоззренческой основы этих ритуалов нельзя сбрасывать со счетов и даосские воззрения, и прежде всего символику числа «три». Как известно, основополагающее сочинение даосизма «Канон о Пути и Благодати» (道德经 Дао дэ цзин), демонстрируя идею многообразия мира, оперирует важными нумерологическими символами, выраженными числами от «одного» до «трех»: 一生二, 二生三 и шэн эр, эр шэн сань, что буквально означает «одно рождает два, два рождает три», где число «три» выражает значение всего сущего, что находится между Небом и Землей (фактически 三生万物 сань шэн ваньу «три рождает десять тысяч вещей»)¹⁴ [Лао-цзы, 1990. С. 3].

Кроме того, большим онтологическим значением в даосизме обладает понятие «три сокровища» 三清 саньцин, которое, в отличие от буддийской трактовки, объединяет три верховных даосских духа или «три мира чистоты». Вероятно, адепты даосизма связывают три благовонные палочки, используемые в ритуалах гадания, именно с этими важными категориями.

Уже упоминавшийся ритуал 扶乩 фуци¹⁵ наряду со множеством других гадательных техник, использующихся до сих пор в даосских церемониях (особенно в южных районах Китая) и обрядности, свойственной народным верованиям, является известным со времен эпохи Восточная Цзинь (316–420) способом общения с духами. Прорицания осуществляются путем

¹² Понятие 优钵罗地狱 юболо диюй – не просто «буддийский ад», а Утпала-нарака – место, где от холода тело человека синее и становится подобным синему лотосу Утпале.

¹³ Там же.

¹⁴ К слову, при этом выражение 三生 сань шэн в буддийских категориях означает понятие «три жизни», подразумевая прошедшее, настоящее и будущее.

¹⁵ В отношении этого ритуала используются также и другие названия: 靖仙 цянсянь («праведный святой»), 卜紫姑 бу цыгу («молить о предсказаниях [женское божество отхожего места] Цзы-гу»), 降笔 цянби («спустившиеся [с небес] письмена»). См. [Чжан Чжицян. Юэвэй цаотан бицзи чжун дэ миньсу вэньхуа фуци [张志倩. 阅微草堂笔记中的民俗文化扶乩]. Ритуал фуци из народной культуры, описанный в произведении «Записки из хижины “Великое в малом”». URL: <https://wenku.baidu.com/view/b65627f3c8d376eeaeaa3177.html?from=search> (дата обращения 17.01.2020)]. Китайский автор упоминает 40 историй в жанре записок-бицзи из знаменитого сочинения известного чиновника-литератора Цзи Юня (1724–1805), где встречаются описания данного ритуала.

прорисовки неких знаков на пепле от прогоревших благовонных палочек (кроме пепла используют также мелкий песок, муку или пудру). Ритуал проводят три участника, символизирующих Небо, Землю и человека (т. н. «три начала» 三才 *саньцай*), – как правило, в этой роли задействованы дети или старики.

Прежде всего, на столе (乩坛 *цзитань*) раскладывают все предметы, необходимые для ритуала гадания. На стол ставят поднос с мелким песком или пеплом (вместо подноса также используются плетеная корзинка из ивовых веток в форме широкой плоской чаши). Один участник ритуала над этим подносом держит деревянную рамку 乩架 *цзицзя* в форме буквы Т или треугольника. К этой рамке вертикально прикрепляют подвес 乩笔 *цзипи* (часто это просто благовонная палочка), подвес в ходе ритуала держит распорядитель церемонии 扶乩手 *фуцзи шоу* (если в действе участвует ребенок, то его в этом случае называют 乩童 *цзитун*). В процессе гадания кончик подвеса «сам» рисует некие знаки. В зависимости от количества участников это действие может считаться «ритуалом одного человека» (一人乩 *и жэнь цзи*) и «ритуалом двух человек» (二人乩 *эр жэнь цзи*). Если это «ритуал одного человека», то участник держит рамку двумя руками. Если «двух человек», то каждый участник держит рамку одной рукой. «Хозяин» ритуала обращается с мольбами к духам и приглашает их прийти (эта часть ритуала называется 起乩 *цзичи*). Некоторые пожаловавшие духи (乩仙 *цзисянь*) представляют себя, но многие не называют своего имени. Фактически эти духи считаются духами умерших людей (灵鬼 *лингуэй*). Знаки, которые выводит на пепле подвес, считаются ответом духа. Специальный человек (乩语 *цзуйю*) записывает ответ духа, а «хозяин» ритуала трактует и объясняет его присутствующим. В ходе ритуала «хозяин» выступает как медиатор при общении с духом, он может говорить какие-то слова, фактически его телом управляет дух. Он находится в пограничном состоянии, которое достигается путем больших затрат внутренней энергии¹⁶ [Чжан Чжицян, 2009. С. 157–158].

Примечательно, что этот спиритический способ прорицания, начиная с XII в., широко практиковали монахи в рамках даосской школы 全真(教) Цюаньчжэнь(цзяо) (Учение Совершенной Истины), адепты которой развивали южно-китайскую традицию «внутренней алхимии» 金丹 *цзиньдань* («золото киноварного эликсира»). Эта школа и по настоящее время сохраняет свои лидирующие позиции среди даосских адептов – в 1957 г. на базе монастыря Байюньгуань в Пекине была создана Всекитайская ассоциация последователей даосизма (中国道教协会)¹⁷.

В источниках, посвященных анализу методов гадания с помощью благовоний, упоминаются заслуги господина Чжоу Сяньси (周咸熙先生) из даосской Академии Ваньгу в Пекине (北京万固道德学院), который «более 40 лет хранил в секрете 24 комбинации благовоний», затем свел все данные в одну таблицу и в начале XX в. опубликовал свои умозаключения с тем, чтобы простые люди, воскуривая благовонные палочки у своих домашних алтарей, могли лучше разобраться в текущей жизненной ситуации, проанализировать свои чувства, дела и поступки, извлечь уроки и сделать выводы.

¹⁶ Этот процесс упрощенно представлен в криминальном детективном фильме «Полицейские изгоняют духов» (驅魔警察 «Magic Cop»), снятом в 1990 г. в Сянгане. На 35–38 минутах фильма полицейские вычисляют маршрут скрывшегося преступника путем проведения прямо на улице гадательного ритуала *фуцзи* с использованием трех благовонных палочек и медиума, установившего астральную связь со злодеем. См. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ZPcfVYzQREY> (дата обращения 15.01.2020).

¹⁷ Важной особенностью религиозной практики этой школы, сосредоточенной на нравственном самосовершенствовании, является ярко выраженный синкретизм, объединяющий и конфуцианские, и буддийские, и даосские идеи. Е. А. Торчинов приводит одно из парадоксальных названий этой школы – «даосское учение чань» (道教禪 *дао цзяо чань*), свидетельствующее о том, что Учение Совершенной Истины формировалось под сильным влиянием чань-буддизма. См. обзор работ Е. А. Торчинова о даосской школе Цюаньчжэнь. URL: http://www.galactic.org.ua/f_h/z23.htm (дата обращения 16.01.2020).

Гадательные комбинации с использованием благовоний
(по материалам сайта свободной электронной китайской энциклопедии:
<https://ms.mbd.baidu.com/sc7kijc?f=cp&u=1df5394f62e8b895>)

 1	平安香 平安 无事	 2	孝服香 七日内主家 中有孝服穿
 3	寿 左搭右增 右搭左减	 4	禄 左搭右增 右搭左减
 5	小天真 神仙临玄 急焚香火	 6	大天真 佛祖临玄 急焚香火
 7	催命香 月内有命终之人 或半旬有殁之命	 8	赠财香 十日内有 进财之兆

 9	小莲花香 三日内必有人来吉事相望	 10	大莲花香 七日内来财喜
 11	献瑞香 三日内有吉祥之兆	 12	口舌香 七日内有凶人来争是非
 13	长生香 三日内有来相邀请	 14	恶事香 七日内有来争打是非
 15	疾病香 七日之内有疾病人	 16	消灾香 灾消难满百福并生
 17	贼盗香 早有土匪晚有贼盗	 18	极乐香 修仙自有金丹成 庶人终有喜庆成

 19	功德香 功行金各 神灵默佑	 20	天地香 天地采香 急焚香火
 21	成林香 行功立德 自作有天护法	 22	催供香 三日内有 祖收香火来急
 23	增福香 十日内有 吉祥如意	 24	催丹香 道家生丹 身轻体长 发福生财

Ниже приводится перечень 24 комбинаций, разработанный даосским мастером Чжоу Сяньси при гадании по трем благовонным палочкам, который сопровождается пояснениями и комментариями, выполненными по материалам китайских сайтов и статей в переводе авторов статьи.

24 комбинации при гадании по трем благовонным палочкам (二十四香谱)¹⁸

1. 平安香 *пинъань сянь* «аромат спокойствия и благополучия»

平安无事 *пинъань ушэ*

«Все спокойно и благополучно, без происшествий»

Описание: три благовонные палочки прогорели одинаково ровно. Палочки сгорели в отношении 1:1:1.

Значение: на настоящий момент все хорошо, благополучно и спокойно – и в семье, и на работе, в профессиональной карьере и бытовой жизни.

Объяснение: в мире нет такого человека, кто не хотел бы мира и спокойствия. Истинная причина мира и благополучия состоит в том, чтобы соблюдать закон, любить близких, искоренять зло. Всякий раз, когда дома или на работе ощущается дискомфорт, «аромат спокойствия и благополучия» является напоминанием о том, что и как мы делаем. Надо задуматься, соответствует ли такая комбинация реальной ситуации по отношению к закону, общественному мнению, вплоть до убийства, кражи или даже супружеской измены. Распространение добра и немедленное устранение зла – в этом заключается смысл этой комбинации в неблагоприятные времена. С другой стороны, в благоприятных обстоятельствах «аромат спокойствия и благополучия» может быть тревожным сигналом. Если мы не соблюдаем закон, проявляем душевную черствость, это может причинить вред другим. Мы должны немедленно исправить положение, скорректировать свои действия, чтобы обеспечить гармонию и спокойствие.

2. 孝服香 *сяофу сянь* «аромат сыновних (траурных) одеяний»

七日之内主家中穿孝服 *ци жи чжи нэй чжуцзя чжун чуань сяофу*

«В течение семи дней в доме будут носить одежду [в знак] траура»

Описание: две крайние слева палочки благовоний прогорели одинаково, а палочка справа осталась короче в половину. Палочки сгорели в отношении 2:2:1.

Значение: сыновнее благочестие является напоминанием о необходимости проявления доброты и уважения друг к другу. Это также может означать, что в течение семи дней в доме будут носить церемониальные одежды в знак сыновней почтительности для участия в поминальных службах.

¹⁸ Схема из 24 комбинаций и толкования к ним приводятся по следующим публикациям: Эр ши сы сяньпу туцзе [二十四香谱图解]. «24 иллюстрации комбинаций благовоний [для гадания]» // Baidu baike (free encyclopedia). URL: <https://wenku.baidu.com/view/c0371f3a02768e9951e73886> (дата обращения 11.01.2020); Эр ши сы сяньпу туцзе сяньцзе, хао ванцзяо [二十四香谱图解详解, 好网角]. 24 иллюстрации комбинаций благовоний [для гадания] с иллюстрациями и пояснениями // блог мобильного приложения. URL: <https://m.wang1314.com/doc/webapp/topic/20725452.html> (дата обращения 14.01.2020).

Объяснение: значение этой комбинации может толковаться двояко. Во-первых, эта комбинация должна напоминать о соблюдении сыновнего благочестия, об уважении к учителям и старшим. Во-вторых, эта комбинация может служить предостережением о смерти кого-то из вашего окружения. Независимо от того, будет ли покойный членом нашей семьи или родственником, нужно максимально проявить великодушие и душевную щедрость. Особенно это важно, когда речь идет о серьезном заболевании.

3. (增)寿香 (цзэн) шоу сян «аромат (приумножения) долголетия»

左搭右增, 右搭左减 цзо да ю цзэн, ю да цзо цзянь

«Если [пепел падает] слева направо, это к увеличению,
Если [пепел падает] справа налево, это к уменьшению»¹⁹

Описание: две крайние слева палочки благовоний прогорели одинаково, а палочка справа осталась длиннее наполовину. Палочки сгорели в отношении 1:1:2.

Значение: в семье все живут долго и счастливо.

Объяснение: результат зависит от того, в какой мере проявляется в семье милосердие и сострадание, сочувствие. Покровительство и защита семьи не могут быть обеспечены убийствами и содержанием животных в неволе. Если в семье кто-то из домочадцев болеет, то эта комбинация может означать, что следует прекратить убивать (или отпустить животных на волю), что следует больного отправить в больницу лечиться. С другой стороны, появление такой комбинации может служить подтверждением наших добрых дел.

Вариант: 减寿香 цзянь шоу сян «аромат уменьшения долголетия»

Значение: эта комбинация показывает, что ваши поступки и действия в ближайшее время чреватые «короткой мерой жизни», что ведет к сокращению продолжительности вашей жизни.

Объяснение: «короткая мера жизни»²⁰ может означать, что, несмотря на то что вам отпущено для жизни 80 лет, вы умираете в 60 лет, то есть на целых 20 лет раньше. Если кто-то умирает от рака в возрасте всего 30–40 лет, то это как раз и означает явление «короткой меры жизни», «малого объема жизни». Основная причина преждевременной смерти – поедание мяса, сопричастность к убийству животных через употребление в пищу мяса. Это в старости может привести к тяжелым болезням, которые можно считать возмездием за это²¹. Кто убивал живые существа (ел мясо) в больших количествах, тот не переживет рубеж в 40 лет, кто убивал живые существа (ел мясо) в малых количествах, тот едва доживет до 50 лет. Кто будет есть много мяса в 60 лет, будет непрерывно болеть. Если появился знак «короткая мера жизни», это не так страшно, выход есть – повторять все время заповеди в восемь знаков: «перестать убивать», «отпустить живых существ на волю», «стать вегетарианцем», «молиться Будде»²². Это абсолютная гарантия остановить судьбу, связанную с «короткой мерой жизни».

¹⁹ Если пепел с одной благовонной палочки падает на другую палочку в направлении слева направо, то комбинация будет означать увеличение жизни, а если наоборот – справа налево, то комбинация будет означать сокращение жизни. Этот прием символизирует взаимосвязанность между ароматическими палочками в комбинации.

²⁰ В комментариях используется термин 短筭 дуаньман.

²¹ В комментариях используется понятие 果 гобао, что означает «возмездие за содеянное в предыдущем воплощении».

²² В комментариях использованы следующие словосочетания: 戒杀、放生、吃素、念佛 цзе ша, фан шэн, чи су, нянь фо.

4. (增)祿香 *цзэн лу сян* «аромат (повышения) служебного положения»

左搭右增, 右搭左減 *цзо да ю цзэн, ю да цзо цзянь*

«Если [пепел падает] слева направо, это к повышению,
Если [пепел падает] справа налево, это к сокращению»²³

Описание: боковые палочки благовоний сгорели одинаково, а палочка посередине осталась длиннее наполовину. Палочки сгорели в отношении 1:2:1.

Значение: наша служебная карьера продвигается весьма успешно.

Объяснение: если человек в своей жизни усердно трудился, ставя общественные интересы выше личных, не искал при этом своей корыстной выгоды, к нему придет удача и неременное продвижение по службе. Эта комбинация может служить напоминанием о том, что мы должны на службе проявлять честность и бескорыстность, следить за тем, что у нас происходит перед глазами. Может, завистники и скажут, что, дескать, у нас завелось слишком много денег, но на самом деле, это происходит благоприятное действие счастливой судьбы в нашей карьере. Кроме того, это может говорить и о том, что дети или ученики успешно последуют по нашим стопам.

Вариант 減祿香 *цзянь лу сян* «аромат ухудшения служебного благополучия»

Значение: в ближайшем будущем некоторые ваши действия будут расценены как аморальные. Это может касаться и нарушения государственных законов, и превышения должностных полномочий, и дисциплинарных взысканий, и посягательства на государственное имущество. Сюда же могут относиться и такие поступки, как вымогательство и шантаж, наказание невиновных, сбыт краденого и другие неблагоприятные дела. Все подобные действия неизбежно приводят к сокращению служебной карьеры. Признаками ухудшения служебного благополучия могут быть такие наблюдения, что дети не так хороши, как отцы, а внуки не так хороши, как дети, словом, — с каждым следующим поколением не так все благополучно, как с предыдущим.

Объяснение: ухудшение служебного положения в таком случае — закономерный итог, определенное возмездие за содеянное в прошлом. Однако выход есть, и он состоит в том, чтобы скорейшим образом скорректировать свои действия, а именно: работать самоотверженно, честно, соблюдая законы и уважая других людей.

5. 小天真 *сяо тянь чжэнь* «малая непорочность»

神仙臨壇, 急焚香火 *шэньсянь линь тань, цзи фэн сян хо*

«Духи и бессмертные приближаются к алтарю,
поспешите воскурить благовония»

Описание: три палочки благовоний прогорели таким образом, что палочка посередине осталась длиннее, чем боковые. Палочки сгорели в отношении 1:3:1.

Значение: бессмертные святые спускаются к алтарю или духи пожаловали с проверкой. Надо срочно зажечь благовония, чтобы не нарушать заповеди и не вести себя безрассудно

²³ Если пепел с одной благовонной палочки падает на другую палочку в направлении слева направо, то комбинация будет означать улучшение служебного положения, а если наоборот — справа налево, то комбинация будет означать ухудшение служебного благополучия. Этот прием символизирует взаимосвязанность между ароматическими палочками в комбинации.

и неразумно. Ошибочно думать, что бессмертные святые прибыли, чтобы им преподнесли подарки и подношения или устроили в их честь праздник с угощениями.

Объяснение: функции пожаловавших духов разнообразны. Одни проверяют, насколько мы совершенствуем свои добродетели, другие напоминают о необходимости соблюдать запреты. Третьи, посланники Будды, следят, хорошо ли мы распространяем и защищаем буддийское учение. Четвертые указывают, что в нашей жизни есть препятствия, мешающие проведению совместных обрядов, помогают нам осознать ошибки, чтобы избежать лишних тревожностей. Главное – духи сами хотят прийти, и «непорочность» означает, что духи или сам Будда действительно пожалуют.

6. 大天真 (天真香) да тяньчжэнь (тяньчжэнь сян)

«большая непорочность» / «аромат большой непорочности»

佛祖臨壇，急焚香火 фоцзу линь тань, цзи фэн сян хо

«Будда приближается к алтарю, поспеши воскурить благовония»

Описание: три палочки благовоний прогорели таким образом, что палочка посередине осталась намного длиннее, чем боковые. Палочки сгорели в отношении 1:4:1.

Значение: духи и святые ²⁴ приходят с проверкой, чтобы напомнить людям, чтобы те не ленились в совершенствовании добродетелей. Ошибочно думать, что надо срочно возжечь полный набор благовоний, чтобы выразить искренние помыслы.

Объяснение: истинная природа Будды – препятствие силам зла, творение вселенского добра. И вот – в один прекрасный день Будда нисходит на алтарь. Его приход – знак того, что мы совершаем злые или незаконные деяния. Речь идет о делах, которые совершаются в нашей повседневной жизни или на работе. Это не означает, что надо сжигать благовония только ради буддийских обрядов. Будда – это прежде всего наставник, он напоминает нам, что следует почитать родителей, следовать наставлениям учителей и указывает, каким образом это делать (читать Святые писания в случае смерти родителей, чтобы те обрели спасение в обители Чистой Земли). Зажигать благовония при этом означает усердно молиться с тем, чтобы обратить зло в добро.

7. 催命香 цуймин сян «аромат приближающейся смерти»

月中有命終之人，或半年內傷小口

юэчжун ю минчжун чжи жэнь, хо баньянь нэй шан сяокоу

«В течение месяца жизнь человека подойдет к концу или же полгода придется скорбеть о рано умершем ребенке»

Описание: три палочки благовоний прогорели таким образом, что палочка с краю справа осталась намного короче. Палочки сгорели в отношении 4:4:1.

Значение: в течение ближайшего месяца в вашей семье появятся белые и черные духи ²⁵, чтобы забрать в могилу кого-то из близких.

Объяснение: преждевременная смерть – это всегда поистине возмездие за дурные поступки в настоящей жизни, это извещение о «короткой мере жизни». Обычная смерть не может

²⁴ В оригинале «Будда или посланник Будды» (佛祖或佛的使者).

²⁵ В оригинале буквально «непостоянство белого и черного» (黑白无常).

быть преждевременной. Домашние животные – кошки, собаки, коровы, лошади, бараны – тоже кончают жизнь преждевременно. Когда вдруг возникает комбинация *цуймин сян*, это вовсе не обязательно означает непереносимую смерть кого-то из близких. Зачастую это может служить лишь предупреждением не убивать живых существ или пожеланием отпустить животных на волю.

8. 增財香 *цзэн цай сян* «аромат приумножения благосостояния»

十日之內有進財之兆 *ши жи чжи нэй ю цзинь цай чжи чжао*

«В течение десяти дней будет предзнаменование о том,
что придет богатство»

Описание: три палочки благовоний прогорели таким образом, что длина всех палочек оказалась разной. Палочка слева осталась самой короткой, палочка посередине осталась самой длинной, а палочка справа по длине оказывается между ними. Палочки сгорели в отношении 1:3:2.

Значение: в течение короткого времени придет богатство.

Объяснение: благосостояние и богатство служат источником поддержания жизни. Пока человек взрослеет, именно благосостояние его поддерживает. Но богатство богатству рознь. Если в прошлых жизнях человек совершил благодеяний много, то его жизнь в настоящем будет счастлива и обеспечена. Если в прошлой жизни человек совершил слишком мало благих поступков, в нынешней жизни он будет испытывать лишения. Появление комбинации *цзэн цай сян* может иметь два толкования. Во-первых, человек должен обязательно найти свое дело. Богатство без настоящего дела может быстро исчезнуть. Приумножение благосостояния может быстро обернуться успехом в делах. Во-вторых, в благоприятных обстоятельствах комбинация *цзэн цай сян* может означать, что наша стратегия в целом верна, мы можем спокойно заниматься своими делами и быть уверенными в счастливом будущем.

9. 小蓮花(香) *сяо лянхуа сян* «маленький цветок лотоса» /

«аромат маленького цветка лотоса»

三日之內必有人來, 吉事相望 *сань жи чжи нэй бию жэнь лай,*

цзиши сянван

«В течение трех дней обязательно появится человек,
счастливые события притянут друг друга»

Описание: три палочки благовоний прогорели таким образом, что палочка посередине осталась короче боковых наполовину. Палочки сгорели в отношении 2:1:2.

Значение: в течение трех дней в вашем окружении появится добрый человек, который окажет вам помощь или сам попросит о поддержке.

Объяснение: в нашей жизни помогать друг другу – обычное дело. Бывают ситуации, когда на работе мы испытываем трудности и проблемы, связанные с нашими же ошибками. В этом случае в течение трех дней милостивые духи могут оказать нам помощь и поддержку, начнут творить добрые дела. Мы должны это принять с благодарностью и пониманием. С другой стороны, окружающие нас люди тоже могут испытывать трудности, поэтому мы, со своей стороны, тоже должны бескорыстно прийти им на помощь, позаботиться о них. Не зря говорят, «хорошие дела притягивают друг друга».

10. 大莲花 да лянхуа сян «аромат большого цветка лотоса»七日之□来財喜 *ци жи чжи нэй лай цайси*

«В течение семи дней придут богатство и радость»

Описание: три палочки благовоний прогорели таким образом, что палочка посередине осталась короче боковых примерно на треть. Палочки сгорели в отношении 3:1:3.

Значение: в течение семи дней придет удача в денежных делах.

Объяснение: к примеру, кто-то совершил в отношении вас какое-либо благое деяние или дал важное наставление²⁶, вам следует высоко оценить этот поступок, горячо поблагодарить благодетеля. В этом случае вы оба поступите благородно – что называется, «цветы лотоса, выросшие на болоте, сохраняют чистоту». Такие отношения напоминают нам, что никак нельзя следовать злу мутных «пяти миров»²⁷. Только бескорыстно оказывая благодеяния друг другу, можно обрести сокровенную истину в богатстве и радости.

11. 献瑞香 сяньжуй сян «аромат, приносящий счастье»三日之内有吉祥之兆 *сань жи чжи нэй ю цзиян чжи чжао*

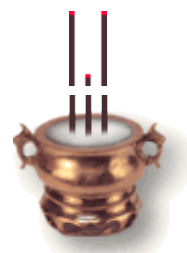
«В течение трех дней придут счастливые предзнаменования»

Описание: три палочки благовоний прогорели таким образом, что палочка посередине осталась примерно на четверть короче боковых. Палочки сгорели в отношении 4:1:4.

Значение: в течение трех дней болезни в доме отступят, придет богатство, будет множиться радость. Это все можно считать знаками счастливых предзнаменований.

Объяснение: Добрые предзнаменования подтверждают состояние наших дел на текущий момент. При неблагоприятных обстоятельствах появление комбинации *сяньжуй* может означать, что все беды и трудности скоро отступят, а при нормальном течении жизни эта комбинация свидетельствует, что результаты нашей деятельности превосходны, и нас ждет полное благополучие.

12. 口舌香 коушэ сян «аромат ссоры»七日之□有凶人来争是非 *ци жи чжи нэй ю сюнжэнь лай**чжэн шифэй*«В течение семи дней появится некий злодей,
[с которым вы будете] неистово спорить»

Описание: три палочки благовоний прогорели таким образом, что палочка посередине осталась намного короче боковых. Палочки сгорели в отношении 5:1:5.

²⁶ В комментариях приводятся буддийские термины 施行 *шисин* и 布施 *буши* со значением «давать милостыню», «жертвовать», «подавание нуждающимся», «проповедь учения».

²⁷ Имеются в виду так называемые «пять омрачений» 五浊 *учжо*, свойственные второй из всех четырех буддийских калп (омрачение всей калпы, философской мысли, чувств, всех живых существ, жизни) [Большой китайско-русский словарь. URL: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=五浊恶世> (дата обращения 06.01.2020)].

Значение: в ближайшее время появится недобрый человек, который станет сеять склоку и раздор, подстрекать к ссорам.

Объяснение: эта комбинация является предупреждением, что при ведении дел нам ни в коем случае нельзя ссориться, браниться и препираться. При этом совсем не обязательно, появится или нет на самом деле такой человек, главное – избежать сплетен, пересудов и ссор. При любых обстоятельствах надо уберечься от того, чтобы поверить слухам и наветам, тем более распространять их или просто судить о других людях.

13. 长生香 *чанишэн сян* «аромат долгой жизни»

三日之内有人来相邀请 *сань жи чжи нэй ю жэнь лай сян яоцин*
«В течение трех дней от кого-то последует приглашение»

Описание: три палочки благовоний прогорели таким образом, что палочка с правого края осталась выше примерно на треть. Палочки сгорели в отношении 1:1:3.

Значение: в течение трех дней в нашем окружении появится человек, с которым у нас завяжутся хорошие отношения²⁸. Важно помнить, чтобы приглашение пообщаться было направлено на благие дела. Приглашения поиграть в *мацзян*²⁹, разные азартные игры, потанцевать, поудить рыбу, поохотиться на птиц, бездумно пошататься в кварталах «красных фонарей» и прочее к таким благим делам не относятся. Надо избегать участия в таких неблагоприятных развлечениях.

Объяснение: человек, стремящийся к знаниям и самосовершенствованию, постоянно следует наставлениям мудрецов, пользуется советами и помощью одухотворенных людей, такой человек избегает общения с дурными людьми. Такой человек в сердце всегда хранит благодарность и восхищение духами, которые наставляют его в учении. В любых приглашениях нужно уметь различать добро и зло: за добром нужно следовать, а зла – избегать.

14. 恶事香 *э ши сян* «аромат беды»³⁰

七日之内有人来撩事斗非 *ци жи чжи нэй ю жэнь лай ляо ши доу фэй*³¹
«В течение семи дней появится человек, что приведет к пересудам и спорам»

Описание: три палочки благовоний прогорели таким образом, что палочка слева осталась самой длинной, палочка посередине осталась самой короткой, а правая палочка по длине оказывается между ними. Палочки сгорели в отношении 3:1:2.

²⁸ В комментариях приводится понятие *结缘 цзеюань*, которое помимо бытового значения «заложить начало дружбы», «положить начало добрым отношениям», часто используется в буддийском значении «заложить основы благого воздаяния», «обратиться в буддизм» [Большой китайско-русский словарь. URL: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=结缘> (дата обращения 07.01.2020)].

²⁹ *Мацзян*, или *маджонг* (麻将, 麻雀) – традиционная китайская игра в кости, истоки которой уходят в древние азартные игры с бирками, костями и картами. В настоящее время также сохраняет свою популярность в культуре КНР и многих стран Восточной и Юго-Восточной Азии (см. об игре *мацзян* [Войтишек, 2011. С. 32–43]).

³⁰ Вариант написания 恶事香 *э ши сян* (букв. «аромат плохих дел»).

³¹ Есть вариант написания названия этой комбинации с тем же значением: 七日内有人来争打是非 *ци жи нэй ю жэнь лай чжэнда ши фэй*.

Значение: в течение семи дней появится некий скандальный человек, приход которого вызовет ссоры и препирательства.

Объяснение: надо запастись терпением, отвергая путь, свойственный обычным мирянам, которые спорят, вырывая победу любой ценой. Только такой линии поведения надо придерживаться – и в присутственном месте, и дома, и среди друзей, и во время ритуалов в храме. Терпение – корень спокойствия и мира. Человек, пекущийся о своей доброй карме³², не станет обрушиваться с яростной критикой на собеседника, а выслушает его спокойно и доброжелательно выскажет свое суждение.

15. 疾病香 *цзибин сянь* «аромат болезни»

七日之内有人患疾病 *ци жи чжи нэй ю жэнь хуань цзибин*
«В течение семи дней человек будет страдать от болезни»

Описание: три палочки благовоний прогорели таким образом, что палочка справа осталась самой длинной, палочка посередине осталась самой короткой, а левая палочка по длине оказывается между ними. Палочки сгорели в отношении 2:1:3.

Значение: в течение семи дней случится болезнь или вспыхнет эпидемия. Это касается и людей, и домашнего скота.

Объяснение: эта комбинация появляется в качестве предупреждения о том, что надо принять определенные меры предосторожности, поразмыслить над возможной причиной болезни. Причин заболеваний может быть много, но главное при любом методе лечения – не навредить. Лучший способ избежать болезни – перестать убивать живых существ и отпустить на волю животных.

16. 消灾香 *сяоцзай сянь* «аромат избавления от несчастья»

灾消难满, 百福并生 *цзай сяо нань мань, бай фу биниэн*
«Беды рассеялись, неприятности закончились,
пришло большое счастье»

Описание: три палочки благовоний прогорели таким образом, что палочка слева осталась самой длинной, а длина двух крайних справа палочек осталась одинаковой. Палочки сгорели в отношении 3:1:1.

Значение: вслед за горем приходит радость, наступают хорошие времена.

Объяснение: причины бедствий могут быть самые разные, среди них и несоблюдение законов, и преступления против своей страны, и непочтительность к родителям и учителям, и неуважение «трех сокровищ», а также убийства, воровство, разврат и др. При неблагоприятных обстоятельствах эта комбинация означает, что полоса неудач скоро закончится и наступит счастливая пора. Однако просто пассивное ожидание счастья – не лучший способ в такой ситуации. Лучше всего встать на путь исправления и искоренить все эти негативные факторы. Прежде всего надо устранить свои несправедливые мысли, иначе нет надежды на исправление положения. Только искоренив свои дурные помыслы, можно получить благословение Небес.

³² Здесь в комментариях использован буддийский термин 业力 *ели*, что подразумевает человеческие деяния, обеспечивающие его карму в последующих воплощениях.

17. 贼盗香 *цзэйдэо сян* «аромат злодеяния»
 早有土寇，晚有盗贼 *цзао ю тукоу, вань ю даоцзэй*
 «Утром придет разбойник, вечером придет грабитель»

Описание: три палочки благовоний прогорели таким образом, что палочка посередине осталась самой длинной, палочка справа осталась самой короткой, а левая палочка по длине оказывается между ними. Палочки сгорели в отношении 2:3:1.

Значение: есть тревога по поводу потери имущества и состояния.

Объяснение: на самом деле, тревожная комбинация, связанная с опасностью разорения и потерей имущества, вовсе не так безнадежна. Эта ситуация напоминает о том, что мы сами должны оказывать людям помощь, заниматься благотворительностью. Возможно, это намек даже на наши собственные неблагоприятные помыслы в отношении чужого богатства. Может быть, мы сами незаконно присвоили семейное имущество или, более того, есть опасения относительно происхождения нашего семейного состояния. Бывает и так, что во всех жизненных лишениях виноват не какой-то неведомый грабитель, а собственный сын. В любом случае лучший способ уберечь свое имущество и предотвратить разбой – это оказать благодеяние кому-либо, пожертвовать что-то людям.

18. 极乐香 *цзилэ сян* «аромат блаженства»
 修仙自有金丹成，庶人终有吉庆成
сюсянь цзыю цзиньдань чэн, шужэнь чжун ю си цин чэн
 «Стремящийся к бессмертию обретет золотой эликсир [бессмертия],
 простой народ возрадуется празднику»³³

Описание: три палочки благовоний прогорели своеобразной «лесенкой вниз» – таким образом, что палочка слева осталась самой длинной, палочка справа оказалась самой короткой, а палочка посередине оказалась по длине между ними. Палочки сгорели в отношении 3:2:1.

Значение: и простолюдины, и те, кто встал на путь бессмертия, все должны совершенствоваться в учении³⁴. Чтобы добиться результатов даже в небольшом деле и двигаться дальше по пути успеха, нужно приложить особые усилия.

Объяснение: те, кто долго следует пути совершенствования, со временем теряют рвение в учении. В этот момент боги напоминают нам о том, что все успехи и достижения были не напрасными. Если пока благое воздаяние еще невозможно, то это от того, что наша карма отягощена предыдущими грехами. Чтобы мы попусту не сожалели и не разочаровывались, наставник может дать нам надежду, раскрыть подлинную картину причины и следствия всех событий, вселить радость и новые силы, побудить нас к преуспеванию и усердию в дальнейшем совершенствовании нравственности³⁵. С другой стороны, человек, долго практикую-

³³ В комментариях к этой комбинации используется даосская терминология, связанная с понятиями 修仙 *сюсянь* («достигать бессмертия», «стремиться стать небожителем») и 金丹 *цзиньдань* («золото и киноварь», «пилюля бессмертия»). При этом в названии самой комбинации идет отсылка к буддийскому понятию райского блаженства, земли обетованной *сукавати* (极乐世界 *цзилэ шицзе*, 极乐净土 *цзилэ цзинту*).

³⁴ В тексте оригинала при этом указаны иероглифы, связанные с буддизмом – 学佛 *сюэфо*, что значит «изучать буддизм», «следовать Будде», что можно расширительно трактовать как стремление «встать на путь духовного очищения».

³⁵ В комментариях к этому фрагменту в полной мере используется набор широко известных понятий из буддийской теории перерождений – «закон причины и следствия», «карма», «совершенствование в овладении учением», «усердие», «подвижничество» и др.

щий нравственное поведение и строго соблюдающий заповеди, уже обладает определенной силой. Его способности достигнут следующего уровня, мудрое духовное прозрение проявит себя в высшей степени – это ли не подлинное «блаженство»?!

19. 功德香 *гундэ сяп* «аромат заслуг и добродетелей»³⁶

功行全备，神灵默佑 *гун син цюаньбэй, шэньлин мою*
«Заслуги и добродетели присутствуют в полной мере,
[человеку] ниспослано благословение духов»

Описание: три палочки благовоний прогорели своеобразной «лесенкой вверх» – таким образом, что палочка слева осталась самой короткой, палочка справа оказалась самой длинной, а палочка посередине оказалась по длине между ними. Палочки сгорели в отношении 1:2:3.

Значение: человек отличается нравственностью и добродетелью в высшей степени, боги и духи ему ниспосылают свое благословение.

Объяснение: заслуги и добродетели – это прежде всего искренняя доброжелательность, истинная гуманность, доброта, высокие душевные качества, порядочность, что дает основу и для физического здоровья. Если человек воздерживается от употребления в пищу мяса, добр к животным³⁷, то можно сказать, что его заслуги уже велики, такого человека духи могут поощрить, послать ему благословение. Когда появляется такая комбинация, это может означать, что заслуги и добродетели человека в высшей степени велики, и потому божества ниспосылают ему благословение. В то же время это может означать, что в его методах совершенствования все же есть какой-либо изъян или недостаток, и что после определенной работы над собой он все же сможет получить благословение богов и духов. В неблагоприятных обстоятельствах эта комбинация может свидетельствовать о недостатке усилий в отношении нравственного совершенствования. В этих условиях следует совершить какое-либо крупное благодеяние, пожертвование. Появление этой комбинации в благоприятные времена может означать, что у нас все в порядке. Боги и духи нам обычно покровительствуют, а ниспослание благословения зависит от того, насколько наши действия соответствуют закону причинности.

20. 天地香 *тяньди сяп* «аромат Неба и Земли»

天地采香，急焚香火 *тяньди цай сяп, цзи фэн сяп хо*
«Небо и Земля выбирают аромат, поспеши воскурить благовония»

Описание: три палочки благовоний прогорели таким образом, что длина двух палочек слева осталась короче самой правой палочки примерно на четверть. Палочки сгорели в отношении 1:1:4.

Значение: священные духи неба и земли пожаловали на божественный алтарь, чтобы призвать активно действовать и совершенствоваться на пути овладения Учением.

³⁶ Термин 功德 *гундэ* имеет чисто буддийское значение «творить добро» [Большой китайско-русский словарь. URL: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=功德> (дата обращения 08.01.2020)].

³⁷ При этом прежде всего имеется в виду, что добродетельным людям следует отпускать животных на волю (放生 *фаншэн*).

Объяснение: Небеса имеют «десять добродетелей», а Земля обладает «пятью запретами»³⁸, небесные и земные божества спускаются на алтарь, чтобы посмотреть, как мы ведем свои дела, как постигаем учение, как соблюдаем заповеди и обеты. Если есть какие-то проблемы и недостатки, их надо поскорее исправить. Сжигание благовоний в этом случае поможет не вошедшему во врата Будды скорее войти в них, стать благоговейным адептом верования³⁹. После новообращения человек должен еще более твердо придерживаться «десяти добродетелей» и «пяти запретов». Воскурение благовоний должно нас укрепить на этом пути нравственного совершенствования.

21. 成林香 *чэнлинь сянь* «аромат воздаяния за добрые дела»⁴⁰

行功立德，自有护法，制作善事，自有天相

сингун лидэ, цзыю хуфа, чуанцзо шаньши, цзыю тяньсян

«Совершать добрые поступки, находиться под защитой богов-защитников учения и верующих, творить добро, получать помощь Неба»

Описание: три палочки благовоний прогорели таким образом, что палочка слева осталась самой длинной, а длина двух крайних справа палочек осталась одинаковой, составляя примерно половину от левой палочки. Палочки сгорели в отношении 2:1:1.

Значение: человек обладает высшими заслугами и добродетелями, пользуется покровительством божеств, совершенствует «десять добродетелей», такой человек естественным образом вознесется на Небо.

Объяснение: это означает, что наши усилия по совершенствованию добродетелей вышли на следующий уровень, что мы пользуемся покровительством богов и духов. Это также может означать, что в настоящий момент в наших делах наступил временный спад, но, пользуясь поддержкой божеств, можно все восполнить. Пусть даже сейчас кто-то нас недооценивает, надо терпеливо и уверенно делать свое дело, скоро наступят хорошие времена.

22. 催供香 *цуй гун сянь* «аромат срочных жертвенных даров»⁴¹

三日之内有祖师降临，急献供上香

сань жи чжи нэй ю цзюши цзянлинь, цзи сяньгун шансян

«В течение трех дней Патриарх снизойдет в мир, надо срочно преподнести благовония»

Описание: три палочки благовоний прогорели таким образом, что две палочки слева остались намного длиннее самой правой палочки. Палочки сгорели в отношении 4:4:1.

Значение: в течение трех дней Патриарх снизойдет в мир, чтобы проверить, как мы продвигаемся по пути нравственного усовершенствования.

³⁸ Имеются в виду известные понятия «десять добродетелей» 十善 *шишань* и «пять запретов» 五戒 *уцзе*, широко используемые в буддийской практике.

³⁹ В комментариях используется термин 皈依 *гуйи*, что буквально означает «вверить себя благодати Будды», «стать почитателем буддийского вероучения», «стать новообращенным».

⁴⁰ Дословно метафора 成林 *чэнлинь* означает «превратиться в лес». Речь идет о человеке, который, будучи хорошим буддистом, пользуется поддержкой общины и покровительством буддийской веры, то есть является не «одиночным деревом», а воспитывается при поддержке бодхисаттв, «в лесу». Кроме того, эта метафора говорит о воздаянии за благие дела, которые растут и множатся подобно тому, как из саженцев вырастает лес.

⁴¹ Этой комбинации соответствуют два названия – 催命香 *цуй мин сянь* («аромат скорого предопределения») и 催供香 *цуй гун сянь* («аромат срочных жертвенных даров»).

Объяснение: Наставник придет проверить работу своих учеников: как они соблюдают заповеди и запреты, какие каноны и сутры читают, почитая Будду, что они делают полезного для общества, отбросили ли они в своей жизни пустые мечтания. Если обнаружатся какие-либо просчеты или ошибки, все надо тут же исправить. Если ты находишься на пути совершенствования, всегда есть возможность быть лучше и что-то исправить.

23. 增福香 *цзэн фу сян* «аромат нарастающего благополучия»

十日之内有吉祥如意 *ши жи чжи нэй ю цзисян жуи*
«В течение десяти дней наступит счастье и исполнение желаний»

Описание: три палочки благовоний прогорели таким образом, что две палочки слева остались длиннее самой правой палочки примерно на треть. Палочки сгорели в отношении 3:3:1.

Значение: в ближайшее время случится радостное событие.

Объяснение: счастье, служебное благополучие и долголетие составляют три сокровища в жизни человека. Счастье определяется уровнем благосостояния, оно дается в качестве благого воздаяния, все становится доступно. Под служебным благополучием подразумевается удачная чиновничья карьера, тогда как долголетие указывает на здоровье. Появление этой комбинации при любых обстоятельствах – и неблагоприятных, и удачных – напоминает о том, что в любом случае надо пожертвовать деньги на какое-либо благое дело. Счастье и исполнение желаний означает хорошие плоды любых дел. Человек печется о своей доброй карме через благие слова и деяния. Если человек сам не творит свою добрую карму, то он не получит свободу, а значит – и счастье.

24. 催丹香 *цуй дань сян* «аромат достижения бессмертия»

道家生丹, 身轻体壮, 庶人长智, 发福生财
даоцзя шэн дань, шэнь цин ти чжуан, шужэнь чжан чжи, фафу шэнцай
«Даос взрастил пилюлю бессмертия, тело легкое и здоровье крепкое;
простолюдин проявил мудрость, пришло счастье
и появилось богатство»

Описание: три палочки благовоний прогорели таким образом, что две палочки справа остались длиннее самой левой палочки примерно на треть. Палочки сгорели в отношении 1:3:3.

Значение: вставший на путь совершенствования человек телом крепок, нет болезней, нет никаких горестей. Человек, стремящийся к совершенствованию, обладает и мудростью, и склонностью к добрым деяниям.

Объяснение: даосами не обязательно являются только монахи, исповедующие учение об истинном пути, – всех вставших на путь учения можно назвать последователями даосской школы. Поиски и взращивание пилюли бессмертия относятся к практике совершенствования, которая включает доброе отношение к животным, отказ от убийства всех живых существ, вегетарианство. Простые люди тоже имеют свою мораль, они тоже проявляют доброту и щедрость друг к другу. Когда пробьет час воздаяния, им тоже воздастся за все хорошие поступки. Человеку, не практикующему медитацию, комбинация *цуй дань сян* подскажет, что надо сосредоточенно заниматься созерцанием, а человеку, занимающемуся медитацией, эта комби-

нация напомнит, что надо в совершенствовании усердно продвигаться дальше, чтобы достигнуть способностей бессмертных божеств ⁴².

Выводы

Итак, на основе китайских письменных источников, а также полевых материалов авторов исследования было проанализировано содержание 24 комбинаций, возникающих при гадании на трех благовонных палочках, использующихся в ритуалах, известных с раннего средневековья и до сих пор занимающих заметное место в религиозной практике Китая.

Как можно заметить, в содержании ритуалов важное место занимают приемы и техники, характерные и для буддийских практик, и для даосских церемоний, и для традиционных народных верований. Более того, в комментариях, составленных, как правило, старшими монахами и выдающимися представителями буддийских и даосских школ, широко используется общая терминология, характерная и для различных религиозных течений Китая, и для народных представлений. В этой связи далеко не случайно, что большой популярностью в Китае до сих пор пользуется выше упомянутая даосская школа Цюаньчжэнь, ориентированная на подобный синкретизм: в ее пантеоне мирно уживаются даосские духи и бессмертные-сяни, будды и бодхисаттвы, а корпус священных текстов включает авторитетные труды конфуцианцев, даосов и буддистов.

По свидетельству настоятелей, служителей и гадалей даосских святилищ и буддийских храмов, с которыми авторам настоящего исследования довелось побеседовать лично, данные ритуалы в разных районах Китая распространены далеко не равномерно. К примеру, на севере эти гадательные действия практикуются в рамках буддийских ритуалов, тогда как в южных районах они известны преимущественно среди даосов. Большинство религиозных деятелей на юге Китая квалифицировали эти гадательные ритуалы как исключительно даосские. При этом часть служителей культа склонны видеть в этих ритуалах лишь народные религиозные представления, где существенное место занимают разные суеверия и приметы.

Действительно, в этих религиозных ритуалах ясно прочитываются древнейшие представления о Небе как «источнике нравственных смыслов», реагирующем на деяния человека путем всевозможных знамений; учение о всеохватной пневме *ци* как энергии мироздания и нумерологическое ее воплощение; мировоззренческие идеи, включающие древние даосские верования и практики, связанные с культом предков, почитанием Неба и различных духов; основные буддийские постулаты о перерождении, карме и воздаянии за совершенные деяния. В толковании 24 гадательных комбинаций с использованием благовоний естественным образом воплотились и народные представления, имевшие большое значение для воспитания нравственности многих поколений на протяжении почти двух тысячелетий. Вероятно, эти гадательные ритуалы представляют собой народную традицию, ставшую примерно с XVIII в. важной частью буддийско-даосского синкретизма.

Список литературы

Войтишек Е. Э. Игровые традиции в духовной культуре стран Восточной Азии (Китай, Япония, Корея). Новосибирск: Изд-во НГУ, 2009. 296 с., 40 с. илл.

⁴² Буквально – «достигнуть уровня “пяти глаз” и “шести сверхъестественных способностей”». «Пять глаз» 五眼 *уянь* подразумевают «пять категорий видения»: зрение, провидение, мудрость архата, мудрость бодхисаттвы и всевидение Будды, тогда как «шесть сверхъестественных способностей» 六通 *лютун* включают умение «все видеть, все слышать, знать мысли других, понимать все прошедшие перерождения свои и других людей, действовать вне зависимости от законов мира, избавляться от перерождений» [Большой китайско-русский словарь. URL: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=五眼六通> (дата обращения 08.01.2020)]. Примечательно, что даосские идеи здесь объясняются через буддийские понятия.

- Войтишек Е. Э.** «Ароматная гавань»: опыт изучения культуры благовоний в Гонконге // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2015. Т. 15, № 4: Востоковедение. С. 271–277.
- Войтишек Е. Э.** Ароматическая древесина аквиларии в буддийских и даосских практиках Китая // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2017. Т. 16, № 4: Востоковедение. С. 44–52.
- Еремеев В. Е.** «Книга перемен» и исчисление смыслов. Статьи, очерки, доклады. М.: Вост. лит., 2013. 582 с.
- Лао Цзы.** Дао Дэ Цзин [老子. 道德经]. Книга Пути и Благодати. Хэфэй: Аньхой жэньминь чубаньшэ, 1990. 224 с. (на кит. яз.)
- Пэнъян-сяньгуань (Фунъян-синкун). Сянган цюаньчжэнь даотан [蓬瀛仙館. 香港全真道堂]. Даосский храм Пэнъян-сяньгуань (Фунъян-синкун). Храм Пути Абсолютной Истины в Сянгане. The Way of all True. 2017. 17 с. (на кит. яз.)
- У Цзинцзы.** Неофициальная история конфуцианцев / Пер. с кит. Д. Воскресенского. М.: Гудьял-Пресс, 1999. 636 с.
- У Цзинцзы.** Жулинь вайши [吴敬梓. 儒林外史]. Неофициальная история конфуцианцев. Пекин: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 1958. 548 с. (на кит. яз.)
- Чжан Чжицян. Юэ вэй цаотан бицзи чжун дэ миньсу вэньхуа фуцзи [张志倩. 《阅微草堂笔记》中的民俗文化扶乩]. Ритуал *фуцзи* из народной культуры, встречающийся в произведении «Записки из хижины Великое в малом». Цзинань: Шаньдун шэн цзоцзя сехуэй, 2009(02). С. 157–158. (на кит. яз.)
- Lu Sun-Young.** The Holy Master of Taoism. The Precious Repentance of Patriarch Lu [纯阳吕祖恩师。吕祖无极宝忏]. Hong Kong, Sunway Printing Company, 2014, 60 p. (на англ. и кит. яз.)
- Voytishek E. E.** Agarwood and the Development of Incense Culture in China (based on Written Sources and the Materials of Research in Hong Kong). *Universum Humanitarium*, 2016, no. 1 (2), p. 62–74.

References

- Yeremeev V. E.** “Book of changes” and the calculus of meanings. Articles, essays, reports. Moscow, Vostochnaya literatura, 2013, 582 p. (in Russ.)
- Lao-zi.** Dao De Jing [老子. 道德经]. Book of Way and Grace. Hefei: Anhui renmin chubanshe, 1990, 224 p. (in Chin.)
- Pengying-xianguan (Fung Ying Seen Koon). Xianggang quanzhen daotang [蓬瀛仙館. 香港全真道堂]. Pengying-xianguan (Fung Ying Seen Koon). Taoist temple. The Way of all True, 2017. 17 p. (in Chin.)
- Lu Sun-Young.** The Holy Master of Taoism. The Precious Repentance of Patriarch Lu [纯阳吕祖恩师。吕祖无极宝忏]. Hong Kong, Sunway Printing Company, 2014, 60 p. (in Engl. and Chin.)
- Voytishek Elena E.** Agarwood and the Development of Incense Culture in China (based on Written Sources and the Materials of Research in Hong Kong). *Universum Humanitarium*, 2016, no. 1 (2), p. 62–74.
- Voytishek E. E.** Game traditions in the spiritual culture of East Asia (China, Japan, Korea). 2nd ed. Novosibirsk, NSU Press, 2011, 311 p., 44 p. with ill. (in Russ.)
- Voytishek E. E.** Fragrant Harbor Experience: The Incense Culture in Hong Kong. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2015, vol. 15, no. 4: Oriental Studies, p. 271–277. (in Russ.)
- Voytishek E. E.** Aromatic agarwood in China’s Buddhist and Taoist Practices. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2017, vol. 16, no. 4: Oriental Studies, p. 44–52. (in Russ.)
- Wu Jingzi.** Unofficial History of the Literati. Russ. trans. by D. Voskresensky. Moscow, Gudial-Press, 1999, 636 p. (in Russ.)

- Wu Jingzi.** Rulin waishi [吴敬梓。儒林外史]. Unofficial History of the Literati (The Scholars). Beijing, Renmin wenxue chubanshe, 1958, 548 p. (in Chin.)
- Zhang Zhiqian.** Yue wei caotang biji Zhong de minsu wenhua fuji [张志倩。《阅微草堂笔记》中的民俗文化扶乩]. Fuji exorcism ritual from the folk culture of “Supernatural Tales of Ji Yun”. Jinan, Shandong sheng zuojia xiehui, 2009(02), p. 157–158. (in Chin.)

Материал поступил в редколлегию
Received
20.01.2020

Сведения об авторах / Information about the Authors

Войтишек Елена Эдмундовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, профессор. Заведующая кафедрой востоковедения и руководитель направления «Востоковедение и африканистика» Гуманитарного института НГУ (Новосибирск, Россия)
orient@lab.nsu.ru

Яо Сун, аспирант, преподаватель кафедры востоковедения Гуманитарного института НГУ (Новосибирск, Россия)
orient@lab.nsu.ru

Горшкова Александра Валерьевна, студентка 4 курса кафедры востоковедения Гуманитарного института НГУ (Новосибирск, Россия)
al.wal.gor@mail.ru

Information about Authors

Elena E. Voytishek, Doctor of History, Professor, Head of the Department of Oriental Studies, Institute for the Humanities, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)
orient@lab.nsu.ru

Yao Song, postgraduate student; junior lecturer of the Department of Oriental Studies, Institute for the Humanities, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)
orient@lab.nsu.ru

Alexandra V. Gorshkova, graduate student of the Department of Oriental Studies, Institute for the Humanities, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)
al.wal.gor@mail.ru

Несторианство: путь «светлого учения» через четыре империи

Д. П. Шульга¹, М. В. Дурова²

¹ Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС
Новосибирск, Россия

² Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

Аннотация

Настоящая работа посвящена, с одной стороны, краткому анализу исторической роли несторианского христианства в Китае, а с другой – первичному введению в научный оборот новых для отечественной науки археологических и эпиграфических материалов с несторианских могильников эпохи Юань (на территории современного Автономного района Внутренняя Монголия). Несмотря на определённый интерес к распространению учения «сирийской церкви» (叙利亚东方教会) в Центральной и Восточной Азии (наиболее известный пример – «В поисках вымышленного царства» Л.Н. Гумилёва), в русскоязычной науке ощущается недостаток публикаций, рассматривающих вещественное наследие несториан на территории современной КНР (при династиях Тан и Юань). Частичному восполнению этого пробела и посвящена наша работа, в которой публикуются краткие данные о некрополях Ванмулян, Аолуньсуму и Мухуэрсо-Буэрга. Помимо этого, огромный интерес представляет тот набор названий, который применяли китайцы к новой для них религии, и авторы уделили этому внимание.

Ключевые слова

Несторий, несторианство, Восточная Римская империя, Тан, монголы, Великий Шёлковый путь

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки РФ по Проекту «Повышение конкурентоспособности ведущих университетов Российской Федерации среди ведущих мировых научно-образовательных центров (5–100)» в рамках комплексного плана исследований Центра анализа и прогнозирования интеграционных процессов современной Евразии ИФП НГУ

Для цитирования

Шульга Д. П., Дурова М. В. Несторианство: путь «светлого учения» через четыре империи // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 4: Востоковедение. С. 51–58. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-4-51-58

Nestorianism: A Historic Path Through Four Empires

D. P. Shulga¹, M. V. Durova²

¹ Siberian institute of Management – the branch of RANEP
Novosibirsk, Russian Federation

² Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

This article presents an analysis of the historical role of Nestorian Christianity in China. Also, it considers new archaeological and epigraphic materials from the Nestorian burial grounds of the Yuan dynasty (the territory of the modern Inner Mongolia Autonomous Region). Despite some interest in spreading the teachings of the “Syrian

Church” in Central and East Asia (the most famous example is the famous book “In Search of a Fictional Kingdom” by Gumilev L. N.) Russian science lacks publications related to the tangible Nestorians heritage located in the territory of modern China during its heyday (the Tang and Yuan dynasties). This paper is partially dedicated to partially filling this gap introducing brief data on the Wangmulin, Aolunsumu and Muhuerso-Buerga burial grounds. In addition, the authors paid attention to the interesting set of terms that the Chinese used in relation to the new religion.

Keywords

Nestorius, Nestorianism, Eastern Roman Empire, Tang, Mongols, Great Silk Road

Acknowledgments

This paper was supported by Russian Ministry of Science and Education under 5-100 Excellence Programme

For citation

Shulga D. P., Durova M. V. Nestorianism: A Historic Path through Four Empires. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 4: Oriental Studies, p. 51–58. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-4-51-58

Несторианское христианство начало активно распространяться в Китае в эпоху Тан. В этот период Поднебесная переживала один из наивысших пиков своего развития, сопровождающийся в том числе религиозным разнообразием [Ли Цзунцзюнь, 2006; Лю Цинцюань, 1999]. «Сирийская церковь» (叙利亚东方教会) переживала в VII в. н. э. драматичный период: пал Сасанидский Иран, традиционно лояльный к осуждаемым на Вселенских соборах группам христиан. Бегство от мусульман в Восточную Римскую империю было делом непростым из-за преследований после победы Александрийской богословской школы в Эфесе (431 г.), потому несториане массово перебирались в глубины Азии. Здесь они стали наиболее активной частью христианского мира (нередко совмещая проповедь с торговлей), учитывая, что этот регион до тех пор не был затронут миссионерской деятельностью [Gordy, 2015].

Стоит отметить, что в Китае несторианство по мере знакомства с ним стали именовать «波斯教¹» (*босы цзяо*, Персидское учение) или «大秦教²» (*дацинъ цзяо*, Римское учение). Этот феномен чрезвычайно интересен. Происхождение обеих «привязок» понятно. С одной стороны, Несторий был архиепископом Константинополя, и его учитель Феодор Мопсуестийский также был подданным принцепса [Ashurov, 2015]. С другой – после Эфесского собора многие радикальные сторонники Антиохийской школы ушли в Сасанидскую Персию, где их приняли как представителей оппозиции Восточной империи, несмотря на господствующий в Иране зороастризм. Для китайцев, не слишком знакомых с политическим соперничеством Рима с персами, два названия были лишь «точками пути» несториан из Средиземноморья на Дальний Восток [Кычанов, 1978]. При этом, очевидно, дуализм наименований отражал и более сложные процессы. Прожившие почти два века в иранском окружении христиане немало от него восприняли, потому к эпохе Тан это были совсем не те «ромеи», что покидали берега Босфора в пер. пол. V в. н. э. В то же время память о греко-романском наследии сохранялась постоянно (и бытует до сих пор, например, у Ассирийской церкви востока).

В VII в. несториане столкнулись с третьей великой державой – Китаем. Благо опыт адаптации в инокультурной среде был выработан, что показывает благожелательное отношение танских государей от Тай-цзуна до Гао-цзуна к «светлому учению»³ (景教) [Сальников, 2002]. К слову, подобное наименование, данное китайцами уже без привязки к географии, показывает положительно впечатление от проповеди. При этом быстро обнаружились сложности перевода и интерпретации христианского учения в Поднебесной [Vrhovski, 2013]. Несмотря на то что проблемы «подбора терминов» миссионеры смогли отчасти решить [Wu

¹ Примечательно, что так же именовали манихейство и зороастризм по вполне понятным причинам.

² Этимология такого названия для Римской империи (а затем и её обособившейся восточной части) чрезвычайно интересна, но выходит за рамки настоящего исследования. Мы лишь коротко оговоримся, что топоним «Великая Цинь» (大秦), очевидно, происходит от названия могучего царства Цинь на западе Поднебесной, таким образом, перевод по смыслу будет «Великое государство на Западе, обладающее культурой, [сопоставимой по уровню развития с] китайской».

³ Интересно, что название манихейства (明教) тоже переводится с китайского языка как «светлое учение».

Changxing, 2015. С. 212], им не удалось преодолеть отсутствие массового интереса китайцев к новой религии. Впоследствии, с началом запретов на иностранные учения, а затем и приходом династийного кризиса, несториане начали покидать Китай, что перечеркнуло саму возможность распространения христианства среди широких масс населения Среднего государства [Залеская, 1998]. Впрочем, сложившаяся ситуация не означала краха «дацинъ цзяо» на Дальнем Востоке. Последователи Нестория не смогли создать себе устойчивой базы в земледельческих регионах Центральной равнины, но их ждал определённый успех на севере, в среде кочевников. До начала создания Монгольской державы это было малозаметно, но в XIII–XIV веках проявилось достаточно ярко. Чтобы проиллюстрировать данный тезис, ниже мы кратко представим материалы трёх несторианских могильников эпохи Юань с территории современной Внутренней Монголии.

Могильник Мухуэрсо-Буэрга (木胡儿索卜尔嘎墓群) расположен в хошуне Дархан-Муминань городского округа Баотоу (Внутренняя Монголия) на возвышенности, к северо-востоку от одноименного городища. К сожалению, практически все захоронения (их около 120) подверглись разграблению еще в средневековье. Надмогильные насыпи курганного типа не зафиксированы. Двадцать наиболее сохранившихся погребений были раскопаны между 1974 и 1996 гг. Кратко опишем погребальный обряд. Захоронения одиночные, в основном представляют собой вертикальные ямы, в нескольких случаях мы сталкиваемся с подбоями. Большая часть погребения глубиной около 1 м. Погребальная камера имеет длину 3 м и ширину 1,2 м. Прослеживаются остатки деревянных гробов. Усопшие уложены на спину, головами на запад. Есть случаи обнаружения фрагментов шелковой одежды. Инвентаря практически нет (вследствие деятельности грабителей). В связи с этим, наиболее информативными находками являются каменные надгробия с несторианской символикой, таковых более десяти, различной степени сохранности (рис. 1, 2, 4). Часть камней на момент обнаружения выступали на поверхности, остальные были обнаружены в результате раскопок. Помимо этого, на территории могильника присутствовало христианское святилище, от которого на данный момент осталось скопление битого кирпича. Стоит отметить, что по заявлениям китайских исследователей, подобные строения имеются и на соседнем городище. В северо-западной части некрополя был найден конусовидный камень с резьбой (в том числе с характерным крестом). Судя по всему, это купол несторианской башни (рис. 1, 1) [Вэй Цзянь, Чжан Сяо-вэй, 2013. С. 203].

Могильник Ванмулян (王墓梁墓地) находится на возвышенности у восточного берега реки Шара-Мурэн. Регулярные раскопки здесь были начаты в 1973 г. Наземная часть погребальных конструкций прослеживается, несмотря на последствия сильной эрозии. Некрополь имеет квадратную форму (примерно 75×75 м). В период функционирования его окружала стена с воротами на южной стороне и каменными столбами по углам. Весьма примечательны скульптуры животных (рис. 2, 1), а также стелы и антропоморфные изваяния. Специально хочется выделить 17 надгробных камней с символикой «сирийского христианства» (например, кресты) (рис. 2, 3). Камень обычно представляет собой параллелепипед, надмогильная насыпь не прослеживается. Основания надгробий сверху имеют бортик (рис. 2, 4), либо, наоборот, центральная часть несколько выступает (рис. 2, 5). В общей сложности выявлено 21 погребение. Захоронения располагаются цепочками с севера на юг. Расстояние между могилами неравномерное, от 1,2 до 7,8 м. Большая часть гробниц была разграблена еще в средневековье. В 11 случаях прослеживаются внутримогильные конструкции из кирпича. Погребения по большей части одиночные, нередко видны следы деревянных гробов (некоторые из них имеют железные обручи (обычно по 2–3 шт.) с колечками, видимо, служащие для продевания шнуров, использующихся при опускании гроба в могилу). В двух случаях китайские исследователи столкнулись с двойными гробами. Стандартное положение усопших – на спине с вытянутыми конечностями, головой на запад. Примечательно, что женские погребения содержат в среднем больше артефактов, чем мужские, поэтому остановимся на них подробнее. У черепа прослеживаются остатки головных уборов из бересты с ажурными железными

бляшками. В районе таза есть случаи находок бронзовых зеркал, остатков деревянных гребней и мешочков с порошком-пигментом. Серьги, обнаруженные на могильнике Ванмулян, изготовлены из золота или бронзы. Кроме этого, в отдельных погребениях имеются золотые кольца, раковины улиток, остатки вышивки из бисера, монеты, фарфоровые лампы и фрагменты золотой парчи. Судя по эпиграфическим данным, некрополь принадлежал клану Елюй, при этом основатель местной ветви Елюй Цзычен (耶律子成) пришел из «Западного края» (в известной мере это объясняет вероисповедание усопших, ведь, как уже говорилось, несторианство пришло через Среднюю Азию [Никитин, 1984. С. 121–130]). Видимо, он был каракитаем, а не потомком той части киданьской знати, что продолжала жить на территории бывшей империи Ляо.

Рис. 1. Элементы надмогильных сооружений с нестоианских кладбищ в горах Иньшань: 1 – вершина каменной пагоды с могильника Мухуэрсо-Буэрга; 2 – надгробный камень с могильника Мухуэрсо-Буэрга; 3 – каменное надгробие с надписями на сирийском, китайском и монгольском языках (могильник у городища Аолуньсуму); 4 – надгробный камень с надписью на сирийском языке (могильник Мухуэрсо-Буэрга). Дается по: [Вэй Цзянь, Чжан Сяовэй, 2013. С. 203]

Fig 1. Elements of grave installations from Nestorian cemeteries in the Yinshan mountains: 1 – tip of a stone pagoda from the Muhuerso-Buerga burial ground; 2 – tombstone from the Muhuerso-Buerga burial ground; 3 – gravestone with inscriptions in the Syrian, Chinese and Mongolian languages (burial ground near the Aolunsumu hillfort); 4 – gravestone with inscriptions in the Syrian language (the Muhuerso-Buerga burial ground). Given by: [Wei Jian, Zhan Xiaowei, 2013, p. 203]

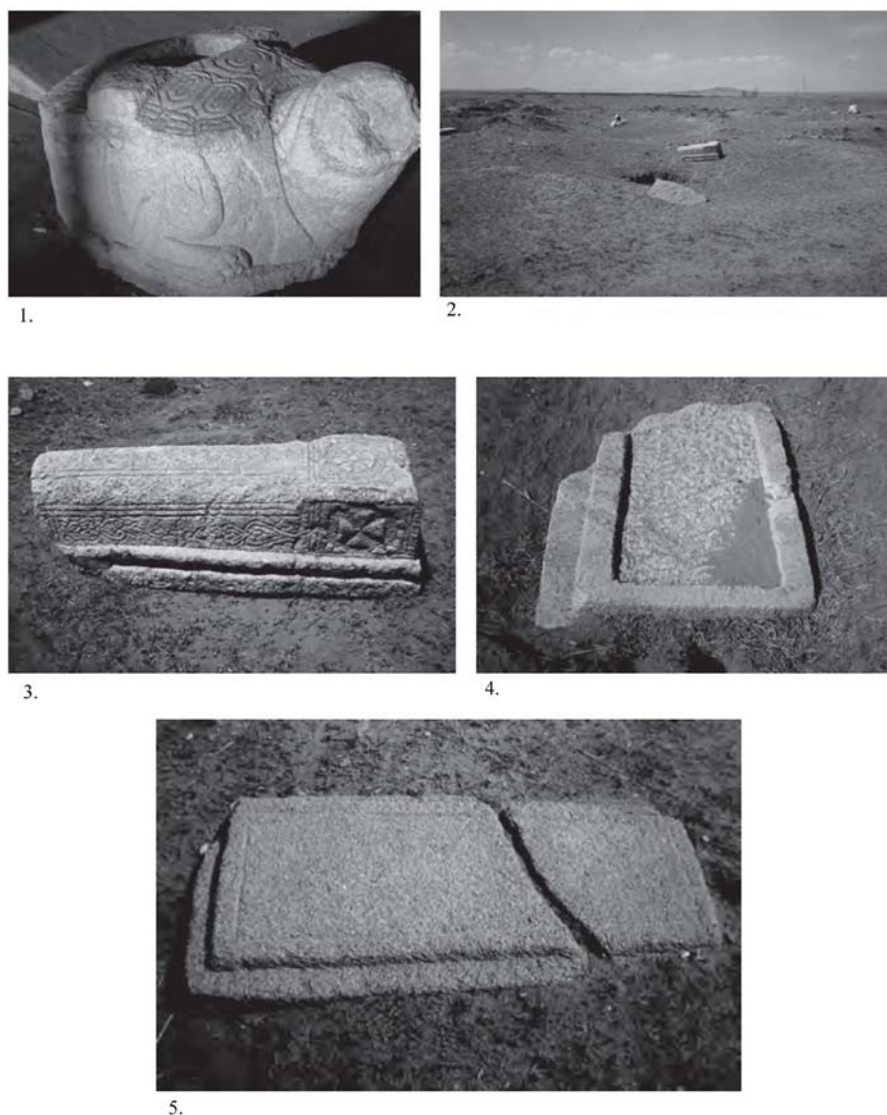

Рис. 2. Элементы надмогильных сооружений с несторианских кладбищ в горах Иньшань: 1 – каменная черепаха с несторианского могильника Ванмулян; 2 – общий вид на несторианский могильник клана Елюй (некрополь Ванмулян); 3 – надгробный камень с несторианского могильника клана Елюй (некрополь Ванмулян); 4 – фрагмент основания надгробия с несторианского могильника Ванмулян; 5 – расколотое основание надгробия с несторианского могильника Ванмулян. Дается по: [Вэй Цзянь, Чжан Сяовэй, 2013. С. 204–205]

Fig 2. Elements of grave installations from Nestorian cemeteries in the Yinshan mountains: 1 – stone turtle from the Wangmulian burial ground; 2 – general view of the Nestorian burial ground of the Elyui clan (the Wangmulian burial ground); 3 – gravestone from the Nestorian burial ground of the Elyui clan (the Wangmulian burial ground); 4 – tombstone fragment from the Wangmulian burial ground; 5 – split tombstone from the Wangmulian burial ground. Given by: [Wei Jian, Zhan Xiaowei, 2013, p. 204–205]

Могильник Аолуньсуму (敖伦苏木古城东北墓群) (хошун Дархан-Муминань городского округа Баотоу, Внутренняя Монголия, КНР) расположен примерно в на расстоянии 1 км к северо-востоку от одноименного городища. Погребений здесь выявлено несколько сотен (точную цифру установить сложно, в том числе из-за отсутствия чёткой планировки некрополя). На поверхности могил присутствуют невысокие каменные кольца 3–6 м в диаметре. При раскопках обнаружены каменные плиты со слабо выраженными канавками. Возможно,

это несторианские надгробия, подвергшиеся эрозии. Часть плит сохранилась лучше, на их торце прослеживается характерный растительный орнамент с христианскими символами. В 1974 г. было вскрыто одно из наиболее представительных погребений. Диаметр каменного кольца здесь сравнительно невелик – 3,2 м. Могила представляет собой вертикальную яму глубиной 2,2 м. Захоронение было ограблено еще в средневековье, из-за чего в заполнение попало большое количество камней. Судя по многочисленным сохранившимся кирпичам, погребальная камера была выстроена именно из них. Обнаружены фрагменты бересты, которые китайские исследователи трактовали как стельки. К северу от погребения найден сложенный надгробный памятник высотой 1,2 м и шириной 0,4 м. На нём сохранилась трёхязычная надпись (на китайском, монгольском и сирийском языках) и изображение креста (рис. 1, 3). Иероглифы расположены в два ряда, текст гласит: «亡化年三十六岁, 泰定四年六月二十四日», что можно перевести как «почил в тридцать шесть лет, в двадцать четвёртый день шестого месяца четвёртого года правления Тайдин-ди». Напомним, что последний правил в 1323–1328 гг. Усопший принадлежал к племени онгутов, его имя по-китайски передано как «阿兀刺编帖木郑思» (Аулабянь Темуцзясы). Он сделал хорошую карьеру и долгое время имел звание *даругачи*, очевидно, контролировал чиновников не-монголов в пригородах столицы [Вэй Цзянь, Чжан Сяовэй, 2013. С. 204–205]. Перед нами яркий (и не единичный) пример жизненного успеха монголоязычного несторианина в эпоху Юань.

Путь «светлого учения» от Константинополя до берегов реки Шара-Мурэн был весьма непростым, он, как мы видим, имел множество исторических последствий. За девять веков (V–XIV вв. н. э.) последователи несторианства прошли через четыре великих державы (Восточная Римская империя, Сасанидский Иран, Китай, Улус Великого хана), переняв определённые элементы культуры окружающих народов. Яркий пример подобного синкретизма – каменная черепаха на могильнике Ванмулян, представленная на иллюстрации (см. рис. 2, 1).

На данный момент несторианство на Дальнем Востоке не сохранилось как «живая» религия⁴. При этом на Ближнем и Среднем Востоке, несмотря на непростые взаимоотношения с исламским окружением, последователи Нестория сохраняются (авторы принимают во внимание все произошедшие за полторы тысячи лет изменения в вероучении). Благодаря Великому Шёлковому пути, «светлое учение» смогло стать первым течением христианства, с которыми познакомились народы Дальнего Востока, степей Евразии (и Индостана). В силу этого факта изучение данной проблематики показывает нам теснейшие взаимосвязи различных регионов Старого света, доказывая несостоятельность представления о замкнутом развитии отдельных территорий.

Список литературы

- Залеская В. Н.** Христиане на Востоке: Мелькиты. Монофиситы. Несториане // Христиане на Востоке: Искусство мелькитов и инославных христиан. СПб: Славия, 1998. С. 18–21.
- Кычанов Е. И.** Сирийское несторианство в Китае и Центральной Азии // Палестинский сборник. Филология и история. 1978. Вып. 26 (89). С. 76–85.
- Никитин А. Б.** Христианство в Центральной Азии (древность и средневековье) // Восточный Туркестан и Средняя Азия: История. Культура. Связи. М.: ГРВЛ, 1984. С. 121–137.
- Сальников С.** К истории распространения несторианства в Китае // Вестник Челябинск. гос. ун-та. 2002. № 1. С. 110–117.
- Ashurov B.** Tarsākyā: an analysis of Sogdian Christianity based on archaeological, numismatic, epigraphic and textual sources: PhD Thesis. SOAS University of London, 2013. URL: https://eprints.soas.ac.uk/18057/1/Ashurov_3569.pdf (accessed 24.10.2019).

⁴ В том числе не выдержав конкуренции с буддизмом. Тем интереснее, что на родине буддизма, в Индии, до наших дней сохраняется исторически связанная с несторианством Сиро-малабарская католическая церковь.

- Gordy J.** Nestorian “merchant missionaries” – A model for Christian Chinese migrants. *In die Skriflig*, 2015, vol. 49, iss. 1, art. #1882, 7 p. DOI 10.4102/ids.v49i1.1882
- Vrhovski J.** Apologeticism in Chinese Nestorian Documents from the Tang Dynasty: Notes on Some Early Traces of Aristotelianism in China. *Asian Studies*, 2013, no. 2, p. 53–70.
- Wu Changxing.** Review on the Studies of Daqin Jingjiao: A Comprehensive Discussion on Its History, Linguistics and Text. *Journal for the Study of Christian Culture*, 2015, no. 34, p. 187–215. (in Chin.)
- Вэй Цзянь, Чжан Сяовэй.** [魏坚、张晓玮。阴山汪古与景教遗存的考古学观察 // 边疆考古研究]. Археологические исследования наследия онгутов и следов несторианства в горах Иньшань // Бяньцзян каогу яньцзю [Археологические исследования приграничья]. 2013. Вып. 4. С. 193–212. (на кит. яз.)
- Ли Цзунцзюнь.** Минцзяо: чжагэнь Чжунгоде моницзяо [李宗俊。明教：扎根中国的摩尼教 // 寻根]. Светлое учение: подъём манихейства в Китае // Сюньгэнь [Поиск исторических корней]. 2006. № 1. С. 10–14. (на кит. яз.)
- Лю Цинцюань.** Моницзяо синшуайиньюань цзи ци лошаньцаоань ицзитаньцзю [刘青泉。摩尼教兴衰因缘及其罗山草庵遗迹探究 // 世界宗教研究]. Судьба манихейства и углублённое изучение памятника Лошаньский цаоань // Шицзе цзунцзяо яньцзю [Исследование мировых религий]. 1999. № 3. С. 134–137. (на кит. яз.)

References

- Ashurov B.** Tarsākya: an analysis of Sogdian Christianity based on archaeological, numismatic, epigraphic and textual sources. PhD Thesis. SOAS University of London, 2013. URL: https://eprints.soas.ac.uk/18057/1/Ashurov_3569.pdf (accessed: 24.10.2019).
- Gordy J.** Nestorian “merchant missionaries” – A model for Christian Chinese migrants. 2015. DOI 10.4102/ids.v49i1.1882
- Kychanov E. I.** Siriiskoye nestorianstvo v Kitaye i Tsentral'noi Azii [Syrian Nestorianism in China and Central Asia]. *Palestinian collection. Series: Philology and History*, 1978, iss. 26 (89), p. 76–85. (in Russ.)
- Li Zujun.** Minjiao: zhagen Zhongguo de monijiao [李宗俊。明教：扎根中国的摩尼教 // 寻根 2006 年第 1 期] Light doctrine: the rise of Manichaeism in China. *Xungen*, 2006, no. 1, p. 10–14. (in Chin.)
- Liu Qingquan.** Monijiao xingshuai yinyuan ji qi luoshancaoan yiji tanjiu [刘青泉。摩尼教兴衰因缘及其罗山草庵遗迹探究 // 世界宗教研究 1999 年第 3 期] The fate of Manichaeism and research of the Luoshancaoan monument. *Shijie zongjiao yanjiu*, 1999, no. 3, p. 134–137. (in Chin.)
- Nikitin A. B.** Khristianstvo v Tsentral'noi Azii (drevnost' i srednevekov'ie) [Christianity in Central Asia (antiquity and the Middle Ages)]. In: *Vostochnii Turkestan I Srednyaya Azia. Istoriya. Kul'tura. Svyazi* [East Turkestan and Central Asia. History. Culture. Communication.]. Moscow, 1984, p. 121–137. (in Russ.)
- Salnikov S. K.** K istorii rasprostraneniya nestorianstva v Kitaye [On the history of the spread of Nestorianism in China]. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2002, no. 1, p. 110–117. (in Russ.)
- Vrhovski J.** Apologeticism in Chinese Nestorian Documents from the Tang Dynasty: Notes on Some Early Traces of Aristotelianism in China *Asian Studies*, 2013, no. 2, p. 53–70.
- Wei Jian, Zhan Xiaowei.** Yinshan wang gu yu jing jiao yicun de kaogu xue guan cha [魏坚、张晓玮。阴山汪古与景教遗存的考古学观察 // 边疆考古研究第 14 辑] Archaeological research of the Onguts' heritage and traces of Nestorianism in the Yinshan Mountains. *Bianjiang kaogu yanjiu*, 2013, vol. 4, p. 193–212. (in Chin.)

- Wu Changxing.** Review on the Studies of Daqin Jingjiao: A Comprehensive Discussion on Its History, Linguistics and Text. *Journal for the Study of Christian Culture*, 2015, no. 34, p. 187–215. (in Chin.)
- Zalesskaya V. N.** Khristiane na Vostoke. Mel'kity. Monofisity. Nestoriane [Christians in the East. Melkites. Monophysites. Nestorians]. In: Khristiane na Vostoke Iskusstvo mel'kitov i inoslavnykh khristian [Christians in the East. The art of the Melkites and non-Orthodox Christians]. St. Petersburg, Slaviya Publ., 1998, no. 1, p. 18–21. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
28.01.2020

Сведения об авторах

Шульга Даниил Петрович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных основ государственной службы факультета политики и международных отношений, Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС (ул. Нижегородская, 6, Новосибирск, 630102, Россия)
alkaddafa@gmail.com

Дурова Мария Владимировна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры востоковедения Гуманитарного института, Новосибирский государственный университет (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 620090, Россия)
taduchepa@icloud.com

Information about Authors

Daniil P. Shulga, Candidate of Science (History), senior lecturer, Chair of Humanitarian Foundations of Public Service of the Faculty of Politics and International Relations, Siberian institute of Management RANEPA (Siberian Institute of Management – the branch of RANEPA (6 Nizhegorodskaya str., Novosibirsk, 630102, Russian Federation)
alkaddafa@gmail.com

Maria V. Durova, Candidate of Science (Philology), senior lecturer, Chair of Asian Studies, Institute for the Humanities, Novosibirsk state University (1 Pirogov str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
taduchepa@icloud.com

Переосмысление ценностных установок китайского социалистического реализма в романе Чжан Вэя «Старый корабль»

А. Ю. Сидоренко

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация

Рассматривается переосмысление ценностных установок китайского социалистического реализма как одна из значимых характеристик литературы нового периода на примере романа Чжан Вэя «Старый корабль» (1986). Детально рассмотрены образы ключевых персонажей романа в контексте ценностной структуры произведения на контрасте с ценностно-семантической структурой литературы предшествующего этапа, так называемой «красной классики» 1950-х гг. Также на примере творческого осмысления земельной реформы в романе произведен анализ нарративных ценностных установок китайского социалистического реализма в сравнении с романом Дин Лин «Солнце над рекой Сангань» (1948). На конкретных примерах показано, что основными векторами переосмысления ценностных установок китайского социалистического реализма являются авторская критика «революционной истории» через демонстрацию ее сопряженности с насилием, хаосом, погоней за личными и клановыми интересами, что реализуется рядом дескриптивных и нарративных приемов. Выводы, сделанные в статье, служат цели показать не только важность «революционной истории» для современной китайской литературы, но и изменения в ее творческом осмыслении после окончания «культурной революции».

Ключевые слова

китайская литература, Чжан Вэй, социалистический реализм, ценностная установка, китайская литература 1980-х гг., революционная история, земельная реформа в Китае, литература поиска корней, реализм, новая историческая проза, переосмысление, литература нового периода

Для цитирования

Сидоренко А. Ю. Переосмысление ценностных установок китайского социалистического реализма в романе Чжан Вэя «Старый корабль» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 4: Востоковедение. С. 59–68. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-4-59-68

Re-evaluation of Chinese Socialist Realism Values in Zhang Wei's "Ancient Ship"

A. Yu. Sidorenko

*St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russian Federation*

Abstract

The article conducts a re-evaluation of values of Chinese socialist realism using Zhang Wei's novel "Ancient Ship" (1986) as an example. The novel's key characters are analyzed in detail, while taking into consideration the values and semantic structures of earlier Chinese novels, the so-called "Red classics" of the 1950s. The narrative's land reform

taking place in rural China is used as a significant example of the re-evaluation of socialist realism's values and their direction, in comparison with Ding Ling's "The Sun Shines over the Sanggan River" (1948). Using specific examples, the article reveals that the main directions of the re-evaluation of socialist realism's values are the author's critique of the so-called "revolutionary history", which is demonstrated as being inseparable from violence, chaos, and pursuing personal and clan interests. Zhang Wei achieves this through a series of narrative and descriptive creative strategies. The findings presented in the article are aimed at demonstrating that the "revolutionary history" is not only an important topic in contemporary Chinese literature, but also serves as a way for writers to deal with "revolutionary history" changes alongside new developments in Chinese literature.

Keywords

Chinese Literature, Zhang Wei, socialist realism, values, 1980s, revolutionary history, land reform in China, root-seeking literature, realism, new historical fiction, re-evaluation, literature of the new period

For citation

Sidorenko A. Yu. Re-evaluation of Chinese Socialist Realism's Value Directions in Zhang Wei's "Ancient Ship". *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 4: Oriental Studies, p. 59–68. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-4-59-68

Общие сведения и характеристика романа

Роман Чжан Вэй¹ «Старый корабль» был опубликован в 1986 г. в журнале «Дандай» 当代, а в 1987 г. вышел отдельным изданием. Роман был удостоен ряда литературных премий, таких как премия издательства «Народная литература» (1994), литературная премия Чжуан Чжунвэня 庄重文文学奖 (1992), был включен в серию «100 выдающихся произведений XX в.» (百年百种优秀中国文学图书), стал предметом пристального внимания и получил высокую оценку литературных критиков, был переведен на ряд иностранных языков, в том числе на русский. Общий тираж книги превысил 1 млн. экземпляров.

Фабула романа охватывает первые сорок лет КНР, приблизительно с 1940-х до 1980-х гг. Основные события происходят в конце 1970-х – начале 1980-х гг., то есть в период, примерно совпадающий со временем написания романа. В романе подробно описаны важные исторические вехи второй половины XX в. – такие, как земельная реформа (конец 1940-х – начало 1950-х гг.), «большой скачок» (1957–1960), «культурная революция» (1966–1976). Действие происходит в городке Валичжэнь, который находится в отдаленном уголке пров. Шаньдун. В топографическом плане роман чем-то напоминает «Сто лет одиночества» (1967) Г. Г. Маркеса.

Повествование в романе нелинейное, события предстают перед читателем не хронологически. Многие эпизоды, особенно земельная реформа, упоминаются неоднократно – как от лица автора, так и через воспоминания героев, в качестве предпосылок к тому, что происходит в Валичжэне в 1980-е гг. По точному замечанию китайского исследователя Ло Цянле, такая нарративная стратегия позволяет сюжетам и образам персонажей взаимно дополнять друг друга [Ло Цянле, 1988. С. 14]. В отличие от «красной классики», где структура персонифицирована подчинена телеологии гранднарратива «революционной истории» [Никитина, 2013. С. 62–64], в романе Чжан Вэй описание переломных исторических моментов само задает контуры портретов главных персонажей.

Здесь следует вспомнить о том, что Чжан Вэй в одном из интервью отмечал важную роль детских воспоминаний в творческом процессе [Чжан Вэй, Чжан Лицзюнь, 2011. С. 58]. Иначе говоря, если художественное произведение как отпечаток сознания писателя создается

¹ Чжан Вэй 张伟 (р. 1956) – известный китайский писатель, родился в г. Лункоу, пров. Шаньдун. Публиковаться начал с 1980 г. Автор большого числа повестей, рассказов, романов. За роман в десяти частях «На плоскогорье» 你在高原 (1991–2010) был удостоен премии Мао Дуя за 2011 г. Творчество писателя относят к деревенской литературе 乡土文学 и литературе «поиска корней» 寻根文学. Член президиума, председатель Шаньдунского отделения Союза китайских писателей. Произведения Чжан Вэй переведены на многие языки мира. Более подробная биография и сведения о писателе представлены в работе Лян Лифан [Leung, 2017. С. 306–309] а также на странице писателя на сайте Союза китайских писателей. URL: <http://www.chinawriter.com.cn/zxhy/member/6989.shtml/>.

в присутствии и под воздействием детских воспоминаний, то и образы героев воспроизводятся не только при упоминании тех или иных событий, или же через описание их характеров или поведения, но и при постоянном присутствии их прошлого в сознании читателя. Именно с целью создания такого «эффекта присутствия» отдельные события и сцены то и дело повторно «всплывают» в романе Чжан Вэя.

Основную движущую силу развитию действия в романе придает борьба двух семей за превосходство. Семья Суй до КНР процветала, ее члены владели производством крахмальной лапши и были известны далеко за пределами родной провинции. С течением времени семья Суй стала приходить в упадок, а члены семьи Чжао, ее главные враги, стали приходить к власти. Промежуточное положение занимает семья Ли – это странный, даже таинственный клан, выходцы из которого слышатся чужаками. При этом следует помнить слова Чжан Вэя, о том, что «бинарная оппозиция как образ мысли никогда не помогает в понимании подлинного литературного произведения» [Чжан Вэй, Чжан Лицзюнь, 2011. С. 61]. Семьи в романе «Старый корабль» не только непрерывно борются друг с другом, но и, организуя единое сообщество, вынуждены взаимодействовать между собой более сложным образом.

Некоторые исследователи, например Ло Цянле, считают, что семьи Суй, Чжао и Ли – это олицетворение соответственно капиталистического, крестьянско-пролетарского класса и класса интеллигенции [Ло Цянле, 1988. С. 23]. Соответственно, их процветание и упадок – это концентрированное изложение основных тенденций развития китайской истории в 20-м веке, а городок Валичжэнь, где происходит действие романа – своего рода «Китай в миниатюре» [Ло Цянле, 1988. С. 21; У Цзюнь, 1987. С. 80].

Очень точно характеризует освещение истории в романе литературовед Ло Цянле, на которого образ старого корабля произвел впечатление «ржавого скелета истории» [Ло Цянле, 1988. С. 21], неказистого ископаемого, воняющего тухлятиной, который нашли в Валичжэне. Позже корабль увезли в провинциальный центр, начистили до блеска и выставили в музее как важный экспонат, артефакт блестящего прошлого.

Можно согласиться с китайскими исследователями в том, что в романе Чжан Вэя сосуществуют две истории – официальная и народная, при этом классовая борьба и месть как их движущие силы образуют единый процесс [Чжоу Хайбо, Ван Гуандун, 1996. С. 110].

Известный литературовед Ван Биньбинь дает точную характеристику общему тону повествования в романе, определяя его как «скорбно-сочувствующий» голос, который не только излагает суть происходящего, но и задается вопросом о причинах бед, омрачающих жизнь Валичжэня [Ван Биньбинь, 1993. С. 57–58]. В связи с этим, по заверениям Ван Биньбиня, Чжан Вэй подвергся влиянию Ф. М. Достоевского [Ван Биньбинь, 1993. С. 62]. При этом литературовед усматривает отрицательное отношение писателя к обществу Валичжэня, где царят ненависть, злоба и жажда мести [Ван Биньбинь, 1993. С. 59, 61]. Развивая эту мысль, мы можем сказать, что неприятие бессмысленного насилия, порожденного клановыми конфликтами, служит подоплекой для переосмысления концепции классовой борьбы, то есть ценностные установки того периода подвергаются переосмыслению с позиций гуманистических идеалов писателя.

Литературовед Гэн Чуаньмин отмечает, что в 1980-е гг. творчество Чжан Вэя испытало влияние произведений Л. Н. Толстого. С русским классиком Чжан Вэй роднит «вдумчивый и упорный нравственный поиск, а также философия человеколюбия» [Гэн Чуаньмин, 1995. С. 112].

С другой стороны, литературовед Гао Юаньбао упрекает Чжан Вэя в чрезмерном увлечении описанием темных сторон общества, его «болезней», уделяя недостаточно внимания его «жизненным силам» [Гао Юаньбао, 1994. С. 68]. Со своей стороны отметим, что на предшествующих этапах (1949–1976) торжественности в китайской литературе было в избытке. В 1980-е гг. мрачность как антитеза торжественности стала своего рода символом возврата литературы к реализму, подобно тому как в литературе «4-го мая» критический реализм противопоставлялся литературе уток-мандаринок и любовных романов.

Семиозис ценностей: Суй Баопу и Суй Цзяньсу

Многие исследователи сходятся во мнении, что братья Суй, особенно старший, Суй Баопу, являются главными героями романа «Старый корабль», а их поведение и образ мыслей более остальных персонажей отражают взгляды автора [У Цзюнь, 1987. С. 80; Чжоу Хайбо, Ван Гуандун, 1996, С. 108; Ван Биньбинь, 1993, С. 58; Ло Цянле, 1988. С. 18–19].

Суй Баопу – старший сын помещика Суй Инчжи. Одно из первых детских воспоминаний Суй Баопу – отец, который постоянно пребывал в подавленном эмоциональном состоянии и беспрерывно подсчитывал что-то на счетах. Он объяснил Суй Баопу, что подсчитывает, сколько семья Суй «задолжала» трудовому народу, сколько грехов она совершила. Когда отец закончил подсчеты, он умер. С тех пор Суй Баопу стал считать, что грехов его семьи – слишком много, и он несет ответственность за грехи предков.

Подростком Суй Баопу стал свидетелем земельной реформы и был поражен звериной жестокостью ее участников – как крестьянских масс и их представителей, так и помещиков в лице «отряда за возвращение родных земель» (还乡团). Бессмысленные убийства оставили в сознании юного Суй Баопу неизгладимый след, и он на протяжении всей дальнейшей жизни пытается найти причину и рациональную основу тому, что происходило на его глазах.

По характеру Суй Баопу, которому в 1980-е гг. было около 40 лет, медлителен и производит впечатление тугодума. Практически все свое время Суй Баопу проводит на старой мельнице, следя за тем, как быки вращают жернова. Ло Цянле пишет, что Суй Баопу таким образом проявляет неприятие к мести и борьбе между кланами как греховным деяниям. Руководствуясь такими взглядами, Суй Баопу отказывается поддержать своего брата в борьбе с «выдвиженцем революции» Чжао Додо за фабрику. Точным представляется замечание Ло Цянле, о том, что Чжан Вэй как автор романа «Старый корабль», характеризуя Суй Баопу как человека инертного и нерешительного, вместе с тем критикует его за эти качества [Ло Цянле, 1988. С. 22].

На наш взгляд, Суй Баопу не предпринимает решительных действий прежде всего ввиду того, что он был с детства напуган историей, которая отпечаталась в его сознании как непрерывное насилие, злость и коварство, распространяющиеся на всех ее активных участников. Вечерами Суй Баопу с усердием религиозного фанатика штудировал «Манифест коммунистической партии». В этой тоненькой книжке, как он считает, объяснено все, что происходит в Валичжэне и так поражает его. Суй Баопу воспринимает «Манифест» как некую инструкцию, руководившую Чжао Додо и другими, кто творил жестокости в период земельной реформы, и пытается осмыслить их мотивы.

Во взглядах Суй Баопу причудливо переплетаются коммунистические идеалы, мысли о воздаянии и концепция «первородного греха». Из-за того, что и коммунистический манифест и концепция первородного греха служат импульсами определенного поведения, эти две концепции смешались в сознании Суй Баопу в одно целое. Его отец говорил о грехах, совершенных предками, а коммунисты, по крайней мере на словах, ссылались в своих деяниях на «Манифест». В итоге в сознании Суй Баопу сформировался своего рода «винегрет», и он пытался найти в «Манифесте» объяснение воле Неба [У Цзюнь, 1987. С. 81–83].

На примере того, как Суй Баопу с позиций обыденного сознания пытается осмыслить коммунистический манифест, мы наблюдаем переосмысление Чжан Вэем ценностных установок соцреализма. Ближе к концу романа Суй Баопу пришел к закономерному выводу: «Происходящее в Валичжэне сложнее, чем в той книжке...» [Чжан Вэй, 2016. С. 340]. Литературовед У Цзюнь считает, что «Манифест» стал «отправной точкой» для духовных исканий Суй Баопу [У Цзюнь, 1987. С. 84]. Нам эта точка зрения близка.

Есть и иной взгляд на роль «Манифеста» в росте сознания Суй Баопу. По мысли Ло Цянле, «Манифест» помог Суй Баопу преодолеть концепцию первородного греха встать на позиции деятельного участия в жизни Валичжэня [Ло Цянле, 1988. С. 20–21]. Этого мнения мы не

разделяем, так как считаем, что «Манифест» введен Чжан Вэем в текст романа с целью проследить движение Суй Баопу от идеализма к ориентации на действительность.

Размышления Суй Баопу, по мысли Гэн Чуаньмина, перекликаются с русской классической культурной мыслью, ему не чужды искренность, самоистязание, подвижничество, характерные, например, для прозы Толстого и Достоевского. Чувство вины, которое не покидает Суй Баопу, также занимает достаточно важное место в русской культуре. Его взгляд на воздаяние за грехи предков граничит с религиозным фанатизмом, при этом Суй Баопу в своих рассуждениях задается вполне «религиозным» вопросом – кто же спасет Валичжэнь от всей той жестокости, которая происходит вокруг, свидетелем которой он был с детства? [Гэн Чуаньмин, 1995. С. 116]

Завершить характеристику Суй Баопу будет уместно, развив мысль У Цзюня, что «Суй Баопу из истории – прошлого, настоящего и будущего сделал одну плоскость, и в ней искал и в итоге нашел собственный моральный идеал» [У Цзюнь, 1987. С. 83]. К концу романа Чжан Вэй приводит Суй Баопу к выводу, что несмотря ни на что следует стоять на позициях деятеля, участника событий, а не только лишь стороннего наблюдателя [Чжан Вэй, 2016. С. 368].

Суй Цзяньсу, младший брат Суй Баопу, кардинально отличается от него по характеру. Цзяньсу на протяжении всего романа что-то предпринимает, он всегда в движении. В его характере причудливо переплетаются два вида «топлива» прогресса истории – жизненная сила и жажда мести. С одной стороны, он деятельный человек, развивает собственный небольшой бизнес, уезжает из Валичжэня в большой город, пытается заработать денег, а с другой – все его мысли сводятся к стремлению отобрать фабрику у Чжао Додо.

Точным представляется наблюдение У Цзюня, что Суй Цзяньсу и главный злодей романа Чжао Додо – персонажи одного порядка. На их примере Чжан Вэй демонстрирует ограниченность кланового крестьянского сознания, отравляемого стремлением к мести [У Цзюнь, 1987. С. 84].

Гэн Чуаньмин выдвигает интересную гипотезу о том, что одержимый местью Суй Цзяньсу в романе заболевает в молодом возрасте смертельной болезнью именно из-за своей злобы, то есть подвергается осуждению с позиции моральных идеалов автора. Чжан Вэй, как и Л. Н. Толстой, считает, что нужно следовать завету «не мстите, а дайте место гневу божию (мне отмщение, я воздам)» [Гэн Чуаньмин, 1995. С. 116]. Схожие мысли звучат и в статье У Цзюня [У Цзюнь, 1987. С. 80]. Одна из главных ценностных установок романа направлена против звериной ненависти и злобы, с которой относятся друг к другу члены противоборствующих кланов.

Завершая этот раздел, обратим внимание на символику имен братьев Суй – если сложить их вместе, то получится выражение 见素抱朴, являющегося цитатой из гл. 19 основополагающего даосского сочинения Лао-цзы «Дао дэ цзин» [Чэнь Гуин, 1988. С. 449], которую мы считаем возможным рассматривать как аллюзию, значительно обогащающую содержательно-подтекстовую информацию² романа. Если попытаться проанализировать имена братьев Суй, то имя младшего, Цзяньсу (见素), можно перевести как «видеть суть вещей». Возможно, Чжан Вэй пытается через такой подтекст придать дополнительную окраску мстительному характеру Цзяньсу, которым движет клановая месть, то есть он во всем «видит суть» – «видит месть». Имя старшего, Суй Баопу (抱朴), означает «стремиться к простоте», что добавляет красок в его образ некоего отшельника, склонного к невмешательству в греховные дела и коварные замыслы членов соперничающих кланов Валичжэня.

² И. Р. Гальперин в работе «Текст как объект лингвистического исследования» предлагает подразделять информацию, содержащуюся в тексте на три категории: содержательно-фактуальная, содержательно-концептуальная и содержательно-подтекстовая информация. Содержательно-фактуальная информация – это своего рода «оповещение» читателя; содержательно-концептуальная информация – сообщает читателю индивидуально-авторскую точку зрения на фактуальную информацию. Содержательно-подтекстовая информация извлекается из фактуальной информации через порождение ассоциативных и коннотативных значений [Гальперин, 2007. С. 28].

Семиозис антиценностей: Чжао Додо и Чжао Бин

Самый яркий отрицательный образ в романе – коммунист Чжао Додо. Его характеристика резко контрастирует с положительными образами коммунистов-протагонистов из китайской «красной классики»³. Остановимся на ней подробнее.

Чжао Додо с детства был трусливым, не брезговал питаться отбросами, убивал для пропитания собак, притом он ловил их на крюк – то есть делал это жестоким способом. Он не гнушался даже тухлым собачьим мясом, мышами, жабами, ящерицами и земляными червями [Чжан Вэй, 2016. С. 93]. Став ополченцем, Чжао Додо начал стрелять из винтовки домашних животных. Во время земельной реформы Чжао Додо стал командиром отряда самообороны, пытал и убивал помещиков с особой жестокостью [Чжан Вэй, 2016. С. 234]. Однажды Чжао Додо убил помещика уже после того, как тот отдал ополченцам монеты – он жег его сигаретой, отрубил руку и затем добил его тесаком без всякой на то причины [Чжан Вэй, 2016. С. 237].

Как видно, образ Чжао Додо проникнут отрицательной ценностной прагматикой, его отличают трусость и жестокость. Коммунист Чжао Додо скорее напоминает маньяка-психопата, звериной натуры которого дали волю обстоятельства, нежели храброго и самоотверженного борца за права угнетенных из «красной классики», движущего историю вперед. Яркий пример такого протагониста – Чжан Юйминь из романа Дин Лин «Солнце над рекой Сангань»: «В восемь лет Чжан Юйминь остался круглым сиротой... Целыми днями он работал в поле вместе с дядей... Точно теленок, который вырастает крепким, питаясь одной травой, Чжан Юйминь к 17 годам был здоровым, сильным парнем... Закаленный знойным солнцем и ледяными ветрами, он был очень вынослив...» [Дин Лин, 1950. С. 49–50]. Чжан Юйминь ведет свое хозяйство, поддерживает младшего брата, помогает крестьянам, вникает во все их проблемы и тяготы, бедняки доверяют ему. Кроме того, он является членом КПК.

Ставя Чжао Додо в позицию субъекта «революционной истории», Чжан Вэй подвергает ее переосмыслению через экспликацию ее «подводных течений». Первое – это клановая месть, второе – это личная месть, и третье – насильственный характер истории в целом и «революционной истории» в частности.

В связи с этим стоит упомянуть обстоятельства смерти мачехи братьев Суй, Хуэйцзы. Она упрямо сопротивлялась земельной реформе и отказывалась покидать усадьбу семьи Суй после того, как ее конфисковали в пользу государства. Она приняла яд и подожгла усадьбу, чтобы она не досталась ополченцам. Ворвавшись в горящую усадьбу и увидев умирающую Хуэйцзы, Чжао Додо не кинулся спасать ее, а на глазах ее старшего сына Суй Баопу срезал с нее ножницами платье и помочился на ее тело [Чжан Вэй, 2016. С. 249]. По мысли Ло Цянле, такое отношение Чжао Додо к Хуэйцзы – демонстрация того, что классовая борьба крестьян против помещиков – только предлог для выплескивания звериной ненависти к представителям противоборствующего клана [Ло Цянле, 1988. С. 16].

После «культурной революции» Чжао Додо стал хозяином фабрики по производству крахмальной лапши. Он обманывал акционеров, присваивая их средства себе, в результате чего качество продукции стало ухудшаться, а репутация фабрики страдать. Здесь мы вновь видим отрицательную ценностную установку, характеризующую Чжао Додо как эгоистичного человека, склонного думать только о себе, что ярко контрастирует с образами коммунистов из произведений китайского социалистического реализма, готовых разделить с крестьянами последний кусок.

В конце романа Чжао Додо сел пьяным за руль и погиб в автокатастрофе. В этом, как и в случае с Суй Цзяньсу, который заболел смертельной болезнью, можно проследить нарративную ценностную установку. С одной стороны, Чжан Вэй как бы наказывает Чжао Додо

³ «Красной классикой» мы называем романы Лян Биня «История красного знамени» (红旗谱, 1958), Дин Лин «Солнце над рекой Сангань» (太阳照在桑干河上, 1948), Ду Пэнчэна «Отстоим Яньань» (保卫延安, 1954) и др.

за все злодеяния, которые он совершил, а с другой говорит читателю, что стремление к мести, ненависть и бесконечное насилие до добра не доведут.

Здесь стоит упомянуть и о Чжао Бине или, как его еще называли, Четвертом Барине (四爷). Чжао Бин – серый кардинал Валичжэня, патриарх рода Чжао. Как и Чжао Додо, он одним из первых в городке вступил в компартию. Чжан Вэй умело использует образ Чжао Бина для критики концепции клановой борьбы [Ло Цянле, 1988. С. 17]. Чжао Бин состоял в любовной связи с Суй Ханьчжан, которую в «культурную революцию» объявил своей названной дочерью. Этим он, будучи патриархом клана злейших врагов семьи Суй, немало травмировал ее психику. При этом Суй Ханьчжан понимала, что таким образом Чжао Бин защитил ее и братьев Суй от нападков, так как, будучи потомками самого сильного прежде помещичьего рода, в «культрев» они имели все шансы быть доведенными до смерти.

С точки зрения нашей концепции ценностных установок отметим, что в этом сюжете скрещиваются два семантических блока – насилие над беззащитной девушкой и соперничество кланов, что должно вызвать у читателя отторжение (влияние отрицательной ценностной установки).

Прагматика нарратива: земельная реформа в романе

Земельная реформа конца 1940-х – начала 1950-х гг. была важным этапом «революционной истории». Она описана как в романах китайского социалистического реализма, так и в произведениях новейшей китайской литературы. Чжан Вэй как последователь писателей китайского соцреализма, на наш взгляд, принимал во внимание горизонт ожидания читателя, близко знакомого с китайской «красной классикой». Именно это обусловило выбор Чжан Вэем именно земельной реформы в качестве объекта переосмысления. На наш взгляд, основным нарративным приемом переосмысления «революционной истории» на примере земельной реформы в романе Чжан Вэя служит смена ракурса.

В отличие от романов китайского соцреализма, в романе Чжан Вэя земельная реформа описана не с позиции крестьян и партийцев как коллективного «субъекта истории», а с позиции помещиков как ее объекта, а именно семьи Суй, и предстает перед читателем через субъективные воспоминания малолетнего Суй Баопу как аполитичного свидетеля событий. Такой элемент повествовательной стратегии позволяет Чжан Вэю в корне изменить их литературно-прагматическую составляющую в сравнении с «красной классикой».

Если, например, у Дин Лин в описании борьбы с помещиками мы видели только радость крестьян от того, что помещики получали по заслугам, то в романе Чжан Вэя мы видим то, как малолетний ребенок становится невольным свидетелем смерти собственного отца и краха его семьи, причин которых он не осознает. Описывая события «революционной истории» с позиции Суй Баопу как ее объекта, Чжан Вэй подрывает диспозицию «свой-чужой», служившую основой в произведениях «красной классики».

С «чужим» ассоциируется все отрицательное, враждебное, неведомое, тогда как со «своим» – положительное, дружелюбное, хорошо знакомое и понятное [Детинко, 2017. С. 13]. Эта бинарная оппозиция не только обуславливает дескриптивную структуру текста, но и закладывает некоторые противоречия в интерпретацию отдельных моментов, которые можно представить как знаки (семантические блоки) «высокого уровня». Эти противоречия и стали базой для переосмысления ценностных установок соцреализма в литературе 1980–1990-х гг.

Так, например, у Ю. М. Лотмана есть мысль, что в той или иной семиотической системе определенных вещей «не существует» [Лотман, 2010. С. 255]. Также и в китайском соцреализме допускается и даже положительно характеризуется насилие по отношению к помещикам: это классовая борьба, а вовсе не проявление жестокости, а насилие по отношению к крестьянам или коммунистам – это жестокость. Получается, что отрицательно характеризуемой

в романе Чжан Вэй «звериной ненависти» крестьян к помещику в семиосфере китайского соцреализма не могло быть.

Важно также отметить, что «чужой», как правило, характеризуется более схематично, и зачастую только с тем, чтобы указать на его чужеродность [Детинко, 2017. С. 13]. «Монофония», порождаемая такой неравномерностью распределения информации, была широко распространена в китайском соцреализме, Чжан Вэй в своем романе отходит от такой диспозиции. Например, приведенный выше образ отрицательного персонажа Чжао Додо никак нельзя назвать схематичным.

С дескриптивной точки зрения, переосмысление ценностных установок китайского соцреализма мы усматриваем в том, что Чжан Вэй, в отличие от его предшественников, постулировавших ценностные установки китайского соцреализма, сопровождает описание земельной реформы отрицательными образами и сценами насилия, которые вызывают отторжение у читателя.

Здесь уместно процитировать известного китайско-американского литературоведа Ван Дэвэя, характеризующего революцию как «определенный момент, в который, при наличии идеологических предпосылок, даже самые угнетенные члены социума могут и даже должны быть мотивированы на то, чтобы отбросить социальные и моральные нормы без остатка» [Wang, 2004. С. 64].

Чжан Вэй вкладывает критику насилия, сопровождающего «революционную историю», в уста партийного секретаря, руководившего земельной реформой в Валичжэне. Узнав о жестокостях, которые творят ополченцы, он произнес: «Мобилизовать нужно классовое сознание масс, а не животные инстинкты их отдельных представителей» [Чжан Вэй, 2016. С. 236].

Список литературы

- Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига. 2007. 144 с.
- Детинко Ю. И. Политическая коммуникация: опыт мультимодального и критического дискурс-анализа. Новосибирск, 2017. 168 с.
- Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб: Искусство-СПб, 2010. 704 с.
- Никитина А. А. Особенности изображения героев в китайской романистике 50-х годов XX века // Вестник Санкт-Петерб. ун-та. Востоковедение и африканистика. 2013. № 4. С. 61–67.
- Leung Laifong. Contemporary Chinese Fiction Writers: Biography, Bibliography, and Critical Assessment. New York, Routledge, 2017, 410 p.
- Wang Der-wei. The Monster That Is History: History, Violence and Fictional Writing in Twentieth-Century China. Los Angeles, UCLA Press, 2004, 402 p.
- Ван Биньбинь. Бэйминь юй кайтань – Чунду «Гучуань» Юй чуду «Цзююэюйянь» [王彬彬。悲悯与慨叹——重读《古船》与初读《九月寓言》] Скорбь и вздох сожаления – перечитывая «Старый корабль» и читая впервые «Сентябрьскую притчу» // Дандай цзоцзя пинлунь. 1993. № 1. С. 57–62. (на кит. яз.)
- Гао Юаньбао. «Ишисинтай» юй «Дади» Дэ эрюань чжуаньхуа – Люэшо чжанвэйдэ «Гучуань» Хэ «Цзююэ юйянь» [郜元宝。“意识形态”与“大地”的二元转化——略说张炜的《古船》和《九月寓言》] Дуалистическая конверсия «идеологии» и «территории» – краткий обзор романов Чжан Вэй «Старый корабль» и «Сентябрьская притча» // Шэхуэй кэсюэ. 1994. № 7. С. 68–71. (на кит. яз.)
- Гэн Чуаньмин. Чжанвэй юй эсу вэньсюэ [耿传明。张炜与俄苏文学] Чжан Вэй и русская советская литература // Вайго вэньсюэ яньцзю. 1995. № 3. С. 112–118. (на кит. яз.)

- Дин Лин.** Тайян чжао цзай санганьхэшан [丁玲. 太阳照在桑干河上] Солнце над рекой Сангань. Пекин: Синьхуашудянь, 1950. 458 с. (на кит. яз.)
- Ло Цянле.** Сысяндэ дясян: лунь «Гучуань» дэ чжугуи цзегоу [罗强烈. 思想的雕像: 论《古船》的主题结构] Мысленное изваяние: о тематической структуре романа «Старый корабль» // Вэньсюэ пинлунь. 1988. № 1. С. 13–23. (на кит. яз.)
- У Цзюнь.** Юаньцзуйдэ чаньхуэй, жэньсиндэ микуан – «Гучуань» жэнь лунь [吴俊. 原罪的忏悔,人性的迷狂 — 《古船》人物论] Раскаяние в первородном грехе и человеческое помешательство // Дандай вэньсюэ пинлунь. 1987. № 2. С. 79–86. (на кит. яз.)
- Чжан Вэй, Чжан Лицзюнь.** Баочи «Ланмань» Ши жэньлэй дуйюй чэнчжан бэйцзюйдэ бэньнэн фанькан – Цун «Гучуань» Дао «Гаюань» Дэ вэньсюэ дуйхуа [张炜, 张丽军. 保持“浪漫”是人类对于成长悲剧的本能反抗——从“古船”到“高原”的文学对话] Сохранение «романтики» – инстинктивное сопротивление человечества драме взросления – литературный диалог от «Старого корабля» до [романа] «На плоскогорье» // Вэнь Чжэнмин. 2011. № 4. С. 57–61. (на кит. яз.)
- Чжан Вэй.** Гучуань [张炜. 古船] Старый корабль. Пекин: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ. 2016. 368 с. (на кит. яз.)
- Чжоу Хайбо, Ван Гуандун.** Шоуванчжэ дэ цзиншэнь ли'и – Чжанвэй чуанцзолунь [周海波, 王光东. 守望者的精神礼仪——张炜创作论] Духовный этикет наблюдателя – о творчестве Чжан Вэя // Дандай цзоцзя пинлунь. 1996. № 3. С. 102–111. (на кит. яз.)
- Чэнь Гуин.** Лаоцзы цзиньчжу цзинь цзи пинцзе [陳鼓應. 老子今注今譯及評介.] Лаоцзы с комментариями, переводами на современный язык и аннотациями. Пекин: Синьхуа шупэйдэ. 1988. 491 с. (на кит. яз.)

References

- Chen Guying.** Laozi jinzhu jinyi ji pingjie [陳鼓應. 老子今注今譯及評介] Laozi with commentary, translations into modern Chinese and annotations. Beijing: Xinhua shuju, 1988, 491 p. (in Chin.)
- Detinko Yu. I.** Politicheskaya kommunikaciya: opyt mul'timodal'nogo i kriticheskogo diskurs-analiza [Political Communication: an Experience of Multi-Modal and Critical Discourse-Analysis]. Novosibirsk, 2017, 168 p. (in Russ.)
- Ding Ling.** Taiyang zhao zai Sangganhe shang [丁玲. 太阳照在桑干河上]. The Sun Shines Over the Sanggan River. Beijing, Xinhua shudian, 1950, 458 p. (in Chin.)
- Galperin I. R.** Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya [Text as an object of Linguistic Study]. Moscow, 2007, 144 p. (in Russ.)
- Gao Yuanbao.** “Yishixingtai” yu “Dadi” de eryuan zhuanhua – lueshuo Zhandweide “Guchuan” yu “Jiuyue yuyan” [郜元宝. “意识形态”与“大地”的二元转化——略说张炜的《古船》和《九且寓言》]. The dualistic conversion of “ideology” and “territory” – briefly talking about Zhang Wei's “Ancient Ship” and “September's Fable”. Shehui kexue, 1994, no. 7, p. 68–71. (in Chin.)
- Geng Chuanming.** Zhang Wei yu esu wenxue [耿传明. 张炜与俄苏文学]. Zhang Wei and Russian-Soviet literature. Waiguo wenxue yanjiu, 1995, no. 3, p. 112–118. (in Chin.)
- Leung Laifong.** Contemporary Chinese Fiction Writers: Biography, Bibliography, and Critical Assessment. New York, Routledge, 2017, 410 p.
- Lotman Yu. M.** Semiosfera [Semiosphere]. St. Petersburg, 2010, 704 p. (in Russ.)
- Luo Qianglie.** Sixiang de diaoxiang: lun “Guchuan” de zhuti jiegou [罗强烈. 思想的雕像: 论《古船》的主题结构]. A sculpture of thought: on the thematic structure of “Ancient Ship”. Wenxue pinglun, 1988, no. 1, p. 13–23. (in Chin.)

- Nikitina A. A.** Osobennosti izobrazheniya geroev v kitajskoj romanistike 50-h godov XX veka [Character portrayal in Chinese novels of the 1950s: the Party Loyalist vs. the Bourgeois Anti-Hero]. *Vestnik SPbU: Series: Oriental and African Studies*, 2013, no. 4, p. 61–67. (in Russ.)
- Wang Binbin.** Beimin yu kaitan – chongdu “Guchuan” yu chudu “Jiuyue yuyan”// [王彬彬。悲悯与慨叹——重读《古船》与初读《九月寓言》]. Sorrow and sigh of regret – rereading “Ancient Ship” and first reading “September’s Fable”. *Dangdai Zuoja Pinglun*, 1993, no. 1, p. 57–62. (in Chin.)
- Wang Der-wei.** The Monster That Is History: History, Violence and Fictional Writing in Twentieth-Century China. Los Angeles, UCLA Press, 2004, 402 p.
- Wu Jun.** Yuanzude chanhui, renxingde mikuang – “Guchuan” renwu lun [吴俊。原罪的忏悔，人性的迷狂——《古船》人物论]. Remorse in the original sin and the madness of human character – on the characters in “Ancient Ship”. *Dangdai wenxue pinglun*, 1987, no. 2, p. 79–86. (in Chin.)
- Zhang Wei, Zhang Lijun.** Baochi “Langman” shi renlei duiyi chengzhang beijude benneng fan-kang – cong “Guchuan” dao “Gaoyuan” de wenxue duihua [张炜，张丽军。保持“浪漫”是人类对于成长悲剧的本能反抗——从“古船”到“高原”的文学对话]. The preservation of “romanticism” is the humanity’s natural opposition of the tragedy of growing up – a literary dialogue from “Ancient Ship” to “[You are on] the Plateau”. *Wenyi zhengming*, 2011, no. 4, p. 57–61. (in Chin.)
- Zhang Wei.** Guchuan [张炜。古船]. Ancient Ship. Beijing, Renmin wenxue chubanshe, 2016, 368 p. (in Chin.)
- Zhou Haibo, Wang Guangbo.** Shouwangzhe de jingshen liyi – zhang wei chuanguo lun [周海波，王光东。守望者的精神礼仪——张炜创作论]. The observer’s moral ethics – on the literary works of Zhang Wei. *Dangdai zuojia pinglun*, 1996, no. 3, p. 102–111. (in Chin.)

Материал поступил в редколлегию
Received
12.01.2020

Сведения об авторе

Сидоренко Андрей Юрьевич, ассистент кафедры китайской филологии, Восточный факультет, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
theirironman@yandex.ru

Information about the Author

Andrei Yu. Sidorenko, assistant, Department of Chinese Philology, Faculty of Oriental Studies, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
theirironman@yandex.ru

УДК 930

DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-4-69-80

Наследственная аристократия и ее владения в структуре и политике царства Цинь в IV–III веках до н. э.

М. С. Целуйко

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Москва, Россия*

Аннотация

Рассматривается вопрос о существовании наследной аристократии в царстве Цинь в IV–III вв. до н. э., а также вопрос о ее роли во внутриполитическом процессе этого времени, показывается динамика политических изменений на материале как традиционных письменных памятников, так и эпиграфики. Традиционно считается, что после реформ Шан Яна IV в. до н. э. в царстве Цинь модель государственного устройства претерпела резкие изменения. На смену территориальному устройству, основанному на уделах наследственной аристократии, пришло территориальное устройство, основанное на уездах и округах, которые управлялись чиновниками, а старый аристократический порядок перестал существовать. Проведенное исследование свидетельствует, что аристократический порядок продолжал воспроизводиться, а унификацию территориального и политического устройства, приписываемую Шан Яну, в действительности пытался произвести Цинь Шихуанди через 120 лет после реформ Шан Яна. Показан политический механизм, который воспроизводил конфликт чиновничьей служилой бюрократии и наследственной аристократии. Продемонстрирована зависимость между стабильностью передачи власти и способностью родовой аристократии поддержать правителя, а также то, как процесс формирования империи размывал модель, которая обеспечивала стабильность в царстве Цинь.

Ключевые слова

Древний Китай, Восточная Азия, царство Цинь, политический процесс, наследственная аристократия, Империя Цинь, бюрократия и аристократия

Для цитирования

Целуйко М. С. Наследственная аристократия и ее владения в структуре и политике царства Цинь в IV–III веках до н. э. // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 4: Востоковедение. С. 69–80. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-4-69-80

Hereditary Aristocracy and Its Domains in the Structure and Politics of the Ancient Qin State during 4th – 3rd Centuries BC

M. S. Tseluyko

*National Research University Higher School of Economics
Moscow, Russian Federation*

Abstract

The paper discusses the question of existence of hereditary aristocracy in the ancient Chinese state of Qin during the period of 4th – 3rd BC, as well as the question of its role in the domestic political process. The paper shows the dynamic of political change on the materials of received sources as well as on that of the paleographic texts. It also shows that the traditional perception of Shang Yang's reforms is false. This perception is based on the sources, composed largely during the Han era, which predetermined their bias towards the history of Qin. Based on these sources the research to date usually depicts the reforms of Shang Yang as an act of dismantling the order based on hereditary aristocracy and transforming Qin into a bureaucratic state, divided uniformly into counties and commanderies. However the reality, as shown in the sources contradicts this view, as the hereditary aristocracy after the reforms of Shang Yang

© М. С. Целуйко, 2020

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 4: Востоковедение
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2020, vol. 19, no. 4: Oriental Studies

neither ceased to exist, nor lost the decisive grip over the political process in the state of Qin. The research shows a dependence of the power transition stability and the ability of the hereditary aristocracy to align with the monarch and also shows that the process of imperial formation put this model of stability in jeopardy. It has also become clear that the very process of reproducing conflict between the aristocratic and bureaucratic groups within Qin's elites was driven by the changing interest of the monarch, who, in his different period of reign aimed at different goals, thus being the variable that propelled the political change within a framework of constants. This change led inevitably to the transformation of connection between the ruler and the hereditary aristocracy, the initial type of which being that of a hereditary lineage system of ties, and the final being that of an imperial state system, where the groups of hereditary aristocracy within the imperial court no longer needed to have kinship with the ruler, but played the role of agents for the local elites, influencing imperial politics.

Keywords

Ancient China, East Asia, Qin kingdom, political process, hereditary aristocracy, Qin Empire, bureaucracy and aristocracy

For citation

Tseluyko M. S. Hereditary Aristocracy and its Domains in the Structure and Politics of the Ancient Qin State during 4th – 3rd Centuries BC. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 4: Oriental Studies, p. 69–80. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-4-69-80

Введение

Среди ученых, исследующих историю царства Цинь 秦 в эпохи Чуньцю (771–453 гг. до н. э.) и Чжаньго (453–221 гг. до н. э.) принято считать, что до реформ Шан Яна ¹ в середине IV в. до н. э. территория Цинь состояла из владений аристократов, то есть наследственных пожалований (*кит.* 封 *фэн*), а после – из округов (*кит.* 郡 *цзюнь*) и уездов (*кит.* 县 *сянь*); при этом первому способу территориального устройства в социально-политической плоскости соответствовала система ранговой знати (*кит.* 列鼎 *ледин*), а второму – система меритократической бюрократии рангов и титулов (*кит.* 官爵 *гуаньцзюэ*) ².

Задача данного исследования – ответить на вопрос, действительно ли после реформ Шан Яна наследственная аристократия «погибла» или «ослабла», как считается в историографии. Для этого мы исследуем историю наследственной аристократии и уделов с середины IV в. до н. э. до второй половины III в. до н. э., постараемся показать, что в это время в Цинь существовали уезды и зависимые владения и продолжали возникать новые аристократические династии.

Историография проблемы и понятие наследственной знати

В 2013 г. западные и китайские ученые выпустили сборник статей «Birth of an Empire: The State of Qin revisited» («Рождение империи: еще раз о государстве Цинь»). Книга претендует на обобщение многолетних исследований авторов по царству Цинь. Одним из достоинств издания является изложение истории Цинь. В нем, в частности, утверждается: «Социальные преобразования в Цинь были по большому счету успешными, по крайней мере в той их части, в которой они были нацелены на слом аристократического порядка, основанного на происхождении. Гибель наследственной аристократии должным образом отражена археологически, так как ритуальные бронзовые сосуды и их керамические реплики пропадают из наборов циньского погребального инвентаря в результате реформ Шан Яна» [Falkenhausen, Pines, Shelach, Yates, 2013. P. 26].

¹ Шан Ян 商鞅 (390–338 гг. до н. э.) – политический деятель древнекитайского царства Цинь, проводивший в этом царстве реформы в середине IV в. до н. э. Ему приписывается авторство «Книги правителя области Шан» (*кит.* 商君书 «Шан-цзюнь шу»). Подробнее см. [Переломов, 1993]

² Эта трансформация затрагивала не только политико-административные аспекты истории, но и культурно-религиозные, что проявлялось также и в археологии, в частности в погребальном обряде. Об этом подробнее см. [Falkenhausen, Pines, Shelach, Yates, 2013. P. 1–34; Shelach, Pines, 2005. P. 214–215; Lewis, 1990. P. 53–96].

Отечественные исследователи согласны с этими взглядами. Они, как и западные ученые, считают, что смена системы управления, основанной на наследственной знати и уделах, на систему, основанную на бюрократии и уездах, связана с реформами Шан Яна в IV в. до н. э. [Васильев, 1998. С. 237; Комиссаров, Хачатурян, 2010. С. 13; Корольков, 2017. С. 841; Переломов, 1962. С. 34; 2013. С. 27–28]. Труды китайских исследователей тоже не противоречат данной точке зрения [Ян Куань, 1956. С. 98–99].

На основании письменных памятников и свидетельств эпиграфики мы постараемся показать, что наследственная аристократия в Цинь, во-первых, не исчезла после реформ Шан Яна, а во-вторых, продолжала играть политическую роль, важную для поддержания стабильности государства. Под «наследственной знатью» понимаются либо родственники правителя Цинь по мужской или женской линиям, имеющие знатные титулы *цзюнь* 君 или *хоу* 侯, указывающие на обладание уделом или пожалованием, либо любые наследные аристократы, имеющие такие титулы и состоящие в родстве с одним из правящих домов Восточной Азии. Обладатели аристократических титулов в первом поколении сами по себе наследственной аристократией считаться не могут, но создают новые знатные династии. Эти династии в исследуемый период, по сути, представляют собой патрилинейные кланы [Крюков, 2000. С. 49–51]. На них чжоуское общество основывалось еще с периода Западного Чжоу (1027–771) [Там же. С. 54–55]. Возникновение наследственной аристократии, с одной стороны, связано с системой рангов³, с другой – с системой удельных пожалований 封, впервые принятых чжоуским У-ваном 武王 (1027–1025), который наделил уделами своих родственников [Крюков, 2009. С. 201].

Информация традиционных письменных памятников

Основным письменным источником выступают «Исторические записки» Сыма Цяня, а именно пятая и шестая главы этого труда, «Основные записи о [деяниях] дома Цинь» и «Основные записи о [деяниях] первого императора Цинь». Их информация делится на два типа – по зависимым владениям, то есть уделам, и по историческим лицам, которым присваивались титулы. Текст памятника свидетельствует, что создание наследуемых аристократами уделов (*кит. фэн* 封) не прекратилось после реформ Шан Яна. Прежде всего, этот процесс затрагивал новоприобретенные царством Цинь земли. Сведения пятой главы «Исторических записок» [Сыма Цянь, 2003. С. 37–45] удобно представить в виде таблицы о взаимодействии царства Цинь с двумя другими государственными образованиями на его границах – царствами Шу 蜀 и Ицзюй 義渠⁴ (табл. 1).

Царство Шу после «уничтожения» (*кит. мей* 滅) не было полностью упразднено, а было преобразовано в зависимое царство, земли которого давались в удел представителям циньского правящего дома. При этом каждый зависимый правитель Шу после завоевания в 316 г. до н. э. восставал против Цинь⁵. Но, невзирая на ненадежность и регулярные восстания удельных правителей, часто – родственников циньского монарха, правитель Цинь продолжал даровать им уделы в наследственное владение, создавая новые династии наследственной аристократии и воспроизводя основанную на ней систему территориального контроля.

³ Высший ранг имел сам царь – *ван* 王, ниже следовали правители владений – *чжухоу* 诸侯 и т. д. [Крюков, 2000. С. 130].

⁴ Первое находилось в Сычуани, второе – к северу от долины реки Вэйхэ. Подробнее по территориальному устройству Цинь см. [Целуйко, 2019].

⁵ *Чан Цюй*. Цзюань сань, Шу чжи // Хуаян гочжи цзябу тучжу [常璩. 卷三 蜀志 // 華陽國志校補圖注], Глава 3, Описание Шу // Сопоставление, дополнение и иллюстрации справочника государства Хуаян. Шанхай, 1987. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=en&chapter=913817> (дата обращения 20.02.2020) (на кит. яз.)

Таблица 1

Взаимодействие Цинь с зависимыми государствами

Table 1

Qin's interactions with dependent states

Название	Дата	Событие
Шу	475	На втором году правления Ли-гун-гуна (475 г.) из царства Шу прибыли гонцы с дарами
	387	На тринадцатом году правления (387 г.) Хуй-гун отправился походом на царство Шу и захватил [вновь] Наньчжэн
	316	На девятом году (316 г.) Сыма Цо пошел походом на царство Шу и уничтожил его
	314	Княжичу Туну были пожалованы земли в Шу.
	312	Циньский ван пожаловал Чули-цзы владение, присвоив ему титул Янь-цзюня (Янь находилось в Шу)
	311	Первый советник в Шу [Чэнь] Чжуан убил правителя Шу и явился с изъявлением покорности [Цинь].
	301	Правитель Шу по имени Хуй поднял восстание, Сыма Цо усмирил Шу.
Ицзюй	444	На тридцать третьем году (444 г.) Ли-гун-гун напал на царство Ицзюй и взял в плен его вана
	430	На тринадцатом году (430 г.) царство Ицзюй напало на Цинь, [его войска] дошли до южного берега реки Вэй
	327	Учредили уезды в Ицзюй
	327	Правитель Ицзюй стал [циньским] подданным
	315	Напало на царство Ицзюй и захватило двадцать пять укрепленных поселений
	310	[Цинь] напало на царства Ицзюй, Дань и Ли.

На втором примере мы видим похожие закономерности. Царство Ицзюй было подчинено Цинь впервые в 444 г. до н. э., за 100 лет до реформ Шан Яна. Но последнее нападение Цинь на него пришлось на 310 г. до н. э., а к тому моменту реформы Шан Яна уже закончились (сам Шан Ян был казнен в 338 г. до н. э.). При этом про царство Ицзюй нам совершенно точно известно, что уезды там учреждались в 327 г. до н. э. И в том же году правитель царства Ицзюй стал «подданным» Цинь (*кит.* 臣 чэнь), то есть царство стало зависимым от Цинь аристократическим владением. Таким образом, в царстве Ицзюй осуществлялись обе системы территориального контроля – одновременно с созданием уездов было создано и зависимое владение.

Информация по историческим лицам изложена в табл. 2.

Из этой таблицы видно, что дарованные титулы связаны с получением уделов, а не являлись просто почетными наименованиями. Родственники правителя продолжили получать титулы и уделы, как и до реформ Шан Яна. Следовательно, продолжали образовываться новые владения и новые роды наследственной аристократии. Кроме того, теперь наследуемый статус и удел можно было получить и за военные или политические заслуги, поэтому логичнее предположить не исчезновение наследственной аристократии в данный период, а, напротив, её расширенное, по сравнению с эпохой Чуньцю, воспроизводство.

Необходимо также уточнить, какую политическую роль наследственная знать играла в этот период, была ли это качественно та же самая аристократия, что и до реформ? Для этого рассмотрим основные внутривосточные конфликты в Цинь с 359 по 238 гг. до н. э. Для удобства они обобщены в табл. 3.

Таблица 2

Титулы и пожалования

Table 2

Titles and enfeoffments

Имя	Год	Титул	Причины	Удел	Правители
Гунесунь Ян 公孙鞅	359	Шан-цзюнь 商君	Первый советник, военные заслуги	Шан 商	Сяо-гун (361–338)
Чжан И 張儀	328	Усинь-цзюнь 武信君	Первый советник правителя	пять селений	Хуй Вэнь (337–311)
Шули Цзи 摎襄疾	314	Янь-цзюнь 嚴君	Военные заслуги	Янь嚴 в завоеванном царстве Шу 蜀(Сычуань)	Хуй Вэнь (337–311), У-ван (310–307), Чжао Сян-ван до 300
Шучжан Чжуан 庶长壮	302	Ли-цзюнь 季君	Младший брат правителя		Чжао Сян-ван (306–251)
Княжич (Гун-цзы) Ши 公子市	301	Цзинъян-цзюнь 涇陽君	Младший брат правителя	Юань 宛	Чжао Сян-ван (306–251)
Вэй Жань 魏冉	295	Жан-хоу 穰侯	Дядя правителя, первый советник при малолетнем правителе	Тао 陶	Чжао Сян-ван (306–251)
Ми Жун 平戎	295	Хуаян-цзюнь 華陽君	Родственник правителя по женской линии		Чжао Сян-ван (306–251)
Бай Ци 白起	294	Уань-цзюнь 武安君	Военные заслуги	Дэн 鄧	Чжао Сян-ван (306–251)
Княжич (Гун-цзы) Ли 公子悝	291	Гаолин-цзюнь 高陵君	Младший брат правителя Чжао Сян-вана	Ин 應	Чжао Сян-ван (306–251)
Фань Суй 范雎	271	Ин-хоу 應侯	Первый советник		Чжао Сян-ван (306–251)
Люй Бу-вэй 呂不韋	246	Вэньсинь-хоу 文信侯	Первый советник правителя	в удел сотню тысяч дворов	Чжэн-ван (246–210)
Лао Ай 嫪毐	246	Чансинь-хоу 長信侯	Фаворит вдовствующей царицы	Близ Тайюани	Чжэн-ван (246–210)
Чэн Цзяо 成蟜	239	Чанъань-цзюнь 長安君	Младший брат правителя		Чжэн-ван (246–210)
Неизвестно	238	Чанпин-цзюнь 昌平君	Родственник правителя, полководец на службе Цинь	Имел владение в завоеванном циньцами Чу (по данным эпиграфики)	Чжэн-ван (246–210)
Неизвестно	238	Чанвэнь-цзюнь 昌文君	Неизвестно ?Полководец?		Чжэн-ван (246–210)

Таблица 3

Внутриполитические конфликты в борьбе за власть 359–238 гг. до н. э.

Table 3

Inner political conflicts in the period of power struggle 359–238 BC

Передача власти	Год	Сторона конфликта		Структура конфликта
		проигравшая	выигравшая	
От Сяо-гуна к Хуй Вэню	338	Казнен пришлый чиновник Гунсунь Ян	«Царские родичи»	Пришлый чиновник против родовой знати
От Хуй Вэня к У-вану	310	Изгнаны пришлые чиновники Чжан И и Вэй Чжан	<i>Чэнсянами</i> * стали Чули Цзи (дядя У-вана) и Гань Мао (пришлый военачальник)	Пришлые чиновники против родовой знати
От У-вана к Чжао Сян-вану 1	306	Гань Мао (пришлый военачальник бежал	Чули Цзи (дядя Чжао Сян-вана) стал чэнсяном, другой дядя Вэй Жань стал начальником столичного гарнизона	Пришлый чиновник против родовой знати
От У-вана к Чжао Сян-вану 2	305	Княжичи (Гун-цзы) Чжуан и другие подняли бунт	Бунт подавлен Чули Цзи и Вэй Жанем	Родня вэйской жены правителя Хуй Вэня против родни его чуской жены
Чжао Сян-ван начинает править самостоятельно	271–265	Вэй Жань и другие княжичи отстранены от власти, вдовствующая Сюань-тайхоу умерла	Пришлый чиновник Фань Суй становится <i>чэнсяном</i>	Пришлый чиновник против родовой знати
Ван Чжэн (будущий Цинь Шихуанди) начинает править самостоятельно	238–237	Лао Ай поднимает бунт и казнен, Люй Бувэй отстранен и умер	Чанпин-цзюнь, Чанвэнь-цзюнь подавляют бунт	Пришлые чиновники против родовой знати

* *Чэнсян* 丞相 – должность, наименование которой переводится иногда как «первый советник», но в реальности это не «советник», а скорее «премьер-министр» или «канцлер» – высшая чиновничья должность.

Из табл. 3 видно, что конфликты делятся на два типа – при передаче власти и при начале самостоятельного правления монарха. Проигравшая сторона часто подвергается казни или ссылке, а выигравшая сторона – это те, на кого оперся правитель, чтобы прийти к власти или сохранить ее в случае бунта. Они получают высшие должности и пожалования. Термином «пришлый чиновник» (*кит.* 客 *кэ*) обозначены все не-цинцы, поступившие на службу к правителю Цинь и добившиеся значительных должностей.

В первых четырех случаях противостояния пришлых чиновников и групп наследственной знати последние обеспечивали успешную передачу власти в руки нового правителя и сохранение ее в роду, правящем в Цинь, т. е. стабильность государства. Пришлые чиновники, как правило, возвысившиеся в правление предыдущего правителя, изгонялись либо были казнены. При этом родственники правителя по мужской и женской линии занимали верховные посты в государстве, тем самым уменьшая степень власти правителя, т. е. стабильность достигалась за счет вытеснения правителя из сферы реальной политики. Например, в первый период правления Чжао Сян-вана (до 271 г. до н. э.) власть находилась в руках родственников по женской линии, группировки вдовствующей царицы, матери правителя – Сюаньтайхоу 宣太后. Но когда Чжао Сян-ван получил возможность бороться за реализацию своих прав, т. е. за то, чтобы стать действительно верховным правителем Цинь не только по имени, но и по факту, – то он был вынужден отстранить своих родственников (которые обеспечили сохранение его жизни в начальный период его правления) и поставить на должность *чэнсяня* пришлого чиновника Фань Суя (пример 5 в табл. 3)⁶.

Таким образом, можно предположить, что с 359 по 238 гг. до н. э. в Цинь действовала следующая политическая модель. На первом этапе своего правления с целью обеспечения успешного получения престола, правитель должен был, опираясь на родовую знать, изгонять возвысившихся в предыдущее правление пришлых чиновников. Но стабильность передачи власти обеспечивалась за счет ослабления верховенства правителя в пользу его родни. Когда же на втором этапе правления монарх должен был взять в руки реальную власть, ему пришлось привлечь пришлых чиновников и лишит власти родовую знать.

Последний, шестой пример, относится к правлению в Цинь вана Чжэна, более известного как первый император Цинь Шихуанди. Подробности этого конфликта известны гораздо лучше, чем всех предыдущих, что позволяет проверить нашу гипотетическую модель: противостояние родовой знати и правителя, с одной стороны, и пришлых чиновников не-цинского происхождения, возвысившихся в предыдущее правление, с другой. Конфликт закончился победой правителя и представителей наследственной знати – как и в предыдущих четырех случаях. Но этот пример имеет и значительные отличия.

Во-первых, он сочетает в себе как черты конфликта первого типа (получения правителем высшей власти), так и второго (когда правитель начинает действовать самостоятельно, освобождается от опеки старших родственников). В этом случае на стороне мятежников выступила мать будущего Цинь Шихуанди, что резко отличает эту историческую ситуацию от рассмотренных предыдущих, когда мать правителя, наоборот, обеспечивала приход правителя к власти и стабильность передачи трона.

Во-вторых, сразу после подавления мятежа Лао Ая, в 237 г. до н. э., в полном соответствии с опытом предыдущих правлений, пришлых чиновников хотели изгнать: «Объявлено об общем розыске и изгнании всех пришлых советников» [Сыма Цянь, 2003. С. 56]. Однако в этот раз это традиционное действие отменили практически сразу. Видимо, правитель воспротивился этому, чтобы не утратить реальную власть, и начал сразу же осуществлять ее, даже прощая некоторых участников мятежной партии. Уже 237 г. до н. э. возвращена из ссылки мать правителя. Далее «на двенадцатом году (235 г. до н. э.)... [уже] осенью вернули служителей Лао Ая, сосланных в Шу» [Там же. С. 58].

⁶ Подробнее об этапах правления – этапе прихода к высшей власти, этапе реализации высшей власти и этапе передачи высшей власти – см. [Ульянов и др., 2012. С. 61–65].

В-третьих, два военачальника, обладавшие знатными титулами *цзюнь* 君 – Чанпин-цзюнь и Чанвэнь-цзюнь – которые подавили мятеж Лао Ая по приказу правителя, не были его родней, хотя раньше правители Цинь при наследовании власти находили опору в своих родственниках. Возникает вопрос: что, в таком случае, связывало их с правителем Цинь, если не родовые отношения?

Про Чанпин-цзюня известно немного, а про Чанвэнь-цзюня – практически ничего. Из «Исторических записок» неизвестны их личные имена, как неизвестно и то, где располагались их владения. Чанпин-цзюнь в 226 г. до н. э. «переехал в Ин» [Там же. С. 60], то есть в бывшую столицу Чу, а тогда столицу южного округа Наньцзюнь, располагавшегося на реке Ханьшуй. В этот округ входили земли, захваченные Цинь у Чу в первой половине III в. до н. э. Далее, в 224 г. до н. э. чуский «военачальник Сян Янь объявил Чанпин-цзюня цзинским ваном и выступил против Цинь» [Там же]. Это показывает, что, служа Цинь, связей с элитой той части Чу, которая оставалась независимой от Цинь, Чанпин-цзюнь не разрывал. В следующем году их войска были разбиты, Чанпин-цзюнь погиб, а Сян Янь покончил с собой [Там же]. Это всё, что известно о Чанпин-цзюне из «Исторических записок». Он был из чуского правящего дома и имел право претендовать на престол этого государства. Кроме того, ясно, что к 226 г. до н. э., через 12 лет после мятежа Лао Ая, правитель Цинь лишился поддержки тех, на кого он опирался при приходе к реальной власти. Между 238 и 226 гг. до н. э. влияние наследственной аристократии при дворе Цинь падало. В 230 г. до н. э. умерла бабушка правителя Цинь [Там же. С. 59]. А в 228 г. до н. э. умерла и его мать. Это ослабило аристократическую партию при дворе.

Все вышесказанное ставит ряд проблем. В первую очередь, согласно предложенной модели, Чанпин-цзюнь должен был быть наследственным аристократом, связанным с правящими домами Восточной Азии. И это так – он происходил из правящего дома Чу. Однако непонятно, был ли он в Цинь как пришлый служилый военачальник, или все же как наследственный аристократ, имеющий в Цинь свой удел? От ответа на этот вопрос зависит верификация предложенной гипотетической модели. «Исторические записки» на этот вопрос не дают ответа, но его может дать эпиграфика.

Информация эпиграфических источников

В эпиграфической «Хронике господина Си» из массива бамбуковых планок из Шуйхуди, которая переведена на русский язык, содержится важная информация, разрешающая поставленную проблему, а именно сообщение под 226 г. до н. э.: «廿一年…昌平君居其处». Перевод: «21-й год [правления вана Чжэна] ... Чанпин-цзюнь занял свое место» [Целуйко, 2011. С. 156]. Данная формулировка позволяет предположить, что Чанпин-цзюнь приехал именно на свои земли, в свой удел, свое владение. Таким образом, можно полагать, что бывшие чуские земли входили в Цинь не только как округ Наньцзюнь, но что на их территории были созданы зависимые владения так же, как и ранее на территории завоеванного циньцами царства Шу. Далее сообщается о смерти подавлявшего мятеж Лао Ая второго военачальника, Чанвэнь-цзюня, под 224 г. до н. э.: «廿三年, 兴, 攻荆, □□守阳□死. 四月, 昌文君死». Перевод: «Подняли [войска], напали на Цзин (Чу), [] оборона Ян[] умерли. В четвертом месяце умер Чанвэнь-цзюнь» [Там же]. Таким образом, получается, что Чанпин-цзюнь и Чанвэнь-цзюнь умерли в одно время, т. е. Чанвэнь-цзюнь, скорее всего, тоже участвовал в борьбе против Цинь на чуских землях ⁷.

Оба военачальника оказались представителями чуской наследной аристократии, но не были связаны с государем Цинь родственными узами, служили ему и как минимум Чанпин-

⁷ «Хроника господина Си» за эти годы включает в себя только те события, которые происходили на юге Цинь, о которых мог знать ее составитель, служивший в южном округе Наньцзнь, поэтому, раз этот памятник сообщает о смерти Чанвэнь-цзюня, скорее всего, она произошла на юге [Целуйко, 2011. С. 148].

цзюнь являлся формальным правителем зависимого от Цинь государственного образования на бывших чуских землях. Отъезд Чанпин-цзюня из столицы Цинь и его прибытие в свои земли было частью длительного процесса наступления партии «пришлых чиновников» на позиции наследственной знати при дворе Цинь Шихуанди. Эпиграфика свидетельствует, что этот процесс не ограничивался только придворной политикой, но имел отношение и к преобразованию территориальной структуры Цинь. В другом эпиграфическом памятнике из того же массива из Шуйхуди, который называется 语书 *Юй шу* («Запись речи») и является официальным циркулярным письмом от 227 г. до н. э., управитель округа Наньцзюнь по имени Тэн 騰 предупреждает подчиненных ему чиновников об ответственности и наказаниях, которые ждут их, если они продолжают покрывать использование на землях округа «местных обычаев» землепользования, а не общециньских законов, в частности – статута о полях [Целуйко, 2013. С. 185–189].

Все это показывает, что с 235 г. до н. э. и до 228 г. до н. э. шел процесс, который во внутренней политике Цинь выражался в возвращении партии пришлых чиновников к власти после конфликта 238–237 гг. до н. э. Во внешней же политике этот процесс выражался в активных наступательных и завоевательных действиях против других царств Восточной Азии. В 230 г. до н. э. войска Цинь уничтожили Хань, в 228 – Чжао [Сыма Цянь, 2003. С. 58–59]. С 228 г. до н. э. к этому процессу прибавилось еще одно измерение – попытки унификации системы землепользования на подвластных пограничных территориях. Это представляло настолько серьезную угрозу для власти наследственной аристократии, что военачальники Цинь, бывшие верными в 238 г. до н. э., подняли мятеж в 224 г. до н. э. С внутривластной точки зрения, всё это было частью одного процесса – частью наступления партии чиновников на партию наследственной знати – когда внутривластные противники аристократов перешли в 228 г. до н. э. к уничтожению ресурсного базиса своих оппонентов, то есть владений *чжухоу*, как зависимых от Цинь (путем унификации законодательства и территориального устройства), так и независимых (путем завоевания).

Унификация законодательства, статусов территорий и методов управления ими несла опасность для родовой знати. Судя по запросу № 16 от 201 г. до н. э. из эпиграфического «Сборника судебных запросов» из Чжанцзяшань, в Чу обладатели аристократических рангов *цзюнь* 君 были гораздо более многочисленны, чем в Цинь⁸. Устройство чуских земель и чуской системы управления и территориального деления сильно отличалось от циньской, основанной к этому времени на уездах и округах. Уничтожение традиционной системы землепользования (начатое по *Юй шу*, в 227 г. до н. э.) и строгое следование циньским законам о землепользовании было, как свидетельствует памятник Юй Шу, частью наступления на «местные обычаи», что передавало власть на местах в Чу от чуских аристократов циньским чиновникам [Целуйко, 2013. С. 186].

Реконструкция политического процесса

Итак, наследственная аристократия не исчезла после реформ Шан Яна, а сохранила значимое и влиятельное положение во внутривластной структуре царства Цинь. Именно наследственная аристократия обеспечивала стабильную передачу власти, и успешное получение ее правителем на первом этапе его правления. Но сам характер отношений и связей наследственной аристократии изменился за 100 лет с 338 до 238 гг. до н. э. Сначала наследственная аристократия была связана с правителем Цинь узами родства, через рождение и брак, элементы родовых отношений. К 238 г. до н. э. связь наследственной аристократии с правителем Цинь перестала основываться на родовых отношениях. Можно говорить о по-

⁸ В частности, уездный глава по имени Синь 信 имел титул Гуань-цзюнь 广武君. Его подручные Цан 蒼 и Ао 敖 имели титулы Чжуанпин-цзюнь 壮平君 и Вэйчан-цзюнь 威昌君 соответственно. Подробнее см. [Цзоуяньшу, 2013. С. 68].

явлении иной, имперской модели отношений наследственной аристократии и правителя⁹. Зависимые и независимые от Цинь государственные образования были главной базой и источником власти этой аристократии, источником ее способности противостоять чиновничьей бюрократической элите. Наличие уделов и владений наследственной аристократии гарантировало правителю Цинь стабильную передачу власти, но лишало его бюрократию непосредственного контроля над населением и территорией этих государственных и квазигосударственных образований. Правитель Цинь с 235 г. до н. э. стал проводить политику усиления бюрократической элиты, уничтожения независимых владений и унификации структуры и законодательства зависимых – то есть политику создания империи как реального единого государства с унифицированной системой законодательства и землепользования, чем подорвал способность наследственной аристократии противостоять бюрократической элите, и что после его смерти вылилось в кризис передачи власти.

Когда наследник первого императора, Эр-ши Хуанди, в 210–207 гг. до н. э. оказался в том положении, в каком сам Цинь Шихуанди был в 238 г. до н. э., то у него не нашлось своих Чанпин-цзюня и Чанвэнь-цзюня, которые могли бы защитить его от узурпации власти со стороны вождей бюрократической элиты. То, что родовая знать не пришла Эр-ши Хуанди на помощь там, где она регулярно приходила на помощь его предкам с 338 г. до н. э., и он не смог опереться на нее в борьбе с Чжао Гао, во многом обусловлено самой сущностью процесса имперского строительства, то есть унификацией и централизацией, разорвавшими связь между правителем в столице и наследственной аристократией на местах. Ценой построения имперского государства для правителей Цинь стало крушение той политической модели, которая обеспечивала саму передачу власти в их роду. И правящий род Цинь погиб. Таким образом, когда современные ученые вслед за китайскими имперскими историографами видят в Шан Яне и его реформах причину гибели родовой наследственной аристократии, то они приписывают им то, что произошло только при Цинь Шихуанди.

Список литературы

- Васильев К. В.** Истоки китайской цивилизации. М.: ГРВЛ, 1998. 319 с.
- Комиссаров С. А., Хачатурян О. А.** Мавзолей императора Цинь Шихуанди. Новосибирск, 2010. 216 с.
- Корольков М. В.** Налоговая система периода формирования древнекитайской империи (вторая половина IV – I в. до н. э.) // Вестник древней истории. 2017. Т. 77, вып. 4. С. 840–869.
- Крюков В. М.** Социальная стратификация в чжоуском Китае // Неумолимый червь познания. Избранные мысли об истории и культуре Китая и России. М.: Памятники исторической мысли, 2009. С. 199–211.
- Крюков В. М.** Текст и ритуал: Опыт интерпретации древнекитайской эпиграфики эпохи Инь-Чжоу. М.: Памятники исторической мысли, 2000. 464 с.
- Переломов Л. С.** Империя Цинь – первое централизованное государство в Китае (221–202 гг. до н. э.) М.: ГРВЛ, 1962. 244 с.
- Переломов Л. С.** Конфуций и его Луныюй // История Китая с древнейших времён до начала XXI в. В 10 т. М.: ГРВЛ, 2013. Т. 2: Эпоха Чжаньго, Цинь и Хань (V в. до н. э. – III в. н. э.). 687 с.
- Переломов Л. С.** Книга правителя области Шан (Шан цзюнь шу) / Пер. с кит. Л. С. Переломова. М.: Ладомир, 1993. 392 с. (Памятники письменности Востока. XX)
- Сыма Цянь.** Исторические записки (Ши цзи) / Пер. с кит. и коммент. Р. В. Вяткина, В. С. Таскина М.: ГРВЛ, 2003. Т. 2. 567 с.

⁹ Прояснение конкретного характера этих отношений требует дальнейших исследований.

- Ульянов М. Ю., Башкеев В. В., Целуйко М. С. Подходы к исследованию политических процессов в описании древней и средневековой истории Китая и стран Юго-Восточной Азии // Отголосок прошедшего в будущем. М.: Изд-во ПСТГУ, 2012. С. 41–71.
- Целуйко М. С. Особенности нелинейной структуры древнекитайских эпиграфических текстов из могилы в Шуйхуди // Вопросы эпиграфики. М., 2013. Вып. 7, ч. 1. С. 163–206.
- Целуйко М. С. Формирование территории метрополии царства Цинь с VIII по IV в. до н. э. // Общество и государство в Китае. М., 2019. Т. 49, ч. 1. С. 124–176.
- Целуйко М. С. Циньские эпиграфические памятники из Шуйхуди: Частная (Служебно-личная) хроника господина Си «Бянь нянь цзи» (конец III в. до н. э.) // Вопросы эпиграфики. М., 2011. Вып. 5. С. 119–158.
- Цзоуяньшу («Сборник судебных запросов»): палеографические документы древнего Китая / Пер. с кит. М. В. Королькова. М.: ГРБЛ, 2013. 215 с.
- Falkenhausen L., Pines Y., Shelach G., Yates R. D. S. General Introduction: Qin History Revisited. In: Pines, Yuri. Birth of an Empire (New Perspectives on Chinese Culture and Society). Berkeley, University of California Press, 2013, p. 1–34.
- Lewis M. E. Sanctioned Violence in Early China. Albany, State University of New York Press, 1990, 374 p.
- Shelach G., Pines Yu. Power, Identity and Ideology: Reflections on the Formation of the State of Qin (770–221 bce). In: Stark M. (ed.) An Archaeology of Asia. Oxford, Blackwell, 2005, p. 202–230.
- Ян Куань. Чжаньго ши [杨宽。战国史]. История Чжаньго. Шанхай: Шанхай жэньминь чубаньшэ, 1956. 280 с. (на кит. яз.)

References

- Falkenhausen L., Pines Y., Shelach G., Yates R. D. S. General Introduction: Qin History Revisited. In: Pines, Yuri, ed., Birth of an Empire (New Perspectives on Chinese Culture and Society). Berkeley, University of California Press, 2013, p. 1–34.
- Komissarov S. A., Khachatryan O. A. The Mausoleum of the Emperor Qin Shihuangdi. Novosibirsk, NSU Pres, 2010, 216 p. (in Russ.)
- Korolkov M. V. Tax System of the Formation Period of the Ancient Chinese Empire (second half of the IV – I BCE). *Journal of Ancient History*, 2017, vol. 77, no. 4, p. 840–869 (in Russ.)
- Kriukov V. M. Social Stratification in the Zhou China. *The Unrelenting Worm of Learning. Selected Thoughts on History and Culture of China and Russia*. Moscow, Monuments of Historical Thought, 2009. pp. 199–211. (in Russ.)
- Kriukov V. M. Text and Ritual: Attempt at an Interpretation of Archaic Chinese Epigraphy of the Shang-Zhou Period. Moscow, Monuments of Historical Thought, 2000, 464 p. (in Russ.)
- Lewis M. E. Sanctioned Violence in Early China. Albany, State University of New York Press, 1990, 374 p.
- Perelomov L. S. Confucius and His Lunyu. In: History of China from the ancient times to the beginning of the 21st century. In 10 vols. Moscow, Nauka publishers, 2013, vol. 2: Zhanguo, Qin and Han eras (5th – 3rd BCE), 687 p. (in Russ.)
- Perelomov L. S. The Book of the Lord of Shang (*Shang jun shu*). Transl. from Chinese by L. S. Perelomov. Moscow, Ladomir, 1993, 392 p. (in Russ.)
- Perelomov L. S. The Qin Empire – the First Centralized State in China (221–202 BCE). Moscow, Eastern literature, 1962, 244 p. (in Russ.)
- Shelach G., Pines Y. Power, Identity and Ideology: Reflections on the Formation of the State of Qin (770–221 BCE). In: Stark M. (ed.) An Archaeology of Asia. Oxford, Blackwell, 2005, p. 202–230.
- Sima Qian. Records of the Grand Historian (Shi Ji). Transl. from Chinese by R. V. Vyatkin and V. S. Taskin. Moscow, Eastern literature, 2003, vol. 2, 567 p. (in Russ.)

- Tseluyko M. S.** Formation of the Qin State Territory in VIII – IV cc. BC. In: Society and State in China. Moscow, Eastern literature, 2019, vol. 49, part 1, p. 124–176. (in Russ.)
- Tseluyko M. S.** Nonlinear Structures of the Ancient Chinese Epigraphic Texts from a Tomb in Shuihudi. *Questions of Epigraphy*, 2013, vol. 7, no. 1, p. 163–206. (in Russ.)
- Tseluyko M. S.** Qin epigraphic monuments from Shuihudi: Private (service-personal) Chronicle of Master Xi “Bian nian Ji” (the end of the 3rd century BCE). *Questions of Epigraphy*, 2011, vol. 5, p. 119–158. (in Russ.)
- Ulyanov M. Yu., Bashkeev V. V., Tseluyko M. S.** Approaches to Studying Political Processes Describing Ancient and Medieval History of China and the South-Eastern Asia countries. In: An Echo of Past in the Future. Moscow, Saint Tikhon’s Orthodox University Publishing House, 2012, p. 47–71. (in Russ.)
- Vasilyev K. V.** The origins of the Chinese Civilization. Moscow, Eastern literature, 1998, 319 p. (in Russ.)
- Yang Kuan.** Zhanguo shi [杨宽. 战国史]. History of Zhanguo. Shanghai, Shanghai People’s Press, 1956, 280 p. (in Chin.)
- Zouyanshu** (“Document of presented court cases”): Paleographic Documents of the Ancient China. Transl. by M. V. Korolkov. Moscow, Eastern literature, 2013, 215 p. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
21.02.2020

Сведения об авторе

Целуйко Максим Сергеевич, преподаватель школы востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ (ул. Малая Ордынка, 17, Москва, 119017, Россия)
atharvan@mail.ru

Information about the Author

Maxim S. Tseluyko, teacher at the School of Asian Studies, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University, Higher School of Economics (17 Malaya Ordynka Str., Moscow, 119017, Russian Federation)
atharvan@mail.ru

УДК 94; 325.36; 391; 913.1/913.8; 930
DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-4-81-93

Северная и Западная Европа в «Изображениях данников правящей династии Цин»

Д. И. Маяцкий

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация

Исследуются особенности изображения и описания жителей четырех европейских государств (Великобритании, Нидерландов, Швейцарии и Швеции), из китайского историко-этнографического сочинения Фу Хэна 傅恒 (вторая половина XVIII в.) «Хуан цин чжи гун ту» 皇清职贡图 («Изображения данников правящей династии Цин»), хранящегося в собрании редких восточных книг СПбГУ. Вводятся в научный оборот и анализируются взятые из книги восемь ксилографических иллюстраций жителей этих государств. Осуществлен перевод приложенных к ним в источнике пояснительных китайских текстов. Анализ рисунков и текстов позволяет воссоздать примерную картину восприятия китайцами середины XVIII века четырех рассматриваемых государств. Разбираются используемые архаичные названия стран и народов. Выявляются заблуждения и стереотипы китайских составителей. Предприняты попытки объяснить их возможные истоки. Отмечен характерный способ передачи неизвестных тогда и малопонятных китайцам явлений посредством соотнесения их с фактами из истории и культуры Китая.

Ключевые слова

имагология, Цяньлун, Китай и Европа, политические связи, культурные контакты, образы шведов, англичан, голландцев, швейцарцев

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00218 Китайский историко-этнографический памятник «Изображения данников правящей династии Цин» («Хуан цин чжи гун ту») и его значение в изучении представлений китайцев о других странах и народах в середине XVIII в.

Для цитирования

Маяцкий Д. И. Северная и Западная Европа в «Изображениях данников правящей династии Цин» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 4: Востоковедение. С. 81–93. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-4-81-93

Northern and Western Europe in “Illustrated Tributaries of the Qing Empire”

D. I. Maiatskii

*St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russian Federation*

Abstract

This paper explores features of the visual images and descriptions of the inhabitants of four European states (Sweden, Great Britain, the Netherlands and Switzerland), found in “Huang Qing Zhi Gong Tu” (“Tributaries of the ruling Qing dynasty”) – a Chinese historical and ethnographic book compiled by Fu Heng in the middle of the 18th century. The book is stored in the collection of rare Oriental books at St. Petersburg State University. Eight xylographic illustra-

© Д. И. Маяцкий, 2020

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 4: Востоковедение
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2020, vol. 19, no. 4: Oriental Studies

tions of the inhabitants of the European states are selected and analyzed. The attached explanatory texts are also translated. They contain information about the geographical location of the countries mentioned, as well as the history of their contacts with China and some notes about the inhabitants of these countries, including an anthropological portrait, a description of costumes, customs, occupations and so on. The interpretation is carried out in accordance with the principles of scientific translation used by academician Vasilii M. Alekseev (1881–1951). In case of need the translations are supplemented with textological, historiographic and culturological commentaries. An analysis of the drawings and texts aids in recreating the picture of the perception by the Chinese of the mid-18th century of the four European states. The archaic names of countries and peoples used by compilers are analyzed. Misconceptions and stereotypes of Chinese compilers are revealed. Attempts are being made to explain their possible origins. The author of the paper found out that the compilers sometimes relied upon a method of explanation of the phenomena unknown to the Chinese by rethinking similar facts from the history and culture of China.

Key words

imagology, Qianlong, China and Europe, political relations, cultural contacts, the images of the Swedes, of the British, of the Dutch, of the Swiss

Acknowledgements

The study was funded by RFBR according to the research project № 19-09-00218 The Chinese Historico-Ethnographic Album “Illustrated Tributaries of the Qing Empire” (“Huang Qing zhi gong tu”) and its Role in Studying the Chinese Worldview on Other Countries and Nations in the mid-18th Century

For citation

Maiatskii D. I. Northern and Western Europe in “Illustrated Tributaries of the Qing Empire”. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 4: Oriental Studies, p. 81–93. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-4-81-93

Введение

В хранящихся в фонде редких восточных книг Научной библиотеки им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета (НБ СПбГУ) двух одинаковых экземплярах ксилографического издания китайского историко-этнографического сочинения «Изображения данников правящей династии Цин» («Хуан цин чжи гун ту» 皇清職貢圖, далее – «Изображения данников»; шифр хранения: Хул. 348)¹, созданного в 1751–1763 гг. и размноженного в 1780-е годы печатным способом по приказу шестого императора династии Цин (1644–1911) Айсиньгёро Хунли (даты правления под девизом Цянь-лун 1735–1796), содержится уникальный изобразительный и текстовый материал, отражающий представления китайцев об известных им в Новое время странах и народах мира. В книге имеется в общей сложности 598 рисунков с изображениями представителей около 250 народов, населявших империю Цин и страны, в различные периоды истории имевшие с Китаем политические, торговые или иные связи. В памятнике нашли отражение и сведения о некоторых странах и народах, с Китаем контактов не имевших, но известных китайцам из различных источников. Круг и происхождение источников книги учеными еще устанавливается.

В настоящее время ксилограф «Изображения данников» в российской и зарубежной научной литературе изучен еще недостаточно глубоко. Обзор вышедших по данной теме исследований представлен в статье [Харитонов, 2019б. С. 43–50]. Комплексное изучение и перевод книги впервые в Европе начались в 2019 г. в СПбГУ, сотрудники которого подготовили и выпустили ряд публикаций [Самойлов, 2019; Самойлов, Маяцкий, 2019; Маяцкий, 2019а; 2019б; Миронова, 2019а; 2019б; Сомкина, 2019а; 2019б; 2019в; Харитонов, 2019а; 2019б; Черевко, 2019а; 2019б]. В данной работе предполагается исследовать иллюстрации жителей стран Северной и Западной Европы, а также изучить подписи к ним с тем, чтобы понять, какими знаниями о странах Европы жители Цинской империи обладали в середине XVIII в.

¹ Четыре экземпляра книги имеются также в Институте восточных рукописей РАН (шифры: Е-42, Е-43, Е-179 и Д-284) [Каталог фонда, 1973. Т. 1. С. 291–293]. Два экземпляра – в Российской национальной библиотеке [Catalogue des manuscrits, 1852. P. 604, 662].

Изображения и описания жителей Северной и Западной Европы

К Северной Европе относятся: Великобритания, Дания, Ирландия, Исландия, Латвия, Литва, Норвегия, Финляндия, Швеция и Эстония. В западноевропейский регион входят: Австрия, Бельгия, Германия, Лихтенштейн, Люксембург, Монако, Нидерланды, Франция и Швейцария. Из всех перечисленных стран в книге «Изображения данников» приводятся рисунки и описания только жителей Швейцарии, Великобритании, Швеции и Нидерландов. Все они содержатся в первом (из девяти) томике-цзюане сочинения. Для каждой страны даны по два парных черно-белых рисунка, демонстрирующих по одному типичному примеру представителей мужского и женского пола. После каждой пары иллюстраций следует общий для них страноведческий комментарий. Следует отметить, что оригинальный текст не размечен знаками препинания. Выполняя перевод, автор статьи расставил пунктуацию, исходя из собственного видения грамматических и смысловых связей в предложениях. Рассмотрим рисунки и описания в той последовательности, в какой они появляются в книге.

1. Швейцария

Иллюстрации швейцарцев имеют названия: «Варвар из провинции Гельвеция Великого Западного океана» 大西洋合勒未祭亞省夷人 [Хуан цин. Т. 1. С. 34-а] (рис. 1, 1)² и «Жена варвара из провинции Гельвеция Великого Западного океана» 大西洋合勒未祭亞省夷婦 [Хуан цин. Т. 1. С. 34-б] (рис. 1, 2). На первом рисунке показан мужчина с ярко выраженными азиатскими чертами лица, но в традиционном швейцарском наряде. На его голове видна невысокая шапка с узкими полями и торчащими на затылке двумя перьями. Одет он в сорочку с пышным широким гофрированным воротником-фрезой и такими же воздушными манжетами. Поверх сорочки надета короткая куртка с широкими, едва достигающими локтей рукавами, украшенными длинными продольными разрезами. Также на нем короткие штаны до колен с широкими штанинами, подвязанными внизу шнурком с большим бантом и украшенными длинными же продольными разрезами. Из-под них выглядывают другие – длинные узкие штаны. Обут мужчина в башмаки. Одной рукой он опирается на длинную алебарду, другой – держится за ремень на поясе, к которому прикреплен шпага. На голове женщины – высокий головной убор. Одет она в сорочку с широким воротником и манжетами, блузу с корсажем, кофту с меховым воротником, длинную закрывающую ноги юбку с фартуком. В следующем за рисунками пояснении сообщается:

合勒未祭亞省，屬熱爾瑪尼亞國中。其人軀體壯濶，極忠義，受德必報。鄉內公設學塾，習武備者約居大半。嘗有遊往他國，彼君上必用為侍衛之屬。其地多山，冬月甚冷，善造室。婦人貞靜質直，工作精巧，能徒手交錯金絨，不用機杼，布最輕細。土生黃金，掘井恒得金塊，河底常有豆粒金珠。山產獐鹿兔豹，家畜大牛，以供珍饈。

Провинция Гельвеция подчиняется государству Германия. Люди там могучие и крепкие, высоко ценят долг и преданность. Если получают добро, то непременно воздают за него. В селениях открывают общественные школы. Хорошо обученных военному делу [мужчин] больше половины: они часто отправляются в другие страны. Иностранные правители обыкновенно нанимают [их] в телохранители. В их землях много гор. В зимние месяцы весьма холодно. Строят добротные жилища. Их женщины добродетельны и бесхитростны, умелы в тонкой работе, способны голыми руками вплетать в золото шерсть, не пользуются ткацкими станками, их ткани легчайшие и тончайшие. В земле добывают золото. Выкапывают колдцы и всегда находят золотые самородки, которые часто попадают также на дне рек. В горах водятся олени, зайцы, барсы. В хозяйствах разводят крупных коров, дающих изысканные кушанья [Хуан цин. Т. 1. С. 35-а].

² В иллюстрациях к нашей статье рисунки внутри таблиц, следуя китайскому ксилографу, сознательно размещены в порядке «справа налево».

Рис. 1. «Изображения данников правящей династии Цин»:

1 – «Варвар из провинции Гельвеция Великого Западного океана» (大西洋合勒未祭亞省夷人); 2 – «Жена варвара из провинции Гельвеция Великого Западного океана» (大西洋合勒未祭亞省夷婦); 3 – «Варвар из английского государства» (英吉利國夷人); 4 – «Жена варвара из английского государства» (英吉利國夷婦). По: (Хуан цин чжи гун ту [皇清職貢圖] Изображения данников правящей династии Цин. Т. 1. С. 34-а, 34-б, 46-а, 46-б)

Fig. 1. "Illustrated Tributaries of the Qing Empire":

1 – "Barbarian from Helvetia Province of the Great Western Ocean" (大西洋合勒未祭亞省夷人); 2 – "Wife of Barbarian from Helvetia Province of the Great Western Ocean" (大西洋合勒未祭亞省夷婦); 3 – "Barbarian from the English State" (英吉利國夷人); 4 – "Wife of Barbarian from the English State" (英吉利國夷婦). After: (Huang qing zhi gong tu [皇清職貢圖] "Illustrated Tributaries of the Qing Empire". Vol. 1. P. 34-a, 34-b, 46-a, 46-b)

Швейцарцы названы «варварами-и» (夷) – этот иероглиф в императорском Китае применялся обычно в отношении инородцев, населявших фактически независимые от китайского государства земли. Для его перевода возможно использование и более нейтральных эквивалентов – таких как «иностранцы», «чужеземцы», «инородцы», – но мы решили взять слово «варвар», поскольку оно также передает сокрытую в «и» коннотацию отнесения названных этим иероглифом людей к менее развитой в сравнении с Китаем культуре. Забегая вперед, отметим, что как «варваров-и» китайцы воспринимали также и англичан, голландцев и шведов, которых мы рассмотрим далее.

«Великий Западный океан» – географическое название, придуманное основателем католической миссии в Пекине иезуитом Маттео Риччи (1552–1610) и подразумевающее в узком смысле Атлантику, в широком – Европу [Маяцкий, 2019а]. Для передачи понятия «Швейцария» китайцы использовали сочетание слогов «Хэлэвэйцзи’я» (合勒未祭亞), являющееся транслитерацией латинского слова “*Helvetia*” («Гельвеция»), имеющего значение «Швейцария». С XVII в. швейцарцы употребляют его в качестве нейтрального названия своей страны с тем, чтобы не выказывать предпочтения ни одному языку, распространенному в швейцарских кантонах. Происхождение транслитерации «Хэлэвэйцзи’я» пока неясно – вероятно, она позаимствована у католических миссионеров или придумана составителями «Изображений данников». Предположительно, в более ранних текстах эта транслитерация не встречается. Впервые о существовании Швейцарии китайцы узнали благодаря «Карте земель всех стран» («Кунь юй вань го цюань ту» 坤輿萬國全圖) Маттео Риччи, составленной им для китайского императора Чжу Ицзюня (даты правления под девизом Вань-ли 1572–1620) в 1602 году. На этой карте Швейцария названа «Тринадцатью областями Су’ивэй’я» (蘇亦微亞十三郡) и «Хэ’эр’уция» (赫爾勿妻亞) [Ли Мадоу, 1602]. В первом случае заметна калька с португальского «*Suíça*» (звучит примерно как «свииса»), во втором – с латинского «*Helvetia*».

За исключением ошибочного включения Швейцарии в состав германских земель, остальная информация о ней и ее жителях достаточно хорошо узнаваема или выглядит более-менее достоверной. Видимо, у авторов имелось представление о том, что подавляющая часть населения Швейцарии говорит на немецком языке, а ее земли продолжительное время входили в состав Священной Римской империи германской нации. Но они не знали, что Швейцарский союз был фактически независим от империи уже с конца XV века и что независимость союза была подтверждена официально еще в 1648 году Мюнстерским и Оснабрюкским мирными соглашениями, т. е. за столетие до составления «Изображений данников».

В комментарии к иллюстрациям излагается общая характеристика географической среды обитания швейцарцев, их типичных физиологических и нравственно-этических особенностей, отмечается принятый среди мужчин обычай получать военное воспитание и наниматься на службу в других странах. Так как до времени создания «Изображений данников» китайцы в прямые контакты со швейцарцами еще не вступали, точность приводимых сведений наводит на мысль о том, что составители альбома могли прибегнуть к надежным не китайским источникам, полученным, вероятно, от проживавших в Пекине католических миссионеров. С позицией миссионеров, очевидно, намеренно утаивших факт независимости Швейцарии, могло быть связано ошибочное включение этой страны в состав германских земель.

Некоторые сведения о Швейцарии явно переосмыслены авторами, исходя из сложившихся у них представлений. Рудные шахты названы «колодцами», а продукты молочного животноводства – «деликатесами». Ведь в традиционной китайской кухне молоко используется крайне редко. Из него не делали популярных в Европе продуктов, таких, как сыр или сливочное масло. В китайском языке того времени даже отсутствовали специальные слова, которые обозначали бы связанные с ними понятия.

2. Великобритания

Иллюстрации англичан подписаны «Варвар из английского государства» 英吉利國夷人 [Хуан цин. Т. 1. С. 46-а] (рис. 1, 3) и «Жена варвара из английского государства» 英吉利國夷婦 [Хуан цин. Т. 1. С. 46-б] (рис. 1, 4). На обоих рисунках изображены люди европейской наружности. Мужчина в треуголке, камзоле и выглядывающей из-под него сорочке с пышными манжетами, коротких штанах до колен, чулках и башмаках. На поясе висит шпага. В правой руке он держит бутылку, левой – опирается на трость. Женщина одета в длинное просторное платье с глубоким декольте. В комментарии к рисункам говорится:

英吉利亦荷蘭屬國。夷人服飾相似。國頗富。男子多著哆囉絨。喜飲酒。婦人未嫁時束腰欲其纖細。披髮垂肩。短衣重裙。出行則加大衣。以金縷合貯鼻煙自隨。

Англия – страна, подчиняющаяся Голландии. Их одежда похожа на голландскую. Край весьма богат. Мужчины носят много изделий из драгета. Любят пить алкоголь. Девушки до выхода замуж стягивают талию, чтобы выглядела потоньше. Ходят с длинными волосами, падающими на плечи. Носят короткие кофты и двойные юбки. Когда выходят на улицу, надевают еще верхнюю одежду. Носят с собой золотые коробочки с нюхательным табаком [Хуан цин. Т. 1. С. 47-а].

В описании англичан проглядывают два броских стереотипа: цинские китайцы видят в них любителей спиртных напитков и табака. Кроме того, в их представлении Англия оказывается частью Голландии. Это могло быть вызвано тем обстоятельством, что в XVII в. британская и голландская Ост-Индские компании тесно сотрудничали в противостоянии Португалии и Испании в Индийском и Тихом океанах. Они часто устраивали совместные нападения на колонии этих стран, как, например, в 1622 г., когда в атаковавшую Макао эскадру входили 14 голландских и 2 британских корабля [Davidson, 1903. Р. 11]. При этом голландская компания была несравненно шире представлена в Индийском и Тихом океанах, нежели британская, отчего у китайцев могло возникнуть впечатление о подчиненности англичан голландцам.

3. Швеция

Жителям Швеции посвящены рисунки с названиями: «Варвар из шведского государства» 瑞典國夷人 [Хуан цин. Т. 1. С. 50-а] (рис. 2, 1) и «Жена варвара из шведского государства» 瑞典國夷婦 [Хуан цин. Т. 1. С. 50-б] (рис. 2, 2). Внешне швед и шведка сильно напоминают жителей Туманного Альбиона и Нидерландов. Мужчина одет в камзол, короткие штаны, чулки, левой рукой прижимает к боку шляпу-треуголку, правой – опирается на трость. Женщина в просторном длинном платье с глубоким декольте. В левой руке держит букет цветов. В описании их страны говорится:

瑞典亦荷蘭屬國。貿易於粵。其脫帽為禮，與荷蘭相類。短衣草履。常執籐鞭衛身。夷婦方領露胸衣外束裙。折袖舒袂。以革為履底綴方木似屐。喜以金縷合貯鼻煙時時吸之。

Швеция – страна, также зависимая от Голландии. Торгует в Гуандуне. Как и в Голландии, у них считается вежливым снимать шляпу. Носят короткую одежду, кожаную обувь. Всегда для защиты носят с собой плетеный кнут. Женщины носят узкие юбки и блузки с низким вырезом и широкими закатанными рукавами. Они носят кожаную обувь с деревянными подошвами, как на сандалиях. Любят держать нюхательный табак в золотой табакерке и все время нюхать его [Хуан цин. Т. 1. С. 51-а].

Заблуждение, будто и Швеция подчинена Голландии, возможно, возникло оттого, что ранние торговые контакты Швеции с Китаем осуществлялись при посредничестве голландцев. Голландское купечество на протяжении всего XVII в. доминировало в крупнейшем центре международной торговли Швеции – Гётеборге. Первым купцом, получившим в 1626 г. привилегию шведского правительства на поставку в королевство (через Гётеборг) товаров

Рис. 2. «Изображения данников правящей династии Цин»:

1 – «Варвар из шведского государства» (瑞典夷人); 2 – «Жена варвара из шведского государства» (瑞典夷婦); 3 – «Варвар из голландского государства» (荷蘭國夷人); 4 – «Жена варвара из голландского государства» (荷蘭國夷人婦). По: (Хуан цин чжи гун ту. Т. 1. С. 50-а, 50-б, 60-а, 60-б).

Fig. 2. "Illustrated Tributaries of the Qing Empire":

1 – "Barbarian from the Swedish State" (瑞典夷人); 2 – "Wife of Barbarian from the Swedish State" (瑞典夷婦); 3 – "Barbarian from the Dutch State" (荷蘭國夷人); 4 – "Wife of Barbarian from the Dutch State" (荷蘭國夷人婦). After: (Huang qing zhi gong tu. Vol. 1. P. 50-a, 50-b, 60-a, 60-b).

из Вест-Индии, был уроженец Антверпена Виллем Усселинкс (Willem Usselinx, 1567–1647) [Frängsmyr, 1990. P. 10]. Впоследствии, в 1731 году именно иностранцы основали в Гётеборге Шведскую Ост-Индскую компанию, приобретающую на протяжении истории своего почти векового существования преимущественно китайские товары в Кантоне [Leche, Nyström, Warburg, Westrin, 1914. P. 1060–1062].

4. Нидерланды

На рисунках, изображающих голландцев, мы видим надписи: «Варвар из голландского государства» 荷蘭國夷人 [Хуан цин. Т. 1. С. 60-а] (рис. 2, 3) и «Жена варвара из голландского государства» 荷蘭國夷人婦 [Хуан цин. Т. 1. С. 60-б] (рис. 2, 4). Мужчина и женщина на них весьма похожи на англичан и шведов. Он – с непокрытой головой, длинными волосами, одет в камзол, сорочку с пышными манжетами, короткие штаны до колен, чулки, обут в ботинки. Левой рукой опирается на трость. Из-за спины выглядывает шпага. Женщина в длинном, закрывающем ноги платье с глубоким декольте и передником. На ее голове – головной убор. В поясняющем тексте сообщается:

荷蘭又名紅毛番。地近佛郎機。明萬曆間常駕大艦泊香山澳。求貢市不果。已而入閩，據澎湖，侵臺灣地。國朝順治十年，始由粵通貢。康熙初助大兵征臺有功。嗣後貢市不絕。其貢道改由福建。夷人黑氈為帽。遇人則免冠，挾之以為禮。著錦繡絨衣。握鞭佩劍。夷婦青帕蒙頭。領圍珠石。肩披巾縵。敞衣露胸。系長裙。以朱革為履。其地有咖喇吧。為南洋之會。又析其名曰噶，曰英吉利。

Голландцы также известны как “рыжебородые варвары-фань”. [Их] земля находится рядом с Фоланцзи [(Франция)]. Во времена эры правления Ваньли [(1572–1620) династии] Мин [голландцы] некогда приплыли на больших судах и останавливались в Аомэне близ горы Сяншань. Добивались права торговать в обмен на дань, но безуспешно. Впоследствии проникли в Фуцзянь, заняли [острова] Пэнху и вторглись в тайваньские земли.

В 10-м году правления императора Шуньчжи [(1654 г.) голландцы] из Гуандуна начали платить дань. В первые годы правления под девизом Канси [(1662–1723)] помогали [нашему] большому войску совершать поход на Тайвань, закончился успешно. Впоследствии, не переставая, платили дань и вели торговлю. Но пути, по которым присылалась их дань, шли теперь уже из Фуцзяни.

[Эти] иноземцы носят фетровые шляпы. Когда встречают кого-нибудь, снимают головной убор и держат его под мышками, соблюдают [таким образом] этикет. Надевают расшитые шерстяные кафтаны, сжимают в руках кнуты, цепляют на поясах мечи. Их жены носят на голове синие повязки, на шею надевают бусы из жемчуга и минералов, на плечи набрасывают шелковые платки [без узоров, их] одежда свободная, грудь открыта. [На талии] повязывают длинные юбки, [обуваются в] туфли из красной кожи.

Они владеют землями Калаба³ в странах Южных морей. [Их страну] называют по-разному – то «Швецией», то «Англией» [Хуан цин. Т. 1. С. 61].

Ряд сведений (например, фрагмент «Голландцы также известны как “рыжебородые варвары-фань”. [Их] земля находится рядом с Фоланцзи»), взят из 325-го *цзюаня* «Истории Мин», где голландцам отводится пространная статья «Хэлань» (和蘭) [Лечжуань 213].

Голландцы являют редкий пример европейцев, кому составители книги дают дополнительное прозвище – «рыжеволосые варвары» (*хун мао фань* 紅毛番). Оно содержит иероглиф «фань» (примерный перевод – «дикий варвар»), который имеет ярко выраженный презрительно-пренебрежительный оттенок. Он обычно применялся в отношении диких туземцев и народов, находившихся, по мнению китайцев, на низкой ступени культурного развития. Голландцы могли заслужить его за многочисленные акты агрессии в отношении Китая и его подданных, о которых достоверно сообщается в описании. Ранние попытки установить торговые связи с Китаем действительно предпринимались голландцами в годы эры Ваньли (1572–1620) в силовой манере. Первый контакт имел место в 1601 г. [Davidson, 1903. P. 10]. Но его решительно пресекли китайские власти, сославшись на императорский запрет торговать с кем бы то ни было из европейцев, кроме португальцев Макао. В 1603 г. голландские

³ Калаба – китайское устаревшее просторечное название острова Ява.

корабли напали на бухту Макао и разграбили несколько галеонов. В 1604 г. они направили к минскому двору посольство. Одновременно, с целью оказания давления, к Макао должна была подойти голландская эскадра во главе с Вэйбрандом ван Ворвийком (Wybrand van Warwijck, 1566/1570–1615). Но из-за тайфуна корабли оказались отнесены в район Пескадорских островов. Возвращаясь оттуда, они вышли к берегам Фуцзяни, где провели безуспешные переговоры с местной администрацией. Обе акции завершились тем, что посольская миссия провалилась, а голландскую эскадру отогнали превосходящие силы китайского флота. Не увенчались успехом попытки голландцев преодолеть запрет на торговлю в 1607 и 1622 гг. [Davidson, 1903. Р. 10]. В 1622 г. в нападении на Макао участвовала эскадра из 16 кораблей, включая два английских, с 1300 солдат и моряков на борту [Davidson, 1903. Р. 11]. В 1623 г. голландцы захватили Пескадорские острова. Оттуда в 1624 г. совершили вторжение на Тайвань, который потом контролировали до 1662 г. [Davidson, 1903. Р. 12–13; Тан Цзиньтай, 2001. С. 124]. В 1653 г. местный губернатор, нуждавшийся в хороших отношениях с голландцами, официально позволил им основать в Кантоне свою торговую факторию [Davidson, 1903. Р. 29]. Но хаос внутренней войны в Китае 1640-50-х гг. позволил голландцам наладить сообщение между Тайванем и Фуцзянью, откуда на остров стало прибывать китайское население, охотно принимавшееся голландцами. В 1662 г. минский полководец Чжэн Чэнгун 鄭成功 (1624–1662), отступая под давлением маньчжурских войск, высадился на Тайване с отрядом в 25 тыс. солдат и изгнал оттуда голландцев. Он основал «королевство», просуществовавшее до 1683 г. и уничтоженное императором Канси при содействии голландцев [Davidson, 1903. Р. 49–62].

Этнографическая часть описания голландцев представлена довольно скупо, схематично и ограничивается краткими сведениями о внешнем виде, одежде и манерах, весьма похожими на данные об англичанах и шведах. Очевидно, китайцы воспринимали их как население единого государственного образования с собственной внутренней иерархией, в которой шведы и англичане занимали зависимое по отношению к голландцам положение. Вместе с тем, голландцам уделено гораздо больше внимания, чем шведам и англичанам. Китайцев волнует историческая канва их взаимоотношений с голландцами, равно как и активность последних на границах китайских владений. Все эти данные тщательно фиксируются, поскольку именно деятельность голландцев могла представлять для Китая реальную угрозу.

Выводы

Китайцы сообщают о четырех странах Северной и Западной Европы (Швеции, Англии, Нидерландах и Швейцарии), сведения в основном трех планов – географического, исторического и этнографического. Наименьшей точностью отличаются сообщения, касающиеся политической географии Европы. Швейцария ошибочно включена в состав германских земель, а Англия и Швеция – поставлены в зависимость от Нидерландов. Получив первые достоверные географические данные о странах Европы еще в 1602 г. от Маттео Риччи, за полтора столетия тесного общения с католическими миссионерами Макао и Пекина китайцы имели возможность почерпнуть от них больше географических сведений о Европе, но не пользовались ею. Это свидетельствует, что китайцы не были заинтересованы в том, чтобы разобраться в географии далекой от них Европы, никогда до этого не входившей в сферу их политических интересов. Куда большее внимание привлекает деятельность уроженцев Европы у границ китайского государства – отсюда скрупулезность в фиксировании дат случавшихся с ними контактов. Через призму таких контактов, вероятно, и происходила оценка политической силы европейских государств. Видя в составе голландских команд и флотилий представленных в меньшинстве шведов и англичан, китайцы воспринимали их страны как менее сильные и состоявшие в зависимости от Нидерландов. Данные этнографического плана выглядят предельно лаконичными и схематичными, когда речь идет о сходных явлениях. Если

же внимание китайского составителя поражено новыми фактами – он излагает их, опираясь на свой культурный опыт.

Список литературы

- Каталог фонда китайских ксилографов Института Востоковедения АН СССР / Сост. Б. Б. Вахтин, И. С. Гуревич и др. М.: Наука, 1973. Т. 1. С. 291–293.
- Маяцкий Д. И.** Проблема идентификации государств «Да-сян-го» и «Сяо-сян-го» в «Изображениях данников правящей династии Цин» // Учен. зап. Петрозавод. гос. ун-та, 2019а. № 8 (185). С. 23–30.
- Маяцкий Д. И.** Традиционализм и новаторство: ксилографический памятник «Хуан цин чжи гун ту» и его место в серии китайских альбомов, посвященных «данникам» // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: к 150-летию академика В. В. Бартольда (1869–1930). СПб.: Каро, 2019б. Т. 2. С. 111–114.
- Миронова Т. С.** Специфика антропологического и этнографического содержания китайского ксилографического альбома «Изображения данников правящей династии Цин» (XVIII в.) // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: к 150-летию академика В. В. Бартольда (1869–1930). СПб.: Каро, 2019а. Т. 2. С. 114–116.
- Миронова Т. С.** Этнографические сведения о некоторых соседних с Китаем народах в ксилографическом альбоме «Изображения данников правящей династии Цин» (XVIII в.) // Россия – Китай: история и культура: Сб. ст. и докл. участников XII Междунар. науч.-практ. конф. Казань: Фэн АН РТ, 2019б. С. 333–338.
- Самойлов Н. А.** Эволюция представлений о китайском миропорядке и даннической системы в эпоху Цин // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: к 150-летию академика В. В. Бартольда (1869–1930). СПб.: Каро, 2019. Т. 2. С. 116–117.
- Самойлов Н. А., Маяцкий Д. И.** Китайский историко-этнографический памятник «Изображения данников правящей династии Цин»: Предыстория создания и социокультурное значение // Научный диалог. 2019. № 9. С. 437–455.
- Сомкина Н. А.** «Изображения данников правящей династии Цин» («Хуан цин чжи гун ту») как источник сведений о Тибете в XVIII веке // Россия – Китай: история и культура: Сб. ст. и докл. участников XII Междунар. науч.-практ. конф. Казань: Фэн АН РТ, 2019а. С. 450–459.
- Сомкина Н. А.** «Изображения данников правящей династии Цин» («Хуан цин чжи гун ту») как источник сведений о Центральной Азии в XVIII веке, цз. II // Современные востоковедческие исследования. 2019б. Т. 1, № 4. С. 85–107.
- Сомкина Н. А.** «Хуан цин чжи гун ту» как источник сведений о Центральной Азии в XVIII веке // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: к 150-летию академика В. В. Бартольда (1869–1930). СПб.: Каро, 2019в. Т. 2. С. 117–119.
- Харитонов А. М.** Изучение ксилографического памятника «Изображения данников правящей династии Цин» в России и Европе // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: к 150-летию академика В. В. Бартольда (1869–1930). СПб.: Каро, 2019а. Т. 2. С. 119–122.
- Харитонов А. М.** История изучения китайского ксилографического памятника «Изображения данников правящей династии Цин» // Учен. зап. Петрозавод. гос. ун-та. 2019б. № 6 (183). С. 43–50.
- Черевко М. В.** Государства Юго-Восточной и Восточной Азии в историко-этнографическом памятнике XVIII века «Хуан цин чжи гун ту» 皇清職貢圖 («Изображения данников пра-

- вающей династии Цин») // Россия – Китай: история и культура: Сб. ст. и докл. участников XII Междунар. науч.-практ. конф. Казань: Фэн АН РТ, 2019а. С. 526–533.
- Черевко М. В.** Характер сведений о народах Юго-Восточной Азии в цинском альбоме «Хуан цин чжи гун ту» // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: к 150-летию академика В. В. Бартольда (1869–1930). СПб.: Каро, 2019б. Т. 2. С. 122–124.
- Catalogue des manuscrits et xylographes orientaux de la Bibliothèque impériale publique de Saint-Petersbourg. Ed. par B. Dorn et R. Rost. Spb., 1852, p. 604, 662. (на фр. и кит. яз.)
- Davidson J. W.** The Island of Formosa Past and Present. History, people, resources, and commercial prospects. London and New York, Macmillan & Co. Yokohama [etc.]: Kelly & Walsh, Id., 1903, 852 p. (на англ. яз.)
- Frängsmyr T.** Ostindiska kompaniet: människorna, äventyret och den ekonomiska drömmen. Höganäs: Wiken, 1990, 176 p. (in Swed.)
- Ostindiska kompanier. In: Nordisk familjebok. Leche V., Nyström J. F., Warburg K., Westrin Th. (eds.) Stockholm: Nordisk familjeboks förl, 1914, p. 1060–1062. (in Swed.)
- Лечжуань 213. Вайго 6 [明史 // 卷三百二十五。列传第二百一十三。外国六] // Минши, цз. 325. (на кит. яз.)
- Ли Мадю.** Куньюй ваньго цюаньту [利瑪竇。坤輿萬國全圖] Карта земель всех стран, 1602. (на кит. яз.)
- Тан Цзиньтай.** Цяньцзинь фуэрмоша: Шици шицзи да ханхай няндай дэ тайвань [湯錦台。前進福爾摩沙：十七世紀大航海年代的台灣。台北：貓頭鷹] Впереди Тайвань: Тайвань в эпоху великих плаваний 17 века. Тайбэй: Маотуин, 2001. 256 с. (на кит. яз.)
- Хуан цин чжи гун ту [皇清職貢圖] Изображения данников правящей династии Цин. Т. 1. (на кит. яз.)

References

- Catalogue des manuscrits et xylographes orientaux de la Bibliothèque impériale publique de Saint-Petersbourg. Ed. par B. Dorn et R. Rost. Spb., 1852, p. 604, 662. (in Fr. and Chin.)
- Cherevko M. V.** Gosudarstva Yugo-vostochnoj i Vostochnoj Azii v istoriko-etnograficheskom pamyatnike XVIII veka «Huang qing zhi gong tu» 皇清職貢圖 («Izobrazheniya dannikov pravlyashchej dinastii Qing») [States of South-Eastern and Eastern Asia in historic and ethnographic album of the 18th century “Huang qing zhi gong tu” (“Illustrated Tributaries of the Qing Empire”)]. In: Rossiya – Kitaj: istoriya i kul'tura [Russia – China: History and culture]. Papers and abstracts of the 12th International scientific-practical conference. Kazan, 2019, p. 526–533. (in Russ.)
- Cherevko M. V.** Harakter svedenij o narodah Yugo-Vostochnoj Azii v cinskom al'bome «Huang qing zhi gong tu» [Peculiarities of information about peoples of the South-Eastern Asia in the Qing album “Illustrated Tributaries of the Qing Empire”]. In: XXX Mezhdunarodnyj kongress po istochnikovedeniju i istoriografii stran Azii i Afriki: k 150-letiju akademika V. V. Bartol'da (1869–1930) [XXX International Congress on Sources and Historiography of the Countries of Asia and Africa: on the 150th anniversary of Academician V. V. Bartold (1869–1930)]. St. Petersburg, 2019, vol. 2, p. 122–124. (in Russ.)
- Davidson J. W.** The Island of Formosa Past and Present. History, people, resources, and commercial prospects. London and New York, Macmillan & Co. Yokohama [etc.]: Kelly & Walsh, Id., 1903, 852 p. (in Eng.)
- Frängsmyr T.** Ostindiska kompaniet: människorna, äventyret och den ekonomiska drömmen [Swedish East India Company: People, Adventures and Economic Dreams]. Höganäs, Wiken, 1990, 176 p. (in Swed.)

- Haritonova A. M.** Istoriya izucheniya kitajskogo ksilograficheskogo pamyatnika «Izobrazheniya dannikov pravayashchej dinastii Qing» [History of investigation of xylograph «Illustrated Tributaries of the Qing Empire»]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, no. 6 (183), p. 43–50. (in Russ.)
- Haritonova A. M.** Izuchenie ksilograficheskogo pamyatnika «Izobrazheniya dannikov pravayashchej dinastii Qing» v Rossii i Evrope [Investigation of xylograph «Illustrated Tributaries of the Qing Empire» in Russia and Europe]. In: XXX Mezhdunarodnyj kongress po istochnikovedeniyu i istoriografii stran Azii i Afriki: k 150-letiyu akademika V. V. Bartol'da (1869–1930) [XXX International Congress on Sources and Historiography of the Countries of Asia and Africa: on the 150th anniversary of Academician V. V. Bartold (1869–1930)]. St. Petersburg, 2019, vol. 2, p. 119–122. (in Russ.)
- Huang qing zhi gong tu [皇清職貢圖] «Illustrated Tributaries of the Qing Empire». Vol. 1. (in Chin.)
- Katalog fonda kitajskih ksilografov Instituta Vostokovedeniya AN SSSR [Catalog of the Chinese xylographs in the fund of the Institute of Oriental Studies of the AS USSR]. Comp. B. B. Vah-tin, I. S. Gurevich et al. Moscow, 1973, vol. 1, p. 291–293. (in Russ.)
- Li Madou.** Kunyu wanguo quantu [利瑪竇。坤輿萬國全圖] Map of the whole world, 1602. (in Chin.)
- Liezhuan 213. Waiguo 6 [明史 // 卷三百二十五。列傳第二百一十三。外國六]. *Mingshi*, j. 325. (in Chin.)
- Mayatskii D. I.** Problema identifikacii gosudarstv «Da-xiyang-guo» i «Xiao-xiyang-guo» v «Izobrazheniyah dannikov pravayashchej dinastii Qing» [Issue of localization of “Da-xiyang-guo” and “Xiao-xiyang-guo” in “Illustrated Tributaries of the Qing Empire”]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, no. 8 (185), p. 23–30. (in Russ.)
- Mayatskii D. I.** Tradicionalizm i novatorstvo: ksilograficheskij pamyatnik «Huang qing zhi gong tu» i ego mesto v serii kitajskih al'bomov, posvyashchennyh «dannikam» [Traditionalism and novelty: The xylographic monument “Huang Qing Zhi Gong Tu” and its place in a series of Chinese albums devoted to “tributaries”]. In: XXX Mezhdunarodnyj kongress po istochnikovedeniyu i istoriografii stran Azii i Afriki: k 150-letiyu akademika V. V. Bartol'da (1869–1930) [30th International Congress on Sources and Historiography of the Countries of Asia and Africa: on the 150th anniversary of Academician V. V. Bartold (1869–1930)]. St. Petersburg, 2019, vol. 2, p. 111–114. (in Russ.)
- Mironova T. S.** Etnograficheskie svedeniya o nekotoryh sosednih s Kitaem narodah v ksilograficheskom al'bome «Izobrazhenie dannikov pravayashchej dinastii Qing» (XVIII v.) [Ethnographic information about peoples living round China as they depicted in xylographic album “Illustrated Tributaries of the Qing Empire”]. In: Rossiya – Kitaj: istoriya i kul'tura [Russia – China: History and culture]. Papers and abstracts of the 12th International scientific-practical conference. Kazan, 2019, p. 333–338. (in Russ.)
- Mironova T. S.** Specifika antropologicheskogo i etnograficheskogo sodержaniya kitajskogo ksilograficheskogo al'boma «Izobrazheniya dannikov pravayashchej dinastii Qing» (XVIII v.) [Peculiarities of anthropological and ethnographic contents in Chinese xylographic album “Illustrated Tributaries of the Qing Empire” (18th century)]. In: XXX Mezhdunarodnyj kongress po istochnikovedeniyu i istoriografii stran Azii i Afriki: k 150-letiyu akademika V. V. Bartol'da (1869–1930) [XXX International Congress on Sources and Historiography of the Countries of Asia and Africa: on the 150th anniversary of Academician V. V. Bartold (1869–1930)]. St. Petersburg, 2019, vol. 2, p. 114–116. (in Russ.)
- Ostindiska kompanier [East India Company]. In: Nordisk familjebok [Family encyclopedia for the Northern states]. Leche V., Nyström J. F., Warburg K., Westrin Th. (eds.). Stockholm, Nordisk familjeboks förl, 1914, p. 1060–1062. (in Swed.)
- Samojlov N. A.** Evolyuciya predstavlenij o kitajskom miroporyadke i dannicheskoy sistemy v epohu Qing [Evolution of ideas about the Chinese world order and tributary system in the

- Qing era]. In: XXX Mezhdunarodnyj kongress po istochnikovedeniyu i istoriografii stran Azii i Afriki: k 150-letiyu akademika V. V. Bartol'da (1869–1930) [XXX International Congress on Sources and Historiography of the Countries of Asia and Africa: on the 150th anniversary of Academician V. V. Bartold (1869–1930)]. St. Petersburg, 2019, vol. 2, p. 116–117. (in Russ.)
- Samojlov N. A., Mayackij D. I.** Kitajskij istoriko-etnograficheskiy pamyatnik «Izobrazheniya dannikov pravyashchej dinastii Qing»: Predystoriya sozdaniya i sociokul'turnoe znachenie [Chinese historical and ethnographic monument “Illustrated Tributaries of the Qing Empire”: Background of creation and socio-cultural significance]. *Nauchnyj dialog*, 2019, no. 9, p. 437–455. (in Russ.)
- Somkina N. A.** «Huang qing zhi gong tu» kak istochnik svedenij o Central'noj Azii v XVIII veke [“Huang qing zhi gong tu” as a source of information about Central Asia in the 18th century]. In: XXX Mezhdunarodnyj kongress po istochnikovedeniyu i istoriografii stran Azii i Afriki: k 150-letiyu akademika V. V. Bartol'da (1869–1930) [XXX International Congress on Sources and Historiography of the Countries of Asia and Africa: on the 150th anniversary of Academician V. V. Bartold (1869–1930)]. St. Petersburg, 2019, vol. 2, p. 117–119. (in Russ.)
- Somkina N. A.** «Izobrazheniya dannikov pravyashchej dinastii Qing» («Huang qing zhi gong tu») kak istochnik svedenij o Central'noj Azii v XVIII veke, cz. II [“Illustrated Tributaries of the Qing Empire” (“Huang qing zhi gong tu”) as a source of information about Central Asia in the 18th century, II q.]. *Sovremennye vostokovedcheskie issledovaniya*, 2019, vol. 1, no. 4, p. 85–107. (in Russ.)
- Somkina N. A.** «Izobrazheniya dannikov pravyashchej dinastii Qing» («Huang qing zhi gong tu») kak istochnik svedenij o Tibete v XVIII veke [“Illustrated Tributaries of the Qing Empire” (“Huang qing zhi gong tu”) as a source of information about Tibet in 18th century]. In: Rossiya – Kitaj: istoriya i kul'tura [Russia – China: History and culture]. Papers and abstracts of the 12th International scientific-practical conference. Kazan, 2019, p. 450–459. (in Russ.)
- Tang Jintai.** Qianjin fu'ermosha: Shiqi shiji da hanghai niandai de taiwan [湯錦台。前進福爾摩沙：十七世紀大航海年代的台灣。台北：貓頭鷹] Taiwan is straight ahead: Taiwan in the era of the great voyages of the 17th century. Taibei, 2001, 256 p. (in Chin.)

Материал поступил в редколлегию
Received
08.01.2020

Сведения об авторе

Маяцкий Дмитрий Иванович, кандидат филологических наук, доцент кафедры китайской филологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета
d.mayatsky@spbu.ru
taishan@yandex.ru

Information about the Author

Dmitry I. Maiatskii, Candidate of Science (Philology), Associate Professor, Chair of Chinese Philology, Faculty of Oriental Studies, St. Petersburg State University
d.mayatsky@spbu.ru
taishan@yandex.ru

УДК 821.581

DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-4-94-107

Иллюстрированные издания и народные картины *няньхуа* к новеллам Пу Сунлина «Описание удивительного из кабинета Ляо»

Е. А. Завидовская

Национальный университет Цинхуа
Синьчжу, Тайвань

Аннотация

Данное исследование ставит своей целью осветить историю распространения иллюстрированного издания новелл знаменитого китайского писателя Пу Сунлина (1640–1715) «Описание удивительного из кабинета Ляо» с подробными комментариями и рисунками, воспетыми в стихах (Шанхай, 1886) и ксилографических народных картин *няньхуа* на сюжеты его новелл; выявить наличие связей, сходств и различий между книжной иллюстрацией и народной картиной; сделать выводы об особенностях бытования новелл Пу Сунлина в Китае в конце правления династии Цин (1644–1911); ответить на вопрос о том, в каких формах литература на классическом языке проникала в толщу народных масс. Автор делает вывод о том, что лубки к новеллам не были распространенным явлением. Найденные образцы были напечатаны в мастерских Янлюцина, на их композицию оказало влияние вышеуказанное иллюстрированное издание. Народные художники заимствовали подписи к картинам, а нередко и их композицию, что раскрывает новые аспекты взаимодействия печатных изданий и центров производства народной картины.

Ключевые слова

«Описание удивительного из кабинета Ляо», Пу Сунлин, иллюстрированный литограф, народная картина, сюжет, заимствование

Благодарности

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 19-59-52001 МНТ а «Торговля, народные верования, искусство и культура на традиционной ксилографической картине Китая из малоисследованных коллекций России и Тайваня».

Для цитирования

Завидовская Е. А. Иллюстрированные издания и народные картины *няньхуа* к новеллам Пу Сунлина // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 4: Востоковедение. С. 94–107. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-4-94-107

Illustrated Editions and Popular Woodblock Prints *nianhua* of the “Strange Stories from a Chinese Studio” by Pu Songling

Е. А. Zavidovskaia

National Tsing Hua University
Xinzhu, Taiwan

Abstract

The paper studies connections between the illustrated lithographic edition of Pu Songling's 蒲松齡 (1640–1715) “Strange Stories from a Chinese Studio with annotations, poems, and illustrations” (詳註聊齋誌異圖詠 *Xiangzhu liaozhai zhiyi tuyong*, 1886), a collection of illustrations by Shanghai publishing house *Tongwenshujia* 同文書局 and several popular woodblock prints 年畫 *nianhua* found in Russian collections (Peter the Great Museum of Ethnography and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, State Hermitage, Geographic Society) in order to learn how Pu Songling's stories circulated in the society of late Qing China, and the perception of literature written in classical language by the wider public. The conclusions are that the aforementioned illustrated lithographic edition may have prompted creation of woodblock prints based on Pu Songling's stories, where *nianhua* artists borrowed poetic inscriptions and composition of the lithographic illustrations. The small amount of such prints in comparison with those illustrating classical Ming-Qing novels such as *Romance of The Three Kingdoms* 三國演義, *Journey to the West*

© Е. А. Завидовская, 2020

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 4: Востоковедение
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2020, vol. 19, no. 4: Oriental Studies

西遊記, *Dream of the Red Chamber* 紅樓夢 allows to suggest that novels remained the favourite among the literati, while illiterate consumers of popular prints could appreciate their auspicious meaning more than the story. The fact that majority of the discovered *nianhua* pictures were produced at the oldest and largest printing shops in Yangliqing 楊柳青 – *Dai lianzeng* 戴廉增 and *Qi jianlong* 齊健隆 famous for their fine artistic quality proves that their customer base was mostly comprised of wealthier and more literate public.

Keywords

“Strange Stories from a Chinese Studio”, Pu Songling, illustrated lithographic edition, popular woodblock print, motif, borrowing

Acknowledgements

This publication was supported by the RFFI grant 19-59-52001 MHT_a “Trade, Folk Beliefs, Art and Culture on Chinese Traditional Xylographic Pictures from Scantly Studied Collections of Russia and Taiwan.”

For citation

Zavidovskaya E. A. Illustrated Editions and Popular Woodblock Prints *nianhua* Featuring Short Stories by Pu Songling. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 4: Oriental Studies, p. 94–107. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-4-94-107

Введение

В мировом Китаеведении общепризнанным зачинателем системных исследований народной ксилографической картины 木版畫 *мубаньхуа*, чаще называемой «новогодней картиной» 年畫 *няньхуа*, считается академик В. М. Алексеев (1881–1951). В начале XX в. он собрал в Китае несколько тысяч таких картин, опубликовал ряд работ (например, «Китайская народная картина», 1966), однако оставленные им материалы до сих пор изучены не полностью. Именно во многом благодаря его переводам многие в России знают о творчестве цинского литератора Пу Сунлина 蒲松齡 (1640–1715).

Академик Б. Л. Рифтин (1932–2012), исследуя музейные и частные собрания по всему миру, также внес огромный вклад в исследование китайской народной картины. Особенно важными для исследователей стали изданные под его редакцией каталоги «Редкие китайские народные картины из советских собраний» (китайское издание 1990 г., русское издание 1991 г.), а также изданный в 2009 г. том «Из собраний России» 俄羅斯藏品卷 (серия «Собрания ксилографических картин Китая» 中國木版年畫集成 под редакцией Фэн Цзицзя).

Часть сокровищ самого богатого собрания народной картины из Государственного Эрмитажа (далее ГЭ) была опубликована в каталогах под редакцией Л. М. Рудовой «Chinese Popular Prints» (1988) и «Китайская народная картина *няньхуа* из собрания Государственного Эрмитажа» (2003), были также изданы каталоги картин из собрания Ораниенбаума (под ред. Н. Г. Пчелина, 2007) и Государственного музея истории религии (под ред. В. Н. Мазуриной, 2015).

В данном исследовании задействован материал из вышеуказанных каталогов, а также из онлайн-каталогов ГЭ. Кроме того, были использованы предоставленные автору в рамках гранта неопубликованные народные картины из собрания Музея антропологии и этнографии РАН (далее МАЭ РАН).

В центре нашего внимания находятся не столько сами новеллы Пу Сунлина «Описание удивительного из кабинета Ляо» (ниже будем называть также «Ляочжай»), созданные в конце XVII в., и впервые изданные как ксилограф в 1765 г. (список 青柯亭 *Цинкэтин*), сколько иллюстративный материал и народные картины *няньхуа* по мотивам его произведений.

Важно подчеркнуть, что в отличие от многочисленных иллюстрированных изданий классических романов «Троецарствие» Ло Гуаньжуна, «Путешествие на запад» У Чэньэня, «Сон в красном тереме» Цао Сюэциня, сборник Пу Сунлина удостоился, по сути, только одного литографического иллюстрированного издания – «Описание удивительного из кабинета Ляо

с подробными комментариями и рисунками, воспетыми в стихах» (詳註聊齋誌異圖詠 *Сян-чжу ляочжай чжи туюн*¹).

Первое издание 1886 г. принадлежит издательской фирме «Тунвэнь шуцзюй» (同文書局), после которого другие издательства выпустили порядка сорока измененных или сокращенных переизданий и пиратских копий, продававшихся по более низкой цене [Сунь Дахай, 2018. С.49]. Цзи Юньлу упоминает еще одно издание – «Разбитые на рубрики картины к Ляочжаю с обширными пояснениями» (分類廣註繪圖聊齋誌異 *Фэньлэй гуанчжу хуэйту ляочжай чжи*) шанхайского издательства «Шицзе шуцзюй» (世界書局), куда вошло всего 18 иллюстраций, созданных известным художником Чэнь Даньсюнем 陳丹旭 (1898—1973), это издание вышло позже [Цзи Юньлу, 2009. С.177].

Незначительное количество обнаруженных в каталогах и коллекциях народных картин *няньхуа* по мотивам новелл Пу Сунлина служит подтверждением того, что «Ляочжай» не обрел такой же популярности среди народа как, например, «Троецарствие», количество народных картин к которому с изображением сцен из романа или театральных сцен поистине огромно [Рифтин, 1999].

В своей статье Сунь Дахай систематизирует все имеющиеся данные об иллюстрированных изданиях «Описание удивительного из кабинета Ляо», развеивая сложившееся в ученых кругах ошибочное представление о том, что в императорском дворце имелись некие ранние живописные иллюстрации к «Ляочжаю». Он обоснованно доказывает, что имеется в виду издание с нарисованными от руки картинами к каждой новелле – «Описание удивительного из кабинета Ляо с поясняющими иллюстрациями» (聊齋圖說 *Ляочжайтушо*), подготовка которого была инициирована близким к правящим кругам коммерсантом и издателем Сюй Жунем 徐潤 (1838–1911) [Сунь Дахай, 2018]. Сюй Жунь собрал группу именитых художников для создания иллюстраций к «Ляочжаю» (их имена не указаны ни в каких исследованиях), это издание и было преподнесено вдовствующей императрице Цыси 慈禧 (1835–1908) как подарок на 60-летие в 1894 г.²

Важно то, что эта книга не имела широкого хождения, а потому не могла оказать влияния на творчество народных художников, создававших картины *няньхуа*. Фигура Сюй Жуня важна потому, что он еще в 1882 г. основал в Шанхае одно из первых издательств современного типа «Тунвэнь шуцзюй», выпускавшее литографические издания, в числе которых вышло вышеупомянутое «Описание удивительного из кабинета Ляо с подробными комментариями и рисунками, воспетыми в стихах» в 16 цзюанях, включившее 445 иллюстраций. При этом каждая иллюстрация сопровождалась семисловным четверостишием 七絕 *цицзюэ*, авторы стихов были неизвестны [Цзи Юньлу, 2009. С. 177]. За основу было взято самое первое ксилографическое издание 1765 г., добавлен комментарий Люй Чжэньэня 呂湛恩. Литографским методом было воспроизведено рукописное иллюстрированное издание из кабинета «Гуанбай сунчжай» 廣百宋齋, принадлежавшее Сюй Жуню, он же написал для издания вступительные замечания (例言 *лиань*). Вопрос о происхождении этого издания с рукописными иллюстрациями не освещается в китайских исследованиях. Невыясненной также остается связь между ним и иллюстрированным подарочным изданием, поднесенным Цыси.

Народные картины к «Описанию удивительного из кабинета Ляо»

Обратимся к анализу небольшого количества народных картин с сюжетами новелл Пу Сунлина, которые удалось обнаружить автору. Все они изготовлены в крупнейшем центре по

¹ В собрании китайских старопечатных книг библиотеки Восточного факультета СПбГУ имеется два таких издания, одно из них входит в фонд академика В. П. Васильева [Завидовская, Маяцкий, 2012. С. 194–195].

² В ходе оккупации Пекина Альянсом восьми держав в 1900 г. книга была вывезена в Россию и возвращена делегации КНР, прибывшей в СССР во главе с Чжэн Чжэньдо 鄭振鐸 (1898–1958), лишь в 1958 г. Теперь это неполное издание хранится в Национальном музее Китая в Пекине.

производству народных картин в Янлюцине³. Примечательно, что каталоги лубков из Янлюцина, хранящихся в Китае, не содержали картин на сюжеты из «Ляочжая», все обнаруженные образцы – из коллекций Санкт-Петербурга, что указывает на их уникальность. В собрании МАЭ РАН хранится около 1 700 единиц китайских народных картин и бумажных икон. Фонд под номером № 3676 включает 278 картин, он был передан в музей собирателем по фамилии Окулич в 1928 г., о собирателе данных нет. В его коллекцию вошли в основном картины из Янлюцина (а также из Шанхая и поселка Янцзяфу, уезда Вэйсянь, провинции Шаньдун), которые отличались высоким художественным уровнем и качеством исполнения. В их числе было две картины по мотивам новелл Пу Сунлина.

Картина № МАЭ3676-10_1 имеет название «Лис выдает дочь замуж» (狐嫁女 *Ху цзяньюй*⁴) на сюжет одноименной новеллы Пу Сунлина. Имя главного героя (Инь Шаншу 殷尚書, другое имя – Инь Тяньгуань) подписано на спинке кровати внутри зала, из которого он смотрит за церемонией лисьей свадьбы. Инь Шаншу тайком поместил в рукав халата золотой кубок для вина, который послужит доказательством для его друзей того, что он провел в этом странном доме ночь. Жених в красном халате совершает поклон родителям невесты, стоящим по центру. В дверях – музыканты, которые должны сопровождать невесту в дом жениха. В левом нижнем углу нарисован короб со свадебными дарами, на нем крест-накрест надпись: «С радостью запечатан». Картина служила пожеланием счастливой свадьбы, чем и могла привлечь покупателей.

Отметка мастерской «Цицзяньлун» 齊健隆 указывает на то, что картина была изготовлена в одной из старейших и известнейших мастерских Янлюцина. Печатня «Цицзяньлун» (как и «Дайляньцзэн» 戴廉增) просуществовала с середины XVII до начала XX в., изготавливая главным образом лубки, изображавшие героев различных исторических преданий, иначе говоря, это были картины гражданской тематики [Рифтин, 2002. С. 105; 2010. С. 475]. После тайпинского восстания настал период экономической стабилизации, когда вместе с возрождением старых промыслов *няньхуа* и возникновением новых «продолжили работу старые мастерские «Дайляньцзэн» и «Цицзяньлун». На каждой из них работало по 50 художников и до 200 рабочих – резчиков и печатников» [Виноградова, 2012. С. 85].

Другая картина из этого же фонда № МАЭ 3676-18_1 иллюстрирует новеллу «Ракшасы и морской рынок» (羅刹海市 *Лоша хайши*), имена героев подписаны, главный герой купец Ма Цзюнь 馬駿 изображен за трапезой с тремя морскими царями во Дворце разноцветных облаков Цайся-гун 彩霞宮, имя сидящего слева – Дракон повелитель морского рынка (海市龍君 *Хайшилуңцзюнь*), к ним приближается дочь царя-дракона (принцесса) в сопровождении служанок, которую отец решил выдать за Ма Цзюня.

Вызывает интерес тот факт, что в верхней части картины написан следующий текст:

妍媸倒置亦奇聞海市遙開萬里雲畢竟文章能富貴水晶宮裏拜龍君己亥新正永和主人題。

«Прекрасное и уродливое поменялись местами, прослышал об удивительном морском рынке, отправился далеко за десятки тысяч *ли* за облака, разве сочинениями добьешься богатства и славы, во дворце водных кристаллов поклоняется повелителю дракону. В первый месяц 1899 года написал хозяин из Юнхэ».

Речь идет о стране уродливых ракшасов, в которую попал главный герой, где значение придавалось только внешности, а не учености, Ма Цзюнь также уродливо раскрасил лицо, чтобы снискать благосклонность правителя этой страны. Но на картине изображена сцена в стране царя дракона, которое он посетил затем. Важно то, что эта надпись скопирована

³ Янлюцин 楊柳青 – населенный пункт к западу от города Тяньцзинь на севере Китая, в XVIII–XIX вв. был крупным центром изготовления китайских народных картин.

⁴ Картина той же мастерской хранится в Географическом Обществе (СПб), разряд 116, опись 1, № 107, опубликована в [Рифтин, Ван Шуцунь, 1991. Илл. 133]. Эта коллекция была передана в Императорское русское географическое общество ботаником Л. М. Комаровым.

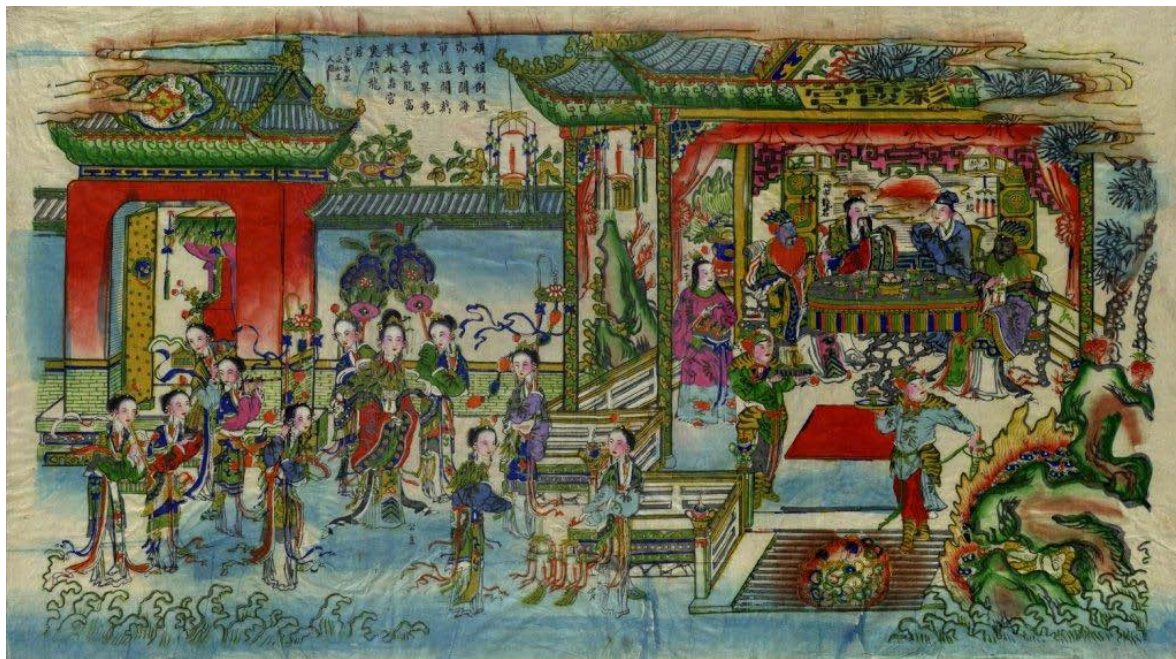

Рис. 1. Народная картина к новелле «Ракшасы и морской рынок» 羅刹海市 (№ МАЭ 3676-18_1).
Находится в МАЭ РАН, Санкт-Петербург (фото предоставлено музеем)

Fig. 1. Popular woodblock print *The Rakshas and the Sea Market* 羅刹海市 (№ МАЭ 3676-18_1).
The Peter the Great Museum of Ethnography and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg
(photo is provided by the Museum)

с иллюстрации в вышеупомянутом издании «Описание удивительного из кабинета Ляо с подробными комментариями и рисунками, воспетыми в стихах», иллюстрация интересна и тем, что на ней изображен современный пароход (новые технические достижения было модно изображать и на народной картине).

В ряде каталогов опубликованы также две других картины из МАЭ РАН на сюжеты новелл Пу Сунлина, они относятся к фонду № МАЭ 1080– 97/22 [Рифтин, Ван Шуцунь, 1991. Илл. 134, 135; Фэн Цицай, 2009. С. 181]. По музейным документам, 65 лубков, формирующих фонд, поступили в МАЭ из провинции Цилинь от участника русско-японской войны, генерал-лейтенанта Е. Ф. Новицкого (1867–1931) в январе 1907 г. Две интересующие нас картины изготовлены в печатне «Юнхэдэ» 永和德 в Янлюцине.

На одном листе размещена пара композиций в декоративной рамке с изображением томиков книг, символизирующих ученость, и лотосов *лянь*, (это слово является омонимом слова *лянь* – «любовь»). Так оформлены иллюстрации к четырем новеллам, представляющим собой имена главных героинь: «Жуй Юнь» 瑞雲, «Лин Цзяо» 菱角 и «Не Сяоцян» 聶小倩, «Пянь-пянь» 翩翩. На листах имеется нумерация китайскими цифрами, указывающая на то, что это была серия как минимум из 12 картинок.

Важно то, что написанные в верхнем левом углу картин тексты также скопированы из вышеуказанного иллюстрированного литографического издания. При этом складывается впечатление, что резчик был неграмотным – он копировал иероглифы без их понимания. Но помимо наличия текста в композиции и содержании лубков просматривается влияние иллюстраций из литографического издания «Ляочжая».

Рис. 2. Иллюстрация к новелле «Ракшасы и морской рынок» 羅刹海市,
из: Ляочжай чжи туюн [聊齋志異圖詠. 上海:上海古籍出版社]. Описание удивительного
из кабинета Ляо с рисунками, воспетыми в стихах. Шанхай:
Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2002, цз. 1, с. 8 (фото автора)

Fig. 2. Illustration of the story *The Rakshas and the Sea Market* 羅刹海市,
from: [Xiangzhu liaozhai zhiyi tuyong. Strange stories from a Chinese Studio with annotations, poems,
and illustrations. Shanghai: Shanghai guji chubanshe, 2002, juan 1, P. 8] (photo by author)

Рис. 3. Народная картина к новелле «Пяньпянь» 翻翻 (№ МАЭ 1080– 97/22).
Находится в МАЭ РАН, Санкт-Петербург (фото предоставлено музеем)

Fig. 3. Popular woodblock print *Pianpian* 翻翻 (№ МАЭ 1080– 97/22).
The Peter the Great Museum of Ethnography and Anthropology of the Russian Academy of Sciences,
Saint-Petersburg(photo is provided by the Museum)

Так, на лубке к новелле «Пяньпянь» главный герой Ло Цзыфу изображен в одеянии из листьев, в которое когда-то облачила его фея Пяньпянь, спасая его от кожной болезни. Ло Цзыфу был неводержан и тронул под столом ножку подруги своей жены Пяньпянь, и его парчовые одежды тут же превратились в прежние листья. Именно этот комический момент показан на лубке.

На литографе мы видим сходную сцену, но Ло Цзыфу в одежде из листьев сидит рядом с женщинами в павильоне.

То же относится к лубку и литографу о Не Сяоцзянь: на лубке изображена сцена, на которой студент выбрасывает в окно кусок золота. На иллюстрации герои изображены стоящими у окна, рука студента с куском золота занесена над головой, зритель смотрит на эту сцену снаружи.

Что касается лубка и иллюстрации к новелле «Жуй Юнь»⁵, то композиционно они одинаковы, но смысл сцены, когда некий студент-*сюцай* дотронулся до лба красавицы-певички Жуй Юнь, и та стала уродливой, гораздо более экспрессивно и точно передан на литографе. На лубке жест студента более мягкий, понимание смысла сцены требует знания литературного источника.

В каталоге собрания ГЭ под редакцией М. Л. Рудовой, хранившей и исследовавшей коллекцию *няньхуа*, имеется лубок из Янлюцина, на котором есть две иллюстрации к новеллам «Дева-рыцарь» (女俠 Нюйся) и «Смешливая Иннин» (嬰寧 Иннин) (№ ЛТ-6773⁶), тексты к обеим картинам также скопированы из литографического издания [Рудова, 2003. С. 192; Фэн Цзицай, 2009. С. 180]. Лубок к новелле «Дева-рыцарь» композиционно полностью повторяет литографическую иллюстрацию – герой-студент встречается на пороге красавицу-соседку, но на лубке детали интерьера изображены схематично. Что касается иллюстрации к «Смешливой Иннин», то лубок отличается от книжной иллюстрации: на лубке студент Ван видит Иннин в сопровождении служанки, на литографе – смеющаяся Иннин сидит на дереве.

В недавно созданном онлайн-каталоге собраний ГЭ удалось обнаружить еще пять картин к новеллам Пу Сунлина из коллекции академика В. М. Алексеева, который их исследовал и переводил, а потому мог целенаправленно разыскивать изображения к новеллам⁷.

На листе № ЛТ-4301⁸ изображены две сцены: к новелле «Красавица Цинфэн» (青鳳 Цинфэн), где показано, как Мо Саньлан принес к дверям студента Гэна раненую лисицу-оборотня (ее потом выходила Цинфэн); на соседней картинке сцена из новеллы «Чжуцин» (竹青 Чжуцин), где изображено, как Юйкэ в облике вороны прилетает к своей супруге Чжуцин.

Лист № ЛТ-4302 представляет собой иллюстрацию к двум сценам: новелле «Цяонян и ее любовник» (巧娘 Цяонян), где Цяонян со служанками обнаруживает студента Ляня, сидящего на дереве, а также новелле «Даос угощает» (道士 Даоши) со сценой, где даос принимает у себя в храме студентов Ханя и Сюя, и там для них танцуют красавицы-сестры.

⁵ Ю. А. Ершова в своей диссертации ссылается на эту иллюстрацию в каталоге 1991 г., считая это подтверждением большой популярности новелл Пу Сунлина у народных художников [Ершова, 2014. С. 57], но наше исследование указывает на то, что картины к новеллам – скорее исключение.

⁶ Коллекция академика М. В. Алексеева была передана в ГЭ в 1956 г.

⁷ М. Б. Баньковская пишет, что у ее отца Пу Сунлин «входил в университетские курсы как материал для упражнений со словарем», в Китае он «штудировал новеллы с их знатоками и ценителями-сяньшэнами», «в отношении Алексеева к творчеству Пу Сунлина с самого начала научного пути встретились два главных направления его научных интересов – литература и фольклор» [Баньковская, 2010. С. 298–299].

⁸ Все картины на 48 с. каталога Государственного Эрмитажа представлены на сайте // URL: <http://collections.hermitage.ru/entity/OBJECT?page=48&query=%D1%82%D0%BA%D0%B0%D0%BD%D0%B8%20%D0%B8%20%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%84%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5%20%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8B> (дата обращения 03.01.2020).

Рис. 4. Иллюстрация к новелле «Пяньпянь» 翩翩,
из: Ляочжай чжи туюн [聊齋志異圖詠. 上海:上海古籍出版社]. Описание удивительного
из кабинета Ляо с рисунками, воспетыми в стихах. Шанхай:
Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2002, цз. 3, с. 1 (фото автора)

Fig. 4. Illustration of the story *Pianpian* 翩翩,
from: [Xiangzhu liaozhai zhiyi tuyong. Strange stories from a Chinese Studio with annotations, poems,
and illustrations. Shanghai: Shanghai guji chubanshe, 2002, juan 3, P.1] (photo by author)

Лист № ЛТ-4303 иллюстрирует две новеллы: «Проказы Сяоцуй» (小翠 蘇小翠) и «Дракон играет с жемчужиной» (龍戲珠 龍戲珠). Лист № ЛТ-4304 иллюстрирует сцены из новелл «Госпожа Янь» (顏氏 顏氏), название другой новеллы – «Фея Юньцуй» (雲翠仙 雲翠仙). Лист № ЛТ-4305 содержит сцены из новелл «Красная яшма» (紅玉 紅玉), на которой старик-отец Фэн бранит сына за связь с соседкой, и «Чародейка Ляньсян» (蓮香 蓮香), где показан студент Сан Цзымин с двумя возлюбленными – лисицей-оборотнем Ляньсян и женщиной-оборотнем по фамилии Ли. Содержание подписей ко всем этим картинам требует дополнительного уточнения и сверки с литографическим изданием.

На всех пяти листах стоит отметка: «Дай Ляньцзэн с почтением сделал подпись» (戴廉增 敬記/題) Дай лянь цзэн цзинцзи / ти). По данным Б. Л. Рифтина, такая отметка появилась на картинах мастерской Дай Ляньцзэн после 1912 г. Но известно, что В. М. Алексеев приобрел основную часть картин в Янлюцине в 1907 г., а значит, можно делать вывод о более раннем бытовании такой подписи [Рифтин, 2010. С. 474].

Как говорилось выше, мастерские рода Дай были старейшими и самыми именитыми в Янлюцине. Известно, что там в течение 500 лет сменилось 15 поколений мастеров. Дай Ляньцзэн организовал свою мастерскую примерно в 1763–1770 гг., его ксилографические оттиски отличались высоким качеством [Рифтин, 2010. С. 473]. В силу более высокой цены они покупались в основном более состоятельной и образованной публикой, вследствие чего на картинах нередко присутствуют длинные каллиграфические надписи и пояснения. Но уровень исполнения иллюстраций и каллиграфии данной серии картин можно определить, скорее, как средний.

На всех листах есть написанные карандашом номера (893, 894, 896, 897, 898), указывающие на наличие заметки-описания к каждой картине, которые писали для В. М. Алексеева его китайские учителя и наставники [Teryukova, Zavidovskaya, Khizhnyak, 2016. С. 40–41]. Автору удалось обнаружить эти пять листов с заметками в Санкт-Петербургском филиале архива РАН в деле академика В. М. Алексеева (Фонд 820, опись 1, ед. хранения 479а, листы 566–571а). Конверт со штампом «из книг В. М. Алексеева» содержит надпись «избранные картины к историям» (故事圖萃 故事圖萃), указана нумерация 894–910. Картины, к которым были написаны эти заметки, могут быть просмотрены в онлайн-каталоге ГЭ.

Ниже приводим их текст и перевод с комментарием.

Заметка № 893 (картина № ЛТ-4302)

二道士

見聊齋卷三第四五頁上係韓生好客。道士數飲其家。一日道士約請韓徐二生飲酒。用兩塊石頭。化為二美女歌舞佐酒也

巧娘

見聊齋卷二第十八頁係廣東傅姓。生而天閹。後遇狐華姑治好。為其女之婿。又一女鬼。名巧娘。亦以生為婿也

Два. Даос

Смотри третий цзюань «Ляочжая» страницы 4–5 сверху. Любящий принимать гостей студент Хань. Даос выпивал у него дома много раз. Как-то даос пригласил двух студентов Ханя и Сюя выпить вина. Превратил два камня в двух красавиц, которые сопровождали возлияния песнями и танцами.

Цяонян

Смотри второй цзюань «Ляочжая» страницу 28. Гуандунец по фамилии Фу. С рождения был скопцом. Затем его вылечила лисица Тетушка Хуа. Сделала его своим зятем. Еще одна демоница. По имени Цяонян. Хотела также, чтобы он стал ее зятем.

Заметка № 894 (картина № ЛТ-4301)

一

左方竹青。詳載聊齋卷三第九十頁上。係湖南人。姓魚名客。因下場未中。路費斷絕。臥於吳王廟中。夢身化為鳥。與女鳥名叫竹青者為偶。後亦生男養女也

右方青鳳載。聊齋卷一第十二頁

山西太原府耿姓。有房被狐狸居住。其侄往見狐女叫青鳳者。遂相愛悅。後來老狐被獵戶打死。青鳳求耿生向獵戶求索皮革。後青鳳仍治活也。

Один

Слева «Чжужин». Описано в третьем цзюане «Ляочжая»,верху страницы 91. Хунанец. По фамилии Кэ. В связи с тем, что не добрался туда, куда было нужно. Деньги на дорогу кончились. Прилег в храме Царя У. Во сне увидел, что превратился в птицу. Создал пару с птицей женского пола по имени Чжужин. Затем у них рождались сыновья, они воспитывали дочерей

Справа «Цинфэн». Во втором цзюане «Ляочжая», страница 12

Из Шаньси, Тайюань-фу по фамилии Гэн. В доме поселилась лисица. Его племянник увидел женщину-лисицу по имени Цинфэн. Тут же полюбили друг друга. Позже старого лиса убил охотник. Цинфэн умоляла Гэна, чтобы он выпросил ее у охотника на шкуру. Затем Цинфэн вылечила лиса.

Заметка № 896 (картина № ЛТ-4303)

三小翠

見聊齋卷九第七頁浙江王太常。幼時畫臥。值天陰。雷霆暴作。一物如貓大伏身下避雷卻天晴始去。係狐女名小翠

龍戲珠

見聊齋卷十十九頁陰面係齊東縣知縣徐公。署內一蜘蛛大如斗。旋見兩蛇夾蛛臥。忽大雷。闔家震斃。

Три. Сяоцуй

Смотри девятый цзюань «Ляочжая», страница 7. Ван Тайчан из Чжэцзяна. В детстве он спал. Опустилась темнота. Разразился гром. Нечто наподобие кошки прижалось к нему, укрываясь от грома, под конец посветлело. Это оказалась лисица по имени Сяоцуй.

Дракон играет с жемчужиной.

Смотри десятый цзюань «Ляочжая», страницу 19 на обратной стороне. Начальник уезда Цзидун *чжисянь* Сюй. В его управе был большой паук. Увидел, как две змеи застряли в паучьей паутине. Вдруг прозвучал гром. Всех убило раскатом грома.

Заметка № 897 (картина № ЛТ-4304)

四

雲翠仙

見聊齋卷十第十三頁係山西人梁有才。客居山東濟南府。做小買賣。四月上泰山進香。遇女郎名雲翠仙。遂為壻

顏氏

聊齋卷十第十四頁係直隸順天府某生。拜神秀美。後娶顏氏為妻。生數子。試不第。顏氏憤易裝為男。應試中進士。得桐城縣知縣。為官十年。始告病歸。

Четыре. Фей Юньцуй

Смотри десятый цзюань «Ляочжая», страницу 13. Шаньсиец Лян Юцай. Гостил в городе Цзинань-фу в Шаньдуне. Занимался мелкой торговлей. В апреле поднялся на гору Тайшань, чтобы совершить паломничество. Встретил девушку по имени Фей Юньцуй. Стал ее мужем.

Госпожа Янь

Десятый цзюань «Ляочжая», страница 14. Некий студент из города Шуньтянь-фу в провинции Чжили. Просил богов о красавице. Позднее женился на девушке из рода Янь. Много раз безуспешно сдавал экзамен. Госпожа Янь разгневалась и переделалась мужчиной. На экзамене получила звание *цзиньши*. Стала главой уезда Тунчэн. Пробыла на должности десять лет. Под конец вернулась домой, сославшись на болезнь.

Заметка № 898 (картина № ЛТ-4305)

五

蓮香

聊齋卷二第十一，二頁。桑生。與鬼李氏狐蓮香。時相往來。後生病。狐狸為配藥調治。

紅玉

聊齋卷三第一頁馮翁之字。名相如。與鄰女私通。翁夜起窺見。大怒罵生。跪自言悔過。

Пять. Ляньсян

Третий цзюань «Ляочжая», страницы 11, 12. Студент Сан. От времени к времени пребывал в сношениях то с демонией по фамилии Ли, то с лисией Ляньсян. Затем заболел. Лисица подобрала ему средство и излечила.

Хуньюй (Красная Яшма)

Третий цзюань «Ляочжая», страница 1. Сын старика Фэна. По имени Сянжу. Сошелся с соседкой. Старик ночью подглядел. В ярости обругал студента. Тот в покаянии встал на колени.

Приведенные выше тексты служат показательным примером того, как образованные китайцы «пересказывали» новеллы Пу Сунлина. Отметим, что пишущий упоминает номер цзюаня (свитка) и страницу, значит, он и В. М. Алексеев опирались в своей работе на одно и то же издание. Затем следует первая фраза из текста самой новеллы с представлением героя. Пересказ может либо в общих чертах передавать весь сюжет, либо только зачинную часть. Возможно, это указывает на степень знакомства учителя-наставника с данной новеллой. В редких случаях описание связано с изображенным на картине («Чжужин», «Красная Яшма»), то есть учитель-*сяньшиэн* не ставил своей задачей прокомментировать сами картины.

Заключение

В статье было рассмотрено девять народных картин *няньхуа* на сюжет 18 новелл Пу Сунлина, проанализировано содержание литографа с иллюстрациями «Описание удивительного из кабинета Ляо с подробными комментариями и рисунками, воспетыми в стихах» (Шанхай, 1886), выдержавшего множество переизданий и широко циркулировавшего по стране, и показана его роль в формировании канона изображения сцен из новелл Пу Сунлина на народной картине *няньхуа*. Из этого издания были заимствованы не только стихотворные подписи к картинкам, но зачастую и их композиция. Тем не менее, встречаются картины, не скопированные из этого издания.

Относительно редкое появление сюжетов из «Ляочжая» на народной картине – по сравнению с классическими романами эпох Мин и Цин – дает основания предполагать, что знакомство именно с иллюстрированным изданием и дало художникам толчок к созданию лубков о «Ляочжае», который, безусловно, был любим образованной и городской публикой, но едва был так же хорошо известен малограмотному населению. Более того, на основе новелл Пу Сунлина не сложилось значительного количества пьес местных театральных жанров 戲曲 *сицуй*, отсутствовали сочинения литературы устно-сказительских жанров⁹, вследствие чего простой народ не так хорошо знал эти сюжеты.

Тот факт, что часть исследованных картин изготовлена в именитых мастерских «Цицзяньлун» и «Дайляньцзэн», подтверждает ориентацию этой печатной продукции на более образованных покупателей. Можно утверждать, что народные картины по «Ляочжаю» могли восприниматься покупателями как благопожелательные, а также отвечающими спросу на изображения популярного жанра «картин с красавицами» (美人畫 *мэйжэньхуа*).

Список литературы

- Баньковская М. В.** Василий Михайлович Алексеев и Китай: книга об отце. М.: Вост. лит., 2010. 487 с.
- Виноградова Т. И.** Мир как «представление»: китайская литературная иллюстрация. СПб.: Альфарет, 2012. 332с.
- Ершова Ю. А.** Китайский поздний прозаический сказ и книжная новелла: Дис. ... канд. филол. наук. М, 2014. 180 с.
- Рифтин Б. Л.** Янлюцин – северный центр народных картин // Материалы IV Междунар. науч. конф. «Проблемы литератур Дальнего Востока». СПб., 2010. Т. 1. С. 471–486.
- Рифтин Б. Л.** Праздничные картинки *няньхуа*: редкие китайские лубки из фондов РГБ // Восточная коллекция. 2002. Весна. С. 104–119.

⁹ Важно то, что «Ляочжай» был впоследствии преобразован в песенные сказы жанра 子弟書 *цзидишу* (букв. «книги знаменных») или маньчжурских сказов, зародившегося в XVIII в. среди знатной молодежи восьмизнаменных войск [Лян Юй, 2016]. В дальнейшем интересно исследовать вопрос, не занимались ли печатни Янлюцина целенаправленным изготовлением картинок к тем литературным произведениям, которые были популярны среди маньчжур.

- Рифтин Б. Л., Ван Шуцунь.** Редкие китайские народные картины из советских собраний. Л.: Аврора, 1991. 270 с.
- Рудова М. Л.** Китайская народная картина *няньхуа* из собрания Государственного Эрмитажа: Каталог выставки. СПб.: Славия, 2003. 287 с.
- Rudova M. L.** Chinese popular prints. Leningrad, Aurora, 1988, 206 p.
- Teryukova E., Zavidovskaya E., Khizhnyak O.** Academician V. M. Alexeev's Methods of Studying Chinese Popular Prints: Case of Collection From at the State Museum of the History of Religions. *Manuscripta Orientalia*, 2016, vol. 22, no. 1, p. 37–54.
- Е Кэцзя (Завидовская Е. А.), Ма Идэ (Маяцкий Д. И.).** Шэнбидэбао дасюэ дунфанси ту-шугуань шоуцан вансили цзяошоу чжунго шуцзи мулу [葉可嘉, 馬懿德。聖彼德堡大學東方系圖書館收藏王西里教授中國書籍目錄。聖彼德堡: 國立聖彼德堡大學孔子學院出版]. Описание собрания китайских книг академика В. П. Васильева в фондах Восточного отдела Научной библиотеки СПбГУ. СПб.: Институт Конфуция СПбГУ, 2012. 440 с. (на кит. и рус. яз.)
- Ли Фуцин (Рифтин Б. Л.).** Саньго гуши няньхуа тулу [李福清。三國故事年畫圖錄(上、下)]. Перечень народных картин к историям из «Троецарствия» // Лиши вэньу, 1999. Т. 9, № 11, 12. С. 32–50, 5–22. (на кит. яз.)
- Лян Юй.** «Ляочжай чжии» цзыдишу яньцзю [梁昱。《聊齋誌異》子弟書研究。國立政治大學碩士學位論文]. Исследование сказов *цзыдишу* к «Описанию удивительного из кабинета Ляо». Магистерская дис. Университет Чжэнчжи. Тайбэй, 2016. 153 с. (на кит. яз.)
- Ляочжай чжии туюн [聊齋誌異圖詠。上海: 上海古籍出版社]. Описание удивительного из кабинета Ляо с рисунками, воспетыми в стихах. Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2002. 512 с. (на кит. яз.)
- Собрание ксилографических картин Китая / Под ред. Фэн Цицая. Чжунго мубань няньхуа цзичэн. Элосы цзанпиньцюань [馮驥才主編。中國木版年畫集成。俄羅斯藏品卷]. Том «Из собраний России». Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2009. 1009 с. (на кит. яз.)
- Сунь Дахай.** «Ляочжай чжии» дэ тусян чуаньбо [孙大海。《聊齋志異》的图像传播]. Распространение изображений к «Описанию удивительного из кабинета Ляо» // Пу Сунлин яньцзю. 2018. № 2. С. 41–53. (на кит. яз.)
- Цзи Юньлу.** Вэньянь сяошо тусян чуаньбо дэ лиши каоча: и «Ляочжай чжии» вэй чжунсинь [冀运鲁, 文言小说图像传播的历史考察: 以《聊齋志異》为中心//兰州学刊]. Историческое исследование распространения изображений к романам на языке вэньянь: «Описание удивительного из кабинета Ляо» в центре внимания // Ланьчжоу сюэкань. 2009. № 6. С. 176–181. (на кит. яз.)

References

- Bankovskaia M. V.** Vasili Mikhailovitch Alekseev and China: a book about my father. Moscow, Vostochnaia literatura, 2010, 487 p. (in Russ.)
- Ji Yunlu.** Wenyan xiaoshuo tuxiang de lishi kaocha: yi “Liaozhai zhiyi” wei zhongxin [冀运鲁。文言小说图像传播的历史考察: 以《聊齋志異》为中心] Historical investigation of the dissemination of novels in wenyan language: “Strange Stories from a Chinese Studio” as a centre. *Lanzhou scholarly journal 兰州学刊*, 2009, no. 6, p. 176–181. (in Chin.)
- Li Fuqing (Riftin B. L.).** Sanguo gushi nianhua tulu [李福清。三國故事年畫圖錄(上、下)]. Record of Three Kingdoms stories *nianhua* pictures (part 1, 2). *Lishi wenwu*, 1999, vol. 9, no. 11, 12, p. 32–50, 5–22. (in Chin.)
- Liang Yu.** “Liaozhai zhiyi” zidishu yanjiu [梁昱。《聊齋誌異》子弟書研究]. Study of the *zidishu* stories on “Strange Stories from a Chinese Studio”. Master thesis (碩士學位論文). Chengchi University, Taipei, 2016, 153 p. (in Chin.)

- Liaozhai zhiyi tuyong [聊齋志異圖詠]. "Strange Stories from a Chinese Studio" with poems and illustrations. Shanghai, Shanghai guji chubanshe, 2002. (in Chin.)
- Riftin B. L.** Festive *nianhua* prints: rare Chinese prints from the funds of the Russian State Library. *Vostochnaia kolleksiia*, 2002. Spring, p. 104–119. (in Russ.)
- Riftin B. L.** Yangliuqing– the northern centre of the popular prints production. In: Proceedings of the 4th international conference "Issues of Far Eastern Literatures". St. Petersburg State University, 2010, vol. 1, p. 471–486. (in Russ.)
- Riftin B. L., Wang Shucun.** Rare Chinese popular prints from the Soviet collections. Leningrad, Avrora, 1991, 270 p. (in Russ.)
- Rudova M. L.** Chinese popular picture *nianhua* from the collection of the State Hermitage. Exhibition catalogue. St. Petersburg, Slavia, 2003, 287 p. (in Russ.)
- Rudova M. L.** Chinese popular prints. Leningrad, Aurora, 1988, 206 p. (in Russ.)
- Sun Dahai.** "Liaozhai zhiyi" de tuxiang chuanbo [孙大海。《聊斋志异》的图像传播]. Dissemination of the illustrations to the "Strange Stories from a Chinese Studio". *Pu Songling Studies*, 2018, no. 2, p. 41–53. (in Chin.)
- Teryukova E., Zavidovskaya E., Khizhnyak O.** Academician V. M. Alexeev's Methods of Studying Chinese Popular Prints: Case of Collection From at the State Museum of the History of Religions. *Manuscripta Orientalia*, 2016, vol. 22, no. 1, p. 37–54.
- Vinogradova T. I.** The world as "the imagined": Chinese literary illustration. St. Petersburg, Alfaret, 2012, 332 p. (in Russ.)
- Ye Kejia (Zavidovskaia E. A.), Ma Yide (Majatskiy D. I.).** Shenghidebao daxue dongfangxi tushuguan shoucang wangxili jiaoshou zhongguo shuji mulu [葉可嘉，馬懿德。聖彼德堡大學東方系圖書館收藏王西里教授中國書籍目錄。聖彼德堡：國立聖彼德堡大學孔子學院出版]. Description of the Chinese books of Academician V. P. Vasiliev from the funds of the Oriental department of the Academic library of Saint Petersburg State University. St. Petersburg, Confucius Institute, 2012, 440 p. (in Russ, in Chin.)
- Yerhsova Yu. A.** Late Chinese prosaic tale and printed novel. Candidate of sciences (philology) diss. Moscow, 2014, 180 p. (in Russ.)
- Zhongguo muban nianhua jicheng.** Ed. by Feng Jicai. Eluosi zangpinjuan [冯骥才主编。中國木版年畫集成。俄羅斯藏品卷]. Compendia of the Chinese woodblock new year pictures. Volume from the Russian collections. Beijing, Zhonghua shuju, 2009, 1009 p. (in Chin.)

Материал поступил в редколлегию
Received
28.12.2019

Сведения об авторе

Завидовская Екатерина Александровна, кандидат филологических наук, ассистент-профессор Национального университета Цинхуа (300, Тайвань, Синьчжу, ул. Гуанфу, 101)
katushaza@yahoo.com

Information about the Author

Ekaterina A. Zavidovskaia, PhD (Philology), Assistant Professor of the National Tsing Hua University (300, Taiwan, Xinzhu, Guangfu Rd., 100)
katushaza@yahoo.com

УДК 094
DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-4-108-115

Особенности и значение учебника разговорного китайского языка эпохи Чосон «Ногольдэ»

М. А. Шутова

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Невозможно оспаривать факт огромного влияния Китая на культуру всего Корейского полуострова. Система письменности, а вместе с ней и взгляды китайских философов, бумага, ксилографический способ печати и идея подвижного шрифта – все это попало на территорию полуострова задолго до основания государства Чосон.

Китай был не только сюзереном Чосона, но и своеобразным культурным донором. Естественно, что в таких условиях власти Чосона рассматривали контакты с этим регионом в качестве важнейшего направления внешней политики и торговли. Кроме того, значительная часть литературы разного рода – от конфуцианских сочинений до трактатов по медицине – приобреталась в Китае для дальнейшего тиражирования в государстве Чосон.

В силу постоянной необходимости официальных и торговых контактов между государствами невозможно было обойтись без знания живого разговорного языка. С этой целью и был создан учебник «Ногольдэ», где на примере сюжетов о путешествии в Китай купца государства Корё (в поздних изданиях – купца государства Чосон) в форме диалогов разбирались основные ситуации, сопровождающие подобные поездки. С помощью данного пособия можно было выучить фразы, необходимые при коммуникации в гостинице, ведении торговых переговоров, участии в банкетах, общении с врачом и т. д. Исключительная практическая польза обеспечила этому пособию несколько систематических переизданий, а также перевод на маньчжурский, монгольский и японский языки.

Учебник «Ногольдэ» является уникальным письменным источником по истории развития не только северного диалекта китайского языка, но и корейского языка на рубеже позднего средневековья и раннего Нового времени.

Ключевые слова

китайский язык, корейский язык, история языка, Ногольдэ, Чосон, Мин, Юань, Цин, северный диалект китайского языка, учебник китайского языка

Для цитирования

Шутова М. А. Особенности и значение учебника разговорного китайского языка эпохи Чосон «Ногольдэ» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 4: Востоковедение. С. 108–115. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-4-108-115

Features and Significance of the “Nogeoldae” Textbook about the Spoken Chinese Language of the Joseon Era

M. A. Shutova

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

It is impossible to dispute the fact that China has had an enormous influence on the culture of the entire Korean Peninsula. The writing system, the thoughts of Chinese philosophers, paper, the xylography method and the idea of a movable type – all this came to the peninsula long before the founding of the Joseon State.

© М. А. Шутова, 2020

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 4: Востоковедение
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2020, vol. 19, no. 4: Oriental Studies

China was not only the overlord of Joseon, but also a kind of cultural donor. Of course, under such conditions, the Joseon authorities considered contacts with this region as the most important area of foreign policy and trade. In addition, a significant part of various kinds of literature — from Confucian writings to treatises on medicine was acquired in China for further circulation in Joseon.

Due to the constant need for official and commercial communication between states, it was impossible to go without knowledge of a spoken language. For this purpose, the textbook titled “Nogeoldae” (lit. “Elder brother from China”) was created. Using the Goryeo merchant’s trip to China (in later editions this became the Joseon merchant) as the key example, the main situations accompanying such trips were examined in the form of dialogues. With the help of this manual it was possible to learn the phrases necessary for communication in the courtyard, conducting trade negotiations, participating in banquets, communicating with a doctor, and so on. The exceptional practical benefit ensured that this manual underwent several systematic reprints, as well as translation into Manchurian, Mongolian and Japanese languages.

“Nogeoldae” is a unique written source on the history of the development of both the northern dialect of the Chinese language and Korean in the late Middle Ages and Early Modern times.

Keywords

Chinese, Korean, language history, Nogeoldae, Joseon, Ming, Yuan, Qing, Northern Chinese dialect, Chinese textbook

For citation

Shutova M. A. Features and Significance of the “Nogeoldae” Textbook about the Spoken Chinese Language of the Joseon Era. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 4: Oriental Studies, p. 108–115. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-4-108-115

Введение

Начало государства Чосон (1392–1910) ознаменовалось становлением новой власти, новых центральных органов управления, новой столичной и провинциальной административной системы, новой идеологии – корейской версии неоконфуцианства. Одним словом, в ранний период Чосон сформировался тот облик Кореи, который оставался во многом неизменным вплоть до реформ 1894 г.

Отношения с Китаем новых правителей династии Ли как основателей государства Чосон долгое время были достаточно напряженными. В Китае под разными предлогами новая династия долго не признавалась. Но, несмотря на отдельные спорные вопросы о законности основания новой династии, Китай все же поддерживал отношения с новой властью в Корее. В 1401 г. из Китая в Корею была прислана золотая королевская печать для корейских государей, что означало фактическое признание нового корейского государства. Государство Чосон, находившееся в вассальной зависимости от Китая, было вынуждено по шесть – семь раз в год снаряжать регулярные и экстренные (по случаю различных важных событий в Китае) посольства с подарками китайскому императору. Подарки эти были отнюдь не символическими и представляли собой значительные поставки золота и серебра, женьшеня, лошадей и крупного рогатого скота, мехов и шкур, тканей [Курбанов, 2009. С. 145].

Китайское влияние на культуру всего Корейского полуострова было колоссальным. Система письменности, а вместе с ней и взгляды китайских философов, бумага, ксилографический способ печати и идея подвижного шрифта – все это попало на территорию полуострова задолго до основания государства Чосон. Китай был не только сюзереном Чосона, но и своеобразным культурным донором.

Однако идеи и технологии, заимствованные из Китая, творчески перерабатывались корейскими ремесленниками, что привело к обратному процессу, когда корейская бумага и книги стали высоко цениться не только в стране, но и за ее пределами, становясь ответными дарами для китайских императоров.

К началу XV в. корейцы уже наработали достаточный технологический опыт в области книгопечатания, позволивший успешно применять ксилографию и привести в книжное дело новый способ печати подвижными металлическими литерами, что явилось важным вкладом в историю развития мировой книжной культуры.

Значение китайского языка в повседневности корейского средневековья

Даже после создания корейского алфавита *хангыль* в 1443 г. классический китайский язык оставался предпочтительным способом изложения мыслей для немногочисленной образованной прослойки чосонского общества.

Бюрократия в Чосон формировалась в процессе постоянного развития навыков в чтении, письме и анализе текстов на литературном китайском языке. Грамотность стала основным средством для вступления в ряды людей, которые стремились сформировать государство в неоконфуцианском стиле. Корейское общество той эпохи отличалось непрерывной «борьбой за грамотность». Анализ системы экзаменов на государственную должность показывает, каким образом различные степени образованности и владения литературным китайским языком способствовали продвижению кандидатов по карьерной лестнице [Cadavid, 2012. P. 12].

Определяющей характеристикой знатного сословия *янбанов* в эпоху Чосон были научные знания и устремления – в частности, интерес к конфуцианской классике и неоконфуцианской мысли ¹.

Образованность как добродетель была присуща и правителям государства. Так, великий *ван* Седжон (годы правления 1418–1450) считается в корейской историографии самым образованным монархом Чосона. Согласно королевским хроникам, рассказывающим о периоде его правления, Седжон сам читал классические конфуцианские произведения каждую свободную минуту, даже ночью, что привело его к тяжелой болезни глаз. Он также часто присутствовал на общих собраниях с представителями знати, где разъяснял им «Тэхаек ёный» (*кит.* 大學衍義) – «Аналитический комментарий к “Великому учению”» (*кор.* Тэхаек, *кит.* 大學 Да сюэ). Подавая пример своим приближенным, *ван* Седжон также изучал современный ему разговорный китайский язык, чтобы свободно общаться с посланниками из Поднебесной [Кан, 2015. С. 59].

Как уже упоминалось выше, Китай выполнял роль культурного донора по отношению к государствам Корейского полуострова. В летописях *силлок* сохранились упоминания о книгах, полученных в дар из Китая, а также королевские приказы, касающиеся покупки того или иного произведения в Поднебесной или на территории современной Японии. Полученные в дар или купленные в соседних государствах издания использовались не только для хранения в книжных фондах, но и для дальнейшего тиражирования внутри Кореи.

К примеру, *ван* Седжон в 1425 г. издал эдикт, согласно которому посланникам, отправляющимся в Китай, было приказано приобрести 100 *квонов* «Толкований к Малой науке» (*кит.* 集成小學), самой популярной книге для начального обучения в эпоху Чосон ².

В летописи *вана* Седжона от 1435 г. содержится приказ не только закупить определенные книги, недавно изданные в Китае, но и по возможности получить некоторые произведения в дар. В тексте также приведено указание покупать по паре комплектов каждого издания на случай порчи или потери. Помимо этого, посланники должны были узнать, можно ли частным образом напечатать некоторые книги при наличии *ксилографов*. Наконец, им предписывалось тщательно изучить виды *литер* и процесс печати ³.

Деятельность по собиранию книг продолжалась и позже. Примечательно, что короли Чосона предпочитали сами выбирать и приобретать необходимую литературу. Количество книг, полученных в дар, сократилось по сравнению с XV в., чему способствовали декреты, изданные в империи Мин, которые ограничивали продажу определенных изданий в Чосон.

¹ Lee Soyoung, Yangban: The Cultural Life of the Joseon Literati. Department of Asian Art, The Metropolitan Museum of Art. URL: http://www.metmuseum.org/toah/hd/yang/hd_yang.htm (дата обращения 06.01.2020).

² Электронный архив *силлок* на сайте Национального института истории Кореи. URL: http://sillok.history.go.kr/id/kda_10712023_003 (дата обращения 05.01.2020).

³ Там же. URL: http://sillok.history.go.kr/id/kka_13105010_001 (дата обращения 05.01.2020).

В подобных условиях корейской стороне приходилось изыскивать способы получения желаемых изданий.

Так, в летописи *вана* Чунджона от 1536 г. содержится запись обсуждения покупки карты мира в виде свитка через посланника, отправляющегося с подарками ко дню рождения китайского императора ⁴.

Двумя годами позже, в 1538 г., *ван* Чунджон приказал по очереди отправлять чиновников из ведомств, занимающихся астрономией, географией и предсказаниями, в Китай в составе посольств. Находясь там, они должны были покупать новые книги по своим специальностям для уточнения и расширения знаний ⁵.

Развивались не только культурные, но и торговые связи. Корейские торговцы привозили в столицу Поднебесной уникальные национальные товары, например, женьшень, корейскую бумагу и прочие изделия и, продав их, закупали необходимые китайские изделия.

Китайский язык был также и языком международного общения, поэтому спрос на учебники сохранялся на всем протяжении эпохи. Такие условия способствовали появлению учебника «Ногольдэ».

Содержание учебника «Ногольдэ»

«Ногольдэ» (*кит.* 老乞大, *кор.* 노걸대) – это учебник по разговорному китайскому языку для переводчиков, опубликованный в эпоху Чосон и переизданный несколько раз с XIV по XVIII в. Первое упоминание в нем встречается в летописи *вана* Сэджона от 1432 г. По сути это документ, предписывающий переписать это пособие из-за отсутствия ксилографических досок и издать его в национальном литейном цехе Чуджасо (*кит.* 鑄字所). Проверки и переиздание учебника осуществляло ведомство переводов (*кит.* 司譯院, *кор.* 사역원 Саёквон, существовало до 1894 г.), занимавшееся устными и письменными переводами с китайского, монгольского, маньчжурского, японского языков ⁶.

Данное издание является важным источником как по позднесредневековому корейскому языку X–XVII вв., так и по истории северного (мандаринского) диалекта китайского языка. Поздние издания в силу их востребованности были переведены на монгольский и японский языки, а позже на маньчжурский.

Термин *гольдэ* является транскрипцией с монгольского языка для обозначения понятия «кидань(ский)», обозначая государство кидань-монголов, которое занимало территорию Северо-Восточного Китая с 907 по 1125 г. [Wilkinson, 2013. P. 786]. Это стало общим по всей Азии названием для Китая и всего китайского [Rimsky-Korsakoff Dyer, 1983. P. 4–5].

Иероглиф *но* (*кит.* 老, *кор.* 노) в названии можно трактовать по-разному, есть несколько версий. Основное его значение – «старый, старший по возрасту». Но версия, которая больше всего заслуживает доверия, основывается на том, что в некоторых китайских выражениях этот иероглиф означает уважительную приставку: 老兄 (*кор.* 노형) – «вы», 老師 (*кор.* 노사) – «старый учитель/наставник». Таким образом, название учебника «Ногольдэ» в буквальном переводе означает «Уважаемый господин из Китая». Однако для краткости в данной статье мы будем придерживаться транскрипции корейского названия.

Существует большая вероятность, что учебник «Ногольдэ» был написан еще в эпоху Корё. Это учебное пособие основано на диалогах, центральной темой которых является сюжет, связанный с путешествием корёского купца (в последующих переизданиях – чосонского) и его родственников в Пекин. По дороге к ним присоединяются китайские путешественники. Прибыв в Пекин, купец продает корейские товары и покупает товары для продажи в Корее.

⁴ Электронный архив силлок на сайте Национального института истории Кореи. URL: http://sillok.history.go.kr/id/kka_13105010_001 (дата обращения 05.01.2020).

⁵ Там же.

⁶ Там же. URL: http://sillok.history.go.kr/id/kda_10506023_007 (дата обращения 07.01.2020).

Книга заканчивается отъездом из Пекина. Диалоги наполнены лексикой, используемой в путешествиях, для ведения торговли, на банкетах и т. д. [Sun, 1996. Р. 9–10]. Она также содержит уникальные сведения о жизни в Пекине.

В частности, из «Ногольдэ» можно было узнать, например, что нужно сказать при заселении в гостиницу, как попросить у хозяина постоянного двора еды для себя и корма для лошадей, как спросить о ценах, как торговать на рынке, как позвать доктора и т. д.

Учебник также содержит сведения, которыми интересовались китайцы у корейских купцов, а именно: обучения конфуцианской доктрине, диалоги о женьшене и других известных традиционных товарах из Корё. Кроме того, встречаются также упоминания о тогдашней политике Китая и обществе ⁷.

Особенностью текста является то, что к иероглифам было подписано два чтения – установленное и простонародное на хангыле. Каждое предложение или фраза сопровождалась переводом на корейский язык. В дополнение к более поздним версиям пособия издавались и редактировались с комментариями на народном языке.

Переиздания и комментарии к «Ногольдэ»

В настоящее время известно пять изданий книги. Такое сравнительно большое число переизданий было вызвано необходимостью редактировать текст с течением времени, чтобы следовать актуальным изменениям в северном китайском языке.

Оригинал, вероятно, был написан около середины XIV в., а первое переиздание было сделано в 1423 г. по прямому приказу *вана* Сэджона.

Старейшей и наиболее близкой к оригиналу считается копия начала XV в., найденная в Тэгу в 1998 г. [Wilkinson, 2013. Р. 786]. Она включает в себя ценную информацию о разговорном северно-китайском языке династии Юань.

Второе издание было сделано в 1507 г. на основе перевода на корейский Чхве Седжина, ученого и переводчика эпохи Чосон (*кит.* 崔世珍, *кор.* 최세진, 1468–1542) ⁸. Это издание в настоящее время называется «Новый перевод Ногольдэ» (*кит.* 翻譯老乞大, *кор.* 번역노걸대 *Понёк Ногольдэ*), чтобы отличать его от оригинала. Корейские версии диалогов написаны в разговорной манере, дающей уникальное представление о корейском языке позднего средневековья [Lee, Ramsey, 2011. Р. 100]. Китайский текст был исправлен, чтобы соответствовать изменившемуся средневековому китайскому языку династии Мин [Sun, 1996. Р. 8–9].

Третье издание – «Ногольдэ Онхэ» (Комментарий к Ногольдэ на корейском языке, *кит.* 老乞大諺解, *кор.* 노걸대언해) – основывается на тексте «Понёк Ногольдэ». Автор комментария неизвестен, а время издания приходится на период правления *вана* Хёнджона (*кит.* 顯宗, *кор.* 현종, годы правления 1659–1674). По версии некоторых ученых (Ли Кимун, Р. Рамси, Сон Киджун), это произошло в 1670 г. Китайский текст не отличается от того, что был приведен в предыдущем издании, однако чтение и перевод были обновлены до современного корейского языка [Kim, 1991. Р. 15–16].

Издание «Ногольдэ Онхэ» испытало влияние текста «Понёк Ногольдэ», переняв его форму, содержание, орфографию, лексику и грамматику. Оно также отражает принципы обозначения китайских звуков в тексте «Понёк Ногольдэ». С другой стороны, в издании «Ногольдэ Онхэ» были исправлены ошибки предыдущей версии, сделана проверка текста и восстановлены потерявшиеся фразы.

⁷ Сон Киджун, энциклопедическая статья о «Ногольдэ» на сайте Национальной академии корееведения. URL: <http://encykorea.aks.ac.kr/Contents/Item/E0012632> (дата обращения 07.01.2020).

⁸ Пак Тхэквон, энциклопедическая статья о «Понёк Ногольдэ» на сайте Национальной академии корееведения. URL: <http://encykorea.aks.ac.kr/Contents/Item/E0022521> (дата обращения 08.01.2020).

Поскольку текст «Понёк Ногольдэ» появился в начале XVI в., а «Ногольдэ Онхэ» – в конце XVII в., их лексика и грамматика отличаются не слишком сильно⁹.

После установления династии Цин (1636–1912) китайский текст был снова обновлен, а учебник вышел в 1761 г. под названием «Новое издание Ногольдэ» (*кит.* 老乞大新釋, *кор.* 신석노걸대 *Синсок Ногольдэ*) [Wilkinson, 2013. P. 786]. К нему был написан комментарий на корейском языке – «Синсок Ногольдэ Онхэ» (*кит.* 新釋老乞大諺解, *кор.* 신석노걸대언해), изданный в 1763 г. ксилографическим способом в ведомстве Кёсогван, отвечавшем, в частности, за печать и корректировку текстов. По некоторым сведениям, его ксилографы хранились в ведомстве переводов Саёквон, но они до сих пор не найдены.

В 1795 г. увидел свет учебник «Переиздание Ногольдэ» (*кит.* 重刊老乞大, *кор.* 중간노걸대 *Чунган Ногольдэ*), который также сопровождался комментарием на корейском языке – «Чунган Ногольдэ Онхэ» (*кит.* 重刊老乞大諺解, *кор.* 중간노걸대언해). Работы по его изданию велись в ведомстве переводов и были инициированы по приказу вана Чонджо (годы правления 1776–1800). Предполагается, что различия между этим комментарием и предшествующим ему «Синсок Ногольдэ Онхэ» минимальны в силу близости по времени.

В некоторых документах, в том числе в летописи династии Чосон, такие публикации часто называют просто «Ногольдэ» без каких-либо различий, и, в частности, так же поступают некоторые современные корейские исследователи в своих научных публикациях.

Как уже было упомянуто, с XVIII в. начинают издаваться переводы на другие языки. Переводы «Ногольдэ» на другие языки также были опубликованы ведомством переводов. В «Чхоно Ногольдэ» (версия учебника на маньчжурском языке, *кит.* 清語老乞大, *кор.* 청어노걸대) содержится маньчжурский текст, корейское произношение и перевод на корейский язык. Он был написан переводчиками эпохи Чосон во главе с Чхве Хутхэком (*кит.* 崔厚澤, *кор.* 최후택, годы жизни неизвестны), опубликован в 1704 г. и переработан в 1765 г.

Переводчик И Чхведэ (*кит.* 李最大, *кор.* 이최대, годы жизни неизвестны) создал монгольскую версию «Моно Ногольдэ» (*кит.* 蒙語老乞大, *кор.* 몽어노걸대), которая была опубликована в 1741 г. и переиздана в 1766 и 1790 гг. [Lee, Ramsey, 2011. P. 248]. О переводе учебника на японский язык – «Вэо Ногольде» (왜어노걸대) – неизвестно практически ничего.

Учебник «Ногольдэ» в корейской историографии

Назначение, структура, а также количество правок и переизданий текста «Ногольдэ» позволяет судить о высокой ценности данного пособия для корейского общества рубежа позднего средневековья и раннего нового времени. Однако неверным было бы полагать, что значение этого учебника для современной науки уже утрачено. Оригинал и переиздания текста «Ногольдэ» – это не только лингвистический источник, но и ценный этнографический материал по бытовой культуре Китая.

К исследованию учебника обращаются не только китайские и корейские историки. Посвященные ему работы встречаются в библиографиях японских, британских и американских ученых. Так, только в каталоге Национальной библиотеки Кореи содержится 630 монографий, авторефератов, статей в периодических журналах и других исследований, тема которых так или иначе связана с «Ногольдэ»¹⁰.

⁹ Пак Тхэквон, энциклопедическая статья о «Ногольдэ Онхэ» на сайте Национальной академии корееведения. URL: <http://encykorea.aks.ac.kr/Contents/Item/E0012634> (дата обращения 08.01.2020).

¹⁰ Сайт Национальной библиотеки Кореи. URL: http://www.nl.go.kr/nl/search/search.jsp?all=on&topF1=title_author&kwd=%EB%85%B8%EA%B1%B8%EB%8C%80 (дата обращения 18.01.2020).

Большая часть научных работ относится к сфере филологии и лингвистики. Так, например, можно встретить публикации, посвященные анализу истории наречий, вопросительных конструкций, причастий, окончаний, существительных в китайском и корейском языках рассматриваемого периода. Достаточно полно на примере «Ногольдэ» изучены причинно-следственная связь, фонемы и фонетическая транскрипция, гармония гласных, наклонение глаголов, указательные слова, структура предложений, а также торговая лексика и пословицы. Прочие исследования посвящены пищевой культуре Китая, описаниям костюма, сравнению изданий разных периодов.

По датам публикаций можно заметить, что исследование текста «Ногольдэ» активно ведется с начала 1970-х гг. Ранние работы относятся к 30–40-м гг. XX в., а пик научного интереса к данному пособию приходится на 2001–2010 гг.

Выводы

Для ученых-корееведов крайне важно умение адекватно оценивать роль Китая в становлении корейской государственности и культуры в целом. При этом нельзя забывать о его огромном значении и, с другой стороны, преуменьшать собственно корейские достижения.

Учебник «Ногольдэ» является важным источником, в первую очередь, по исторической лингвистике. По несколько раз переизданным и дошедшим до нас версиям учебника можно судить о том, насколько уникальны эти материалы для изучения истории развития северного китайского диалекта эпох Юань, Мин и Цин. Что касается переводов и комментариев на корейском языке, то они позволяют проследить процесс развития языка начиная с эпохи позднего средневековья до Нового времени. Значительную роль в изучении истории языков играют также переводы на монгольский и маньчжурский языки.

Нельзя не признать, что письменный памятник «Ногольдэ», к сожалению, недостаточно изучен в российской корееведческой историографической традиции. Данная статья призвана отчасти восполнить этот пробел.

Список литературы

- Курбанов С. О.** История Кореи: с древности до начала XXI в. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. 680 с.
- Cadavid Francisco.** The Struggle for Literacy in Korea: An examination of literacy and the power of language in Korea, 1392–1945. MARSEA Program, Columbia University, MA Thesis, 2012. 35 p.
- Kim Kwangjo.** A phonological study of Middle Mandarin: reflected in Korean sources of the mid-15th and early 16th centuries (PhD thesis). University of Washington, 1991, 315 p.
- Lee Ki-Moon, Ramsey, S. Robert.** A History of the Korean Language. Cambridge University Press, 2011, 348 p.
- Rimsky-Korsakoff Dyer Svetlana.** Grammatical analysis of the Lao Ch'i-ta: with an English translation of the Chinese text. Faculty of Asian Studies, Australian National University, 1983, 554 p.
- Sun Chaofen.** Word-order Change and Grammaticalization in the History of Chinese. Stanford University Press, 1996, 207 p.
- Wilkinson Endymion.** Chinese History: A New Manual. Cambridge, MA, Harvard University Press, 2013, 1148 p.
- Кан Мёнган.** Чхекполледыль Чосоныль мантильда [강명관. 책벌레들 조선을 만든다]. Книжные черви создали Чосон. Пхурын ёкса, 2015, 380 с. (на кор. яз.)

References

- Kurbanov S. O.** The History of Korea: From Antiquity to the Beginning of the 21st Century. St. Petersburg, Publishing House of St. Petersburg University, 2009, 680 p. (in Russ.)
- Cadavid Francisco.** The Struggle for Literacy in Korea: An examination of literacy and the power of language in Korea, 1392–1945. MARSEA Program, Columbia University, MA Thesis, 2012. 35 p.
- Kim Kwangjo.** A phonological study of Middle Mandarin: reflected in Korean sources of the mid-15th and early 16th centuries (PhD thesis). University of Washington, 1991, 315 p.
- Lee Ki-Moon, Ramsey, S. Robert.** A History of the Korean Language. Cambridge University Press, 2011, 348 p.
- Rimsky-Korsakoff Dyer Svetlana.** Grammatical analysis of the Lao Ch'i-ta: with an English translation of the Chinese text. Faculty of Asian Studies, Australian National University, 1983, 554 p.
- Sun Chaofen.** Word-order Change and Grammaticalization in the History of Chinese. Stanford University Press, 1996, 207 p.
- Wilkinson Endymion.** Chinese History: A New Manual. Cambridge, MA, Harvard University Press, 2013, 1148 p.
- Gang Myeongwan.** [강명관. 책벌레들 조선을 만들다]. Bookworms has created the Joseon. Seoul, Pureun yeoksa, 2015, 380 p. (in Kor.)

Материал поступил в редколлегию
Received
20.01.2020

Сведения об авторе

Шутова Мария Андреевна, ассистент кафедры востоковедения Гуманитарного института НГУ (Новосибирск, Россия)
vitchenko89@mail.ru

Information about the Author

Mariia A. Shutova, teaching assistant of the Department of Oriental Studies, Institute for the Humanities, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)
vitchenko89@mail.ru

Петроглифы, которые исчезли: наскальное искусство Макао

С. А. Комиссаров^{1, 2}, Д. В. Черемисин²

¹ Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

² Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

Аннотация

В сообщении представлены петроглифы Макао (Аомэня). Хотя сам памятник утрачен (не выдержал воздействия антропогенного фактора), но сохранились его описания и копии. Небольшой по объему, он содержит не только переплетение различных линий и геометрических узоров, но и изображения двух больших лодок довольно развитой конструкции: с палубой, выделенным бушпритом, возможно также со складной мачтой. И если в петроглифах Макао изображения представлены недостаточно четко, то на скальном панно соседнего Чжухая мы можем видеть изображения нескольких кораблей, возможно, с дополнительными деталями (бортовые порты, якорь, румпель). Все это подтверждает высокий уровень судостроения и, вероятно, и судоходства, который отмечается у народов У и Юэ древнекитайскими летописями. Для петроглифов Южного и Восточного Китая мы располагаем параллельной изобразительной линией: гравировками на бронзовых изделиях, в первую очередь, на барабанах. Изображенные на них лодки имеют определенное конструктивное сходство с изображенной на скалах эскадрой. Это дает нам привязку петроглифов к конкретным артефактам (бронзовым барабанам), которые являются индикаторами донгшонско-дяньской культурно-исторической общности. Исходя из этих привязок, мы можем предварительно датировать петроглифы Макао (и Чжухая) последними веками до нашей эры или самыми первыми веками нашей эры и связать их появление в регионе с движением одного из многочисленных племен *боюэ*.

Ключевые слова

петроглифы, Макао (Аомэнь), лодки и корабли, донгшонско-дяньская цивилизация, племена *боюэ*

Благодарности

Авторы выражают признательность профессору Шаньдунского университета (г. Циндао) Тан Чуну за помощь в организации исследования. Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00557

Для цитирования

Комиссаров С. А., Черемисин Д. В. Петроглифы, которые исчезли: наскальное искусство Макао // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 4: Востоковедение. С. 116–123. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-4-116-123

Petroglyphs that Have Become Extinct: Rock-Art of Makau

S. A. Komissarov^{1, 2}, D. V. Cheremisin²

¹ Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

² Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

The article represents petroglyphs of Macau (Aomen). This site with engravings was lost and gone forever (because of industrial pollution), but we have some copies and descriptions of it. Though it was quite restricted in dimensions, but contained not only interlacement of lines and geometric figures, but also images of two big boats as well, with

quiet developed construction: with upper deck, long bowsprit and, possibly, with portable mast. The same ships but engraved more clearly one can see in petroglyphs of Zhuhai at the site with rock-art closest to Macau. These ships seem to have some additional details such as side ports, helm and anchor. These observations confirm a high level in shipbuilding and navigation among peoples of Wu and Yue kingdoms known to us due to historical records. For petroglyphs of Eastern and Southern China we have another figurative line in order to compare with, i. e. engravings on bronze implements and, first of all, bronze drums. The war-boats engraved on drums have some similarities in construction with boats engraved on rocky surface. Due to these resemblance petroglyphs of Macau (and Zhuhai) could be attributed to Dongson-Dian civilization because bronze drums served as indicator for this super unity. On the basis of this resemblance we can previously date petroglyphs of Macau with the last ages BC or the first ages AD. The creators of rock-art galleries in the region of Zhujiang River estuary were very probably connected with migration of one of the *Boyue* tribes.

Keywords

petroglyphs, Macau (Aomen), ships and boats, Dongson-Dian civilization, *Boyue* tribes

Acknowledgements

The authors would like to express their gratitude for the help in organization of studies to Prof. Tang Chung, director of the centre for experimental archaeology of Shandong University. The paper was made possible with the financial support of the RFBR, project No. 18-09-00557

For citation

Komissarov S. A., Cheremisin D. V. Petroglyphs that Have Become Extinct: Rock-Art of Makau. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 4: Oriental Studies, p. 116–123. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-4-116-123

В названии нашей статьи зафиксирована драматическая ситуация, связанная с разрушением памятников древнего искусства; причем если бы подзаголовок не указывал именно на Макао¹, его можно было бы отнести практически к любому региону. В мире ежегодно частично или полностью разрушаются, а иногда и вовсе исчезают целые ансамбли наскальных рисунков или скопления выбитых и выгравированных на скалах и камнях петроглифов. П. Видаль, посвятивший подобным утратам книгу «Наскальное искусство в опасности», отметил основные факторы, определяющие и вызывающие разрушения, – воздействие природной среды, вандализм, и главное – глобализационную индустриализацию [Vidal, 2001. P. 125–127]. Петроглифы Макао в его книге не упоминаются, но показаны печальные результаты петроглифических утрат от фресок Тассили до петроглифов Хакасии, которые автор рассматривает как мировое культурное наследие. В качестве примера можно сослаться также на «Петроглифы на дне Саянского моря» – название известной книги М. А. Дэвлет, повергающее в недоумение равнодушных читателей [Дэвлет, 1998]. Специалистам же хорошо известна ситуация в Южной Сибири, связанная с осуществлением масштабного инфраструктурного проекта – возведения каскада гидроэлектростанций на сибирских реках. Неизбежно в зоне затопления оказывались скальные выходы с нанесенными на них многочисленными петроглифами разных эпох, которые сегодня можно изучать только средствами подводной археологии или мониторинга с водной поверхности при низкой воде.

В июне 2019 г., находясь в научной командировке по проекту РФФИ в Гонконге для осмотра и фиксации петроглифов этого района, мы решили заодно посетить и скопировать единственное местонахождение наскального искусства в соседнем Макао. Его адрес в городском районе Колоан был хорошо известен, однако наши поиски в достаточно локальном пространстве не дали результатов. Наше недоумение объяснили китайские коллеги, которые сообщили нам, что памятника как объекта культуры больше нет. Он был разрушен под воздействием окружавшей его городской среды или, во всяком случае, сильно поврежден, и правительство особого автономного района закрыло доступ к нему как туристов, так и специалистов. И пока неизвестно, подлежит ли он восстановлению, возможно, реконструкции по снятым ранее копиям или в каком-то ином виде.

¹ Официальное название территории – Особый автономный район Аомэнь (ОАРА) КНР, но для удобства описания мы будем в основном использовать местный топоним Макао, который, хотя и не является в настоящее время официальным, но широко используется в литературе разных уровней. То же относится и к соседнему Гонконгу, чье официальное название – Особый автономный район Сянган (ОАРС) КНР.

При этом научная общественность Макао проявляет немалый интерес к изучению петроглифов Китая. Об этом свидетельствует, в частности, интерактивное мероприятие, организованное Музеем Макао в том же июне 2019 г. под названием «Пройти через петроглифы Хэланьшань²», в рамках которого посетители не только слушали лекции, но и учились копировать выбивки и гравировки в импровизированной мастерской³. Увы, в самом Макао это умение уже вряд ли пригодится. И сказано это не в упрек властям автономного района. Можно быть уверенным, что они сделали максимум возможного, исходя из имеющихся средств (судя по опыту соседнего Гонконга, где проводится постоянный мониторинг памятников наскального искусства, с привлечением лучших специалистов⁴). Просто пресловутый антропогенный фактор или даже, скорее, отмеченная П. Видалем «глобализационная индустриализация» оказались сильнее.

В силу этих причин для изучения наскальной гравировки в Макао мы обращаемся к публикациям материалов, которые были доступны китайским археологам в свое время. Благодаря исследованию М. де Араужо (1984) и обобщающим публикациям Чэнь Чжаофу (2008) в нашем распоряжении есть и описание, и копия объекта (рис. 1). Он был обнаружен 14 ноября 1982 г. на скальной поверхности в небольшом ущелье, развернутом на юг, к бухте Ка Хо. С изображений на скальных плоскостях сделаны протирки и фотографии, хотя их авторы сразу отмечали, что из-за неровностей скалы четкие копии получить было весьма сложно. Судя по описаниям, основные изображения были «прорезаны» в скальной поверхности (石刻; engravings) а затем дополнены корректирующими ударами в технике выбивки (пикетажа). Выделяются две фигуры, которые первоначально были описаны как «доска для облавных шашек (го)»; однако в дальнейшем их более верно, на наш взгляд, определили как изображение кораблей или лодок.

Действительно, две самые большие фигуры походят на изображения кораблей – с крытой палубой, высокой кормой и установленной на одном из них мачтой (возможно, складной, поскольку на втором судне такой элемент изображения отсутствует). На активное использование парусного вооружения указывают и подчеркнута длинные бушприты. За кормой второго судна прослеживается еще одна фигура – возможно, «драконовая лодка»⁵. Мы резервируем вероятность такой интерпретации, но не станем на ней настаивать до появления дополнительных сведений: слишком уж условен контур резного изображения и слишком велик и важен пласт этноисторических интерпретаций, с ним связанных⁶.

² О петроглифах Хэланьшань (Нинся-Хуэйский автономный район) и их значении см., например: [Варенов, 2018].

³ См.: Аомэнь боугуань хэланьшань яньхуа таинь гунцзофан: Чжаньсянь чуаньтун вэньхуадэ мэили [澳门博物馆贺兰山岩画拓印工作坊: 展现传统文化的魅力 // 澳门特别行政区政府入口网站]. Мастерская по копированию петроглифов Хэланьшань в Музее Макао: Раскрываем очарование традиционной культуры / Сообщение Управления культуры // Сайт пр-ва Особ. авт. р-на Аомэнь. 10.06.2019. URL: <https://www.gov.mo/zh-hans/news/251446> (дата обращения 01.01.2020).

⁴ См., например, отчет Валери Магара [Magar, 2010] и ряд других отчетов на сайте Консультативного совета по вопросам древних памятников при правительстве ОАРС.

⁵ «Драконовые лодки» – большие (на 20 гребцов) лодки, нос которых украшен вырезанной из дерева головой дракона. На них устраиваются гонки по рекам как важнейшая часть праздника календарного цикла Дуаньу, в пятый день пятого месяца по традиционному календарю. Его также связывают с поминовением Цюй Юаня (ок. 340–278 гг. до н. э.), великого поэта Древнего Китая.

⁶ Отметим вкратце, что первоначальный ареал распространения «драконовых лодок» – это Восточный и Юго-Восточный Китай. Как считал Дж. Уорстер, они появились в своем нынешнем виде в окрестностях оз. Дунтинху и в прибрежных районах Янцзы 2500 лет назад (см.: [Worcester, 1971]). Британский моряк и яхтсмен, Джордж Ралей Грэм Уорстер еще в довоенный период четверть века отработал речным инспектором Морской таможни Китая, на практике досконально изучил все виды «джонок и сампанов» и, несомненно, стал ведущим специалистом по проблемам традиционного китайского судостроения и судовождения; он собрал коллекцию из 600 древних и средневековых моделей кораблей [Tate, 1972], что позволило ему определить тенденцию их развития. Большинство ученых считает, что первое упоминание «драконовой лодки» в письменных источниках встречается в «Жизнеописании сына Неба Му» (ср.: [Тянь Чжаоюань, 2016]), который на «птичьей лодке» и «драконовой лодке» переплывал большое озеро («天子乘鸟舟、龙舟浮于大沼»). По авторитетному мнению М. Е. Кравцо-

Рис. 1. Петроглифы Макао (даны не в масштабе). По: [Чэнь Чжаофу, 2008. С. 197]

Fig. 1. Petroglyphs of Macau (not in scale). According [Chen Zhaofu, 2008, p. 197]

Помимо резных линий, в состав общей картины входят многочисленные выбитые на скальной поверхности лунки-каверны – следы явно искусственного происхождения, со средними размерами диаметра 10 мм, глубины 5 мм, выстроенные в определенные последовательности. Наличие множества однотипных изображений часто говорит о том, что интерпретировать следует не сами отверстия, а их количественные показатели, которые нередко обнаруживают календарно-астрономическое значение. Лунки-каверны в композиции петроглифов Макао, как представляется, содержат возможность такого прочтения: например, над палубой правого корабля нанесено 15 округлых лунок, что могло соответствовать половине месяца. Однако подобные выкладки требуют исключительной точности в подсчете значимых элементов, чего на данный момент гарантировать невозможно. Высказывалось также мнение, что с помощью подобных каверн могли обозначать количество матросов на судне, либо (как вариант) – символизировать их души, если считать, что композиция отражает путешествие кораблей не в реальном океане, а в потустороннем мире.

Ближайшие аналогии петроглифам Макао мы находим, как и следовало ожидать, вблизи соседнего г. Чжухай, пров. Гуандун (рис. 2). Также выбитые и прочерченные на скальной поверхности, развернутой к бухте Баоцзинвань, они изображают целую флотилию судов того же типа, что представлены на петроглифах Макао: с закрытой палубой, высокими носом и кормой; один из них – возможно, с мачтой и прямоугольным парусом [Чэнь Чжаофу, 2002. С. 159]; при желании в выбивках по борту кораблей можно увидеть порты для весел (или арбалетов – ?), якорь, румпель – но подтвердить наличие этих конструктивных деталей сложно. На палубе изображены человеческие фигуры, некоторые – в позе адорантов, как нередко изображали пассажиров лодок в наскальном искусстве на многих памятниках наскального искусства Евразии. Возможно, эти фигуры могут послужить связующим звеном между выбитыми приморскими петроглифами и рисованными писаницами Хуашань, где подобные изображения становятся преобладающими (см.: [Комиссаров и др., 2018]). Встречаются на гуансийских писаницах и изображения лодок, но очень простые [Чэнь Чжаофу, 2008. С. 292–293], отличающиеся от палубных кораблей Макао и Чжухая.

вой [2008], текст памятника оформился в эпоху Шести династий (III–VI вв.); в нем могли объединить сведения о каком-то реальном походе и представления о шаманском путешествии (ю), нашедших отражение в творчестве южных (чуских) поэтов, прежде всего, Цюй Юаня.

Рис. 2. Петроглифы Гаоланьдао, г. Чжухай (оригинальные размеры панно 5 × 3 м).
По: [Чэнь Чжаофу, 2008. С. 199]

Fig. 2. Petroglyphs in Gaodandao, Zhuhai (original dimensions 5×3 m).
According [Chen Zhaofu, 2008, p. 199]

Письменные источники содержат немало сведений об использовании больших лодок – как грузовых, так и военных – на всем протяжении эпохи Чжоу, начиная с подготовки знаменитой битвы при Муе. Особо отмечаются в качестве искусных моряков и кораблестроителей жители прибрежных царств У и Юэ. Их суда отличались значительной специализацией и большими размерами. Дай Усань со ссылкой на «Юэцзюэ шу»⁷ приводит текст беседы усского царя Хэлюя (514–496 гг. до н. э.) с советником У Цзысюем, в которой перечисляются основные типы боевых кораблей и их использование в сражении: *даи* – как колесницы, *сяои* – как легкие колесницы, *тумао* – как таран, многопалубные суда – как разведывательный экипаж, *цяочуань* – как легкая кавалерия. Приводятся также основные размеры, очевидно, самого большого судна-*даи*: 27,6 м × 3,68 м (в пересчете на современные меры), с общим числом команды и десанта 91 человек [Dai Wusan, 2015, p. 437–445].

Важно отметить, что для изображений судов, помимо петроглифов, существует иная изобразительная традиция – многочисленные гравировки лодок и кораблей на бронзовых изделиях, прежде всего, на так называемых барабанах, которые имели широкое распространение по всему Южному Китаю и Юго-Восточной Азии в эпоху позднего бронзового – раннего железного века. Они являются своеобразным индикатором донгшонско-дяньской культурной общности – сложного этнокультурного формирования, объединившего множество различ-

⁷ «Юэцзюэ шу» (Книга о конце государства Юэ), собрание исторических материалов (в разделе «смешанных историй»), вероятно, составлено Юань Каном и У Пинем, литераторами при династии Восточная Хань. Состоит из 15 глав, посвященных в основном истории борьбы государства У за гегемонию в конце периода Чуньцю – начале периода Чжаньго. Дошло до наших дней в составе более поздних компиляций. См.: Юэцзюэ шу [越绝书] // Электрон. энциклопедия «Байкэ» [百科]. URL: <https://baike.baidu.com/item/越绝书/4784466?fr=aladdin> (дата обращения 01.01.2020).

ных культур и племен (см., например: [Молодин и др., 2015. С. 6–9]), в развитии которых значительную роль играл морской / речной транспорт [Jusoh, 2013]. Из-за комбинированного состава сложно определить точную дату этого явления, которое в самом общем плане существовало в период с середины I тыс. до н. э. и почти до середины I тыс. н. э. Существует определенное конструктивное сходство больших лодок (высокая корма, выделенный бушприт, палубные надстройки), представленных в петроглифах, с аналогичными гравировками на бронзовых барабанах так называемого шичжайшаньского типа (см., например: [Чэнь Юаньчжан, 2016. С. 27–28]). Эта аналогия, хотя и не очень близкая, помогает наметить примерную дату петроглифов Макао и Чжухая – в пределах двух-трех веков до и двух веков после рубежа эр, а также их этнокультурную атрибуцию (одно из объединений *боюэ*). Стилистическое единство этих изображений с петроглифами Гонконга и Тайваня не противоречит таким предположениям. В то же время они значительно отличаются от материковых петроглифов (типа Хуашань и др.), хотя между ними можно найти и отдельные точки соприкосновения.

Список литературы

- Варенов А. В.** Изображение тигров в горах Хэланьшань: аналогии и датировки // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии: Сб. науч. ст. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2018. С. 246–250.
- Дэвлет М. А.** Петроглифы на дне Саянского моря (Гора Алды-Мозага). М.: Памятники ист. мысли, 1998. 286 с.
- Комиссаров С. А., Черемисин Д. В., Кудинова М. А.** Самая большая писаница Китая // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии: Сб. науч. ст. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2018. Вып. 2. С. 367–369.
- Кравцова М. Е.** Му тянь цзы чжуань // Духовная культура Китая: Энцикл.: В 5 т. М.: Вост. лит., 2008. Т. 3: Литература. Язык и письменность. С. 361–364.
- Молодин В. И., Полосьмак Н. В., Комиссаров С. А., Азаренко Ю. А.** Культура Дянь (Диен) как вариант донгшонской цивилизации // Развитие территорий. 2015. № 1. С. 6–12.
- Dai Wusan.** Communication Technology. In: A history of Chinese science and technology. Ed. by Lu Yongxiang. Shanghai; Berlin; Heidelberg, Shanghai Jiao Tong Press; Springer-Verlag, 2015, vol. 3, p. 405–514.
- Jusoh A., Sauman Y., Abdul Rahman N. H. S. N., Ramli Z.** The significance of the boat motifs on bronze drums and its relationship with the socio-culture of the people of the late prehistoric period. *The social sciences (Faisalabad)*, 2013, vol. 8, iss. 4, p. 319–326.
- Magar V.** Study project of the preservation of nine rock art carvings in Hong Kong: Consultancy agreement report. Rome, 2010. 64 p. In: Web-site of Antiquity advisory board, Antiquity and monuments office, The government of the Hong Kong special administrative region of the PRC. URL: https://www.amo.gov.hk/form/AAB_21_2011-12_r2.pdf (retrieved at 01.01.2020).
- Tate V. D.** Smooth on the water and easy on the eye. *The New York Times*, 12.03.1972, p. 18.
- Vidal P.** L'art rupestre en péril: Un patrimoine mondial à sauver. Perigeux, Pilote 24 edition, 2001, 128 p.
- Worcester G.** The junks and sampans of the Yangtze River. Annapolis, MD, Naval Institute Press, 1971, 626 p.
- Тянь Чжаоюань.** Лунь дуань цзесу юй миньсу чжоучуаньдэ пуси [田兆元. 论端午节俗与民俗舟船的谱系 // 社会科学家]. Об обычаях на празднике Дуань и родословная кораблей-лодок с позиции народных обычаев // Шэньхуэй кэсюэцзя. 2016. № 4. С. 7–13.
- Чэнь Чжаофу.** Гудай яньхуа [陈兆复. 古代岩画]. Древние петроглифы. Пекин: Вэньчу-баньшэ, 2002. 248 с.

- Чэнь Чжаофу.** Чжунго яньхуа фасянь ши [陈兆复。中国岩画发现史]. История открытия петроглифов в Китае. Шанхай: Шанхай жэньминь чубаньшэ, 2008. 437 с.
- Чэнь Юаньчжан.** Цзоцзян хуашань яньхуа юй лоюэ юанью као [左江花山岩画与骆越缘由考 // 中国文化遗产]. Писаницы Хуашань в районе Цзоцзян как причина для изучения племен лоюэ // Чжунго вэньхуа ичань [Культурное наследие Китая]. 2016. № 4. С. 24–32.

References

- Chen Yuanzhang.** Zuojiang huashan yanhua yu yuanyou kao [左江花山岩画与骆越缘由考 // 中国文化遗产]. Huashan rock-paintings in the region of Zuojiang as the reason for investigation of luoyue tribes. *Zhongguo wenhua yichan [Cultural heritage of China]*, 2016, no. 4, p. 24–32. (in Chin.)
- Chen Zhaofu.** Gudai yanhua [陈兆复。古代岩画]. Ancient petroglyphs. Beijing, Wenwu chubanshe, 2002, 248 p. (in Chin.)
- Chen Zhaofu.** Zhongguo yanhua faxian shi [陈兆复。中国岩画发现史]. A history of petroglyphs' discovery in China. Shanghai, Shanghai renmin chubanshe, 2008, 437 p. (in Chin.)
- Dai Wusan.** Communication Technology. In: A history of Chinese science and technology. Ed. by Lu Yongxiang. Shanghai; Berlin; Heidelberg, Shanghai Jiao Tong Press; Springer-Verlag, 2015, vol. 3, p. 405–514.
- Devlet M. A.** Petroglyfy na dne sayanskogo morya (Gora Aldy-Mozaga) [Petroglyphs at the bottom of Sayan sea (Mt. of Aldy-Mozaga)]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoi mysli, 1998, 286 p. (in Russ.)
- Jusoh A., Sauman Y., Abdul Rahman N. H. S. N., Ramli Z.** The significance of the boat motifs on bronze drums and its relationship with the socio-culture of the people of the late prehistoric period. *The social sciences (Faisalabad)*, 2013, vol. 8, iss. 4, p. 319–326.
- Komissarov S. A., Cheremisin D. V., Kudinova M. A.** Samaya bol'shaya pisanitsa Kitaya [The largest site of rock-paintings in China]. In: *Sovremennye resheniya aktual'nykh problem evraziiskoi arkheologii [Modern solutions of actual problems of Eurasian archaeology]*. Collection of papers. Barnaul, Altai University Press, 2018, iss. 2, p. 367–369. (in Russ.)
- Kravtsova M. E.** Mu tian zi zhuan. In: *Dukhovnaya kul'tura Kitaya [Spiritual culture of China]*. Encyclopedia. In 5 vols. Moscow, Oriental literature Publ., 2008, vol. 3: Literatura. Yazyk i pis'mennost' [Literature. Language and writing system], p. 361–364. (in Russ.)
- Magar V.** Study project of the preservation of nine rock art carvings in Hong Kong: Consultancy agreement report. Rome, 2010. 64 p. In: Web-site of Antiquity advisory board, Antiquity and monuments office, The government of the Hong Kong special administrative region of the PRC. URL: https://www.amo.gov.hk/form/AAB_21_2011-12_r2.pdf (retrieved at 01.01.2020).
- Molodin V. I., Polosmak N. V., Komissarov S. A., Azarenko Yu. A.** Kul'tura Dyan' (Dien) kak variant dongshonskoi tsivilizatsii [Dian (Diene) culture as a variant of the Dodgson civilization]. *Razvitie territorii [Territory development]*, 2015, no. 1, p. 6–12. (in Russ.)
- Tate V. D.** Smooth on the water and easy on the eye. *The New York Times*, 12.03.1972, p. 18.
- Tian Zhaoyuan.** Lun duanwu jiesu yu minsu zhouchuande puxi [田兆元。论端午节俗与民俗舟船的谱系 // 社会科学家]. On the tradition of Duanwu Festival and on the boats' genealogy from the point of view of people's customs. *Shehui kexuejia [Social Scientist]*, 2016, no. 4, p. 7–13. (in Chin.)
- Varenov A. V.** Izobrazhenie tigrov v gorakh Khelan'shan': analogii i datirovki (Tigers' images in the Helanshan Mountains, their analogies and dating). In: *Sovremennye resheniya aktual'nykh problem evraziiskoi arkheologii (Modern decisions for actual problems of Eurasian archaeology: collection of papers)*. Barnaul, Altai State University Press, 2018, p. 246–250. (in Russ.)

- Vidal P.** L'art rupestre en péril: Un patrimoine mondial à sauver. Perigeux, Pilote 24 edition, 2001, 128 p.
- Worcester G.** The junks and sampans of the Yangtze River. Annapolis, MD, Naval Institute Press, 1971, 626 p.

Материал поступил в редколлегию
Received
25.12.2019

Сведения об авторах

Комиссаров Сергей Александрович, кандидат исторических наук, профессор кафедры востоковедения Гуманитарного института НГУ, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия)
sergai@mail.ru

Черемисин Дмитрий Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия)
topsy@bk.ru

Information about Authors

Sergei A. Komissarov, PhD, Professor of Department of Oriental Studies, Novosibirsk State University, Senior Research Fellow, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation)
sergai@mail.ru

Dmitry V. Cheremisin, PhD, Senior Research Fellow, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation)
topsy@bk.ru

УДК 327

DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-4-124-128

Центральная Азия: современные проблемы безопасности

В. Н. Пластун

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Рассматриваются проблемы безопасности Центрально-Азиатского региона, тесно связанные с продолжающейся войной в Афганистане. Автор излагает свое понимание термина «безопасность государства», в который включаются проблемы вооруженных сил и органов безопасности, в первую очередь отвечающих за борьбу с терроризмом и сепаратизмом. Однако за этим стоит и понимание текущего состояния экономики, межэтнических отношений, сохранность природных ресурсов, соблюдение баланса интересов в сфере международных отношений. В частности, дается оценка взаимоотношениям стран Центральной Азии (ЦА) и Китая в связи с реализацией проекта «Один пояс – один путь». Обстановка в регионе характеризуется высокой степенью напряженности в соседнем Афганистане, где продолжается вооруженные конфликты как между различными местными противоборствующими силами, так и американскими войсками и талибами. Боевые действия на территории Афганистана представляют собой непосредственную угрозу для соседних государств ЦА.

Ключевые слова

Центральная Азия, Китай, Афганистан, Соединенные Штаты, безопасность, талибы, Россия, ОДКБ

Для цитирования

Пластун В. Н. Центральная Азия: современные проблемы безопасности // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 4: Востоковедение. С. 124–128. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-4-124-128

Central Asia: The Current Security Issues

V. N. Plastun

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The article discusses the security problems of the Central Asian region, closely related to the ongoing war in Afghanistan. The author sets out his understanding of the term “state security”, which includes the problems of the armed forces and security agencies, primarily responsible for the fight against terrorism and separatism. However, there is also an understanding of the current state of the economy, interethnic relations, the preservation of natural resources, and the balance of interests in international relations. In particular, an assessment is given of the mutual relations between the countries of Central Asia and China in connection with the implementation of the project “One belt – one way”. The situation in the region is characterized by a high degree of tension in neighboring Afghanistan, where armed conflicts continue between various local opposing forces, as well as American troops and the Taliban. Fighting in Afghanistan is an immediate threat to neighboring Central Asian states. In connection with the dangerous insecurity in Afghanistan, which negatively affects the situation in the entire Central Asian region, it is necessary to note the positive role of the Chinese leadership in its attempts to contribute to the settlement of the conflict. Beijing, interested in implementing its various infrastructure projects, provides its own platform for meetings between representatives of the warring parties, promoting mutual understanding.

© В. Н. Пластун, 2020

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 4: Востоковедение
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2020, vol. 19, no. 4: Oriental Studies

Keywords

Central Asia, China, Afghanistan, the United States, security, the Taliban, Russia, the Collective Security Treaty Organization

For citation

Plastun V. N. Central Asia: The Current Security Issues. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 4: Oriental Studies, p. 124–128. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-4-124-128

Вопросы безопасности региона Центральной Азии (ЦА) стали актуальными еще со времен развала СССР. Ситуация обострилась после военного переворота в Афганистане (1978), свержения монархии в Иране (1979), ввода советских войск в Афганистан (1979) и их вывода (1989), вторжения войск США и НАТО в Афганистан (2001), где они и пребывают до сих пор.

В современной исторической литературе чаще всего встречаются такие определения центрально-азиатского региона, как «Центральная Азия», «Средняя Азия», а также «политкорректный» термин «постсоветская Центральная Азия». Академические издания указывают на три метода определения границ региона: 1) физико-географический и климатологический; 2) экономический и 3) современный политико-географический. Средняя Азия – общее название для Республики Казахстан, Киргизской (Кыргызской) Республики, Республики Таджикистан, Республики Туркменистан и Республики Узбекистан.

По определению ЮНЕСКО, «регион включает Монголию, Западный Китай, Пенджаб, северную Индию и северный Пакистан, северо-восточный Иран, Афганистан, районы азиатской России южнее таежной зоны и пять бывших советских республик Средней Азии»¹. В данной статье мы будем придерживаться определения ЮНЕСКО.

Обычно в термин «безопасность государства» включаются проблемы вооруженных сил и органов безопасности, на которых возлагается ответственность за борьбу с терроризмом, сепаратизмом. Однако за этим стоит и понимание текущего состояния экономики, межэтнических отношений, сохранности природных ресурсов, соблюдение баланса интересов в сфере международных отношений. Таким образом, оценка безопасности государств ЦА не может ограничиваться лишь внешней угрозой со стороны транснационального исламистского терроризма и ячеек внутренних исламистов.

Во главе неожиданно ставших независимыми бывших советских республик оказались руководители компартий этих стран. Им пришлось иметь дело с неравномерностью экономического развития, социальным неравенством, размытостью государственных границ и т. д. Новые проблемы стали катализатором обострения межнациональных отношений и роста социальных противоречий. В отдаленных районах Таджикистана и Киргизии велик уровень бедности, там очень сложно найти работу. «Средний класс» сосредоточен в столицах и крупных городах. Такая ситуация, естественно, вызывает социальные и политические риски. На этом фоне активизировали свою деятельность радикальные религиозные организации, последовала криминализация общества и вал объемов контрабанды наркотиков. Это нередко приводило к межгосударственным (даже вооруженным) конфликтам, введению визового режима².

В последние годы увеличился поток трудовых мигрантов в Россию, что создавало конкуренцию коренному населению. В связи с этим отношение к мигрантам из Азии принимает негативный характер и провоцирует рост недовольства. С одной стороны, выход для стран ЦА можно было бы найти в строительстве, но, с другой – это требует инвестиций. Их готов

¹ Центральная Азия и Средняя Азия // Сайт Академик.ру: URL <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/24738> (дата обращения 29.12.2019).

² Деркул О. Как вырваться из сетей исламистов, коррумпированных чиновников и мафии // Ритмы Евразии. 28.03.2019. URL: <https://www.ritimeurasia.org/news--2019-03-28--kak-vyrvatsja-iz-setej-islamistov-korrumpirovannyh-chinovnikov-i-mafii-41825> (дата обращения 28.12.2019).

предоставить Китай, «но его экономическое проникновение в регион сталкивается с растущими антикитайскими настроениями, особенно в Казахстане и Киргизии»³. Такая ситуация может вызвать нарастание социально-политической нестабильности и распространение радикального ислама, т. е. речь идет об угрозах безопасности. Однако стоит внимательнее разобраться в ситуации.

Сегодня Пекин проводит прагматичную внешнюю и внешнеэкономическую политику. Ее суть – максимальное отстранение от внутривосточных конфликтов в странах-партнерах по реализации Инициативы «Один пояс – один путь» (ОПОП). В то же время нельзя не заметить – партнеры в лице местных элит в ЦА, вначале с воодушевлением воспринявшие идею ОПОП, вскоре поняли, что получение китайских инвестиций налагает на местные власти дополнительные обязательства. По сути, пишет И. Панкратенко, «присоединение к “Поясу и пути” стало для многих столиц [ЦА] экзаменом на зрелость»⁴.

Речь идет и о коррупции, которая заставила руководство КНР создать в Национальной надзорной комиссии специальный департамент для наведения порядка в этой области. Ведь ОПОП – это проект, направленный в первую очередь на развитие самого Китая. Китайский бизнес стремится извлечь прибыль для себя. Отсюда и нерегулируемое освоение ресурсов территорий реализации проекта, стремление максимально привлечь трудовые ресурсы из Китая и загрузить заказами в первую очередь именно китайскую экономику.

Поэтому прав И. Панкратенко, отмечая, что проявляющаяся временами недоброжелательность со стороны местного населения – «это далеко не просто неприязнь к китайцам... Это еще и инструмент, которым местная элита все активнее пользуется в борьбе с центральными властями за собственную «кормовую базу»»⁵.

Самый серьезный фактор, влияющий на безопасность ЦА, – продолжающийся многолетний конфликт в Афганистане. США вынуждены пойти на переговоры с «Движением талибан» (ДТ), так и не добившись триумфа в боевых действиях. Предполагаемый вывод американских войск, в свою очередь, уже приводит к обострению обстановки на границах стран Центральной Азии. Речь не идет об угрозе странам региона со стороны ДТ, а о тех боевиках – выходцах из центрально-азиатского региона, которые после разгрома основных сил ИГ в Сирии были перенаправлены в северные области Афганистана. По имеющимся данным, в приграничных районах ЦА сосредоточены боевики из Узбекистана, Таджикистана, Кыргызстана и России, включающие членов террористических группировок, запрещенных в странах СНГ. К ним нужно добавить отряды боевиков из группировок «Ансаруллах», «Исламское движение Восточного Туркестана» (ИДТВ), «Исламское движение Узбекистана» (ИДУ) и «Исламское государство провинции Хорасан» (ИГПХ, филиал ИГ)⁶.

Проблемы экономики и социальной сферы тесно связаны с противодействием росту терроризма, наркоторговли, организованной преступности и межнациональных противоречий. Поэтому меры по безопасности Центральной Азии требуют комплексного подхода.

Особую роль в защите безопасности и практическом урегулировании конфликтов призвана сыграть Организация договора о коллективной безопасности (ОДКБ), созданная 14 мая 2002 г. и объединившая Армению, Белоруссию, Казахстан, Киргизию, Россию и Таджикистан⁷.

В сфере военного сотрудничества в 2001 г. в рамках ОДКБ были сформированы Коллективные силы быстрого развертывания (КСБР ЦАР). С 2003 г. на территории государств-чле-

³ Шустов А. Бедность в Центральной Азии: угрозы для основ евразийской интеграции // Ритмы Евразии. 12.11.2019. URL: <https://www.ritmeurasia.org/news--2019-11-12--bednost-v-centralnoj-azii-ugrozy-dlja-osnov-evrazijskoj-integracii-45891> (дата обращения 22.12.2019).

⁴ Панкратенко И. Н. Центральная Азия: шесть лет с «поясом» и по «пути» // Независимая газета. 15.09.2019. URL: http://www.ng.ru/dipkurer/2019-09-15/11_7676_dip02.html (дата обращения 16.09.2019).

⁵ Там же.

⁶ Деркул О. Как вырваться из сетей...

⁷ Организация Договора о коллективной безопасности // РИА Новости. 28.11.2019. URL: <https://ria.ru/20191128/1561602865.html> (дата обращения 24.12.2019).

нов ОДКБ проводится международная комплексная антинаркотическая операция «Канал». Итог последнего этапа операции «Канал-Центр» (26 февраля – 1 марта 2019 г.): из незаконного оборота изъято 11,5 т наркотиков, выявлено 784 наркопреступления. Наркобизнес сверхдоходен и поэтому «может легко превратить маргинальные религиозно-политические течения в реальную силу, способную вербовать сторонников не только идеологией, но и финансовыми стимулами»⁸. Следовательно, для стран ЦА борьба с наркотрафиком превращается в вопрос национальной безопасности. Еще одно мероприятие, проводимое в рамках ОДКБ (операция «ПРОКСИ»), – выявление информационных ресурсов, направленных на разжигание национальной и религиозной розни и распространение идей террористической и экстремистской направленности⁹.

В конце ноября 2019 г. в Ташкенте состоялся саммит руководителей стран региона, который показал, что, несмотря на все внутренние различия, они продолжают ценить свою общую идентичность. Подводя итоги встречи, СМИ отмечали, что проявилось самое важное – «взаимный интерес к решению неотложных проблем по обеспечению водой, которой традиционно не хватает в Центральной Азии, по поставкам электроэнергии, по миграции, по... коммуникациям, по безопасности, связанной с ситуацией в соседнем Афганистане»¹⁰.

В то же время «лидеры собравшихся стран явно дали понять, что никаких планов по созданию какой-либо новой региональной интеграционной или, упаси боже, военной структуры нет и в помине»¹¹. При этом они сохраняют взаимовыгодные отношения с Россией, Китаем, США и ЕС, с экономиками Юго-Восточной Азии, поскольку именно там они могут обрести источники инвестиций и высоких технологий.

Сотрудничество стран ЦА с Россией дополняет стратегическую бюджетную и социальную устойчивость как минимум трех стран региона – Киргизии, Таджикистана и Узбекистана, так как в РФ работают около пяти миллионов трудовых мигрантов из этих стран, которые ежегодно отсылают домой до 10 млрд долл. Киргизия и Таджикистан нуждаются и в военнотехническом содействии России. Хотя, как отмечают некоторые журналисты, «зависимость региона от России по обеспечению безопасности в условиях террористических угроз, исходящих от структур радикального исламизма... начинает восприниматься там с нарастающим раздражением»¹².

Нельзя не заметить, что Вашингтон стремится найти себе место в регионе, отеснив Россию и Китай. В декабре 2019 г. в США состоялись переговоры министра иностранных дел Казахстана М. Тлеубердина с госсекретарем М. Помпео, а также с руководством Совета национальной безопасности (СНБ) и штаб-квартиры Всемирного банка (ВБ) и Citigroup. Вицепрезидент ВБ по Европе и Центральной Азии С. Мюллер сообщил о новой стратегии двустороннего партнерства, рассчитанной на дальнейший приток в Казахстан внешних инвестиций. Судя по содержанию переговоров, американская стратегия рассчитана на столкновение интересов Москвы и Пекина, помещая в центр афганскую проблему. США «намерены добиться такого урегулирования в Афганистане, которое позволило бы «включить эту страну в “более широкий” региональный контекст»¹³. А это грозит «экспортом» в ЦА афганской нестабильности. В связи с этим стоит обратить внимание на тот факт, что в ходе брифинга во время визита М. Тлеубердина представители США подняли тему репатриации воевавших в Сирии

⁸ Подробно см.: Каким боевикам Афганистана интересна Центральная Азия? // Сайт 365info.kz. 18.03.2019. URL: <https://365info.kz/2019/03/kakim-boevikam-afganistana-interesna-tsentrlnaya-aziya> (дата обращения 05.01.2020).

⁹ Организация Договора о коллективной безопасности // РИА Новости. 28.11.2019. URL: <https://ria.ru/20191128/1561602865.html> (дата обращения 24.12.2019).

¹⁰ Дубнов А. Пятеро в лодке, не считая России // The Insider. 19.12.2019. URL: <https://theins.ru/opinions/arkadij-dubnov/193202> (дата обращения 24.12.2019).

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Павленко В. США активизируются на среднеазиатском направлении // ИА Регнум. 15.12.2019. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2808096.html> (дата обращения 04.01.2020).

и Ираке боевиков из Средней Азии, приведя в качестве примера Казахстан, который вернул и адаптировал около 600 бывших игиловцев с членами их семей. Это вызывает опасение активизации создаваемых в ЦА в рамках адаптации «спящих» ячеек террористов, связанных с афганскими «братьями по оружию».

Пока конфликт в Афганистане не урегулирован, пока там находятся и активно ведут боевые действия войска США, говорить о безопасности в ЦА было бы опрометчиво. Было бы также ошибкой полагать, что с выводом иностранных войск в Афганистане и на границах ЦА наступит мир, поскольку противоборствующие стороны – США, ДТ, правительство ИРА и группировка ИГПХ – не склонны проявлять уступчивость. Американские эксперты делают такой вывод: «Войска США должны оставаться, пока ведутся переговоры между талибами и афганским правительством, и начинается процесс урегулирования. Мы должны честно признать реальность того, что этот процесс, вероятно, займет годы, но было бы опасной ошибкой существенно сокращать возможности США в стране до достижения этой цели»¹⁴.

Действительно, представители США продолжают вести переговоры с «Движением талибан», однако до решения проблемы, похоже, еще далеко. В этом свете нужно отдать должное позиции руководства КНР, которое прилагает максимум усилий в поисках компромисса между противоборствующими сторонами¹⁵.

В настоящий момент особых надежд на устойчивую безопасность центрально-азиатского региона возлагать не приходится. Итог развития событий, к сожалению, пессимистичный, но, исходя из заявленных интересов игроков в регионе, надежды на благополучный (хотя и весьма отдаленный) исход, вполне обоснованы.

Материал поступил в редколлегию

Received

13.01.2020

Сведения об авторе

Пластун Владимир Никитович, доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения Гуманитарного института НГУ (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)
orient@lab.nsu.ru

Information about the Author

Vladimir N. Plastun, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Oriental Studies, Humanitarian Institute of NSU (1 Pirogov St., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
orient@lab.nsu.ru

¹⁴ Chorchari J., Potter P., Javed A., Van Wie R. The high costs of a precipitous US withdrawal from Afghanistan // The Hill. 01.04.2020. URL: <https://thehill.com/opinion/international/476764-the-high-costs-of-a-precipitous-us-withdrawal-from-afghanistan> (дата обращения 05.01.2020).

¹⁵ See: Ansar Massoud. China Not a 'Real Player' in Afghanistan Development: Wells // ToloNews. 23.11.2019. URL: <https://tolonews.com/afghanistan/china-not-%E2%80%99real-player%E2%80%99-afghanistan-development-wells> (дата обращения 12.12.2019).

УДК 372.881.1

DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-4-129-136

建设内涵重实效 交流合作促发展 ——2019 年新西伯利亚国立大学孔子学院工作总结

毕新惠^{1,2}、尤·阿扎莲科²

¹ 新疆大学

中国新疆乌鲁木齐市

² 新西伯利亚国立大学

俄罗斯新西伯利亚市

摘要

新西伯利亚国立大学孔子学院在 2019 年度工作中注重内涵建设, 加强教学管理, 提高教学水平。本年度孔院顺利完成了既定教学任务, 成功举办了各类文化活动, 强化了合作院校之间的校际交流, 扩大了对外交往。今后, 孔院将继续努力协调好各方面工作, 提质增效, 进一步提升孔子学院在本地区的影响力。

关键词

孔子学院 主要成就 交流合作

Проект «Институт Конфуция» Новосибирского государственного университета в 2019 году

Би Синьхуэй^{1,2}, Ю. А. Азаренко²

¹ Синьцзянский университет
Урумчи, Китай

² Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

Аннотация

В 2019 г. проект «Институт Конфуция НГУ» продолжал осуществляться в рамках работы научно-образовательного и культурного центра «Институт Конфуция» гуманитарного института НГУ. Первого июля 2019 г. при участии делегации руководителей Синьцзянского университета состоялось празднование десятилетия проекта,

© Би Синьхуэй, Ю. А. Азаренко, 2020

ведущегося при международном сотрудничестве двух университетов и в который в настоящее время включены еще четыре российских вуза, по одному учреждению среднего профессионального и дополнительного образования, пять среднеобразовательных учреждений. При поддержке НОКЦ «Институт Конфуция» в 2019 г. начато обучение китайскому языку в Специализированном учебно-научном центре НГУ.

Штат сотрудников центра включал трех российских административных сотрудников, руководителя проекта с китайской стороны, трех китайских преподавателей и пять российских преподавателей; на всех вузовских площадках проекта в общей сложности работали 13 китайских преподавателей-волонтеров.

Для совершенствования подготовки преподавательских кадров центра проводится семинар перед началом учебного года, встречи для совместной подготовки к занятиям; старший преподаватель посещает занятия младших коллег, в установленные сроки собирает календарные планы занятий, планы занятий и презентации к ним; преподаватели посещают занятия друг друга с предоставлением отзывов, проводят открытые обычные и показательные занятия; осуществляется анкетирование слушателей курсов на предмет удовлетворенности оказываемыми преподавательскими услугами. В 2019 г. НГУ с целью обмена опытом посетили руководители и преподаватели институтов Конфуция РГГУ, ТГУ, НГТУ.

Для новосибирских преподавателей китайского языка проведен учебно-методический семинар; для преподавателей Урало-сибирского региона – Пятые краткосрочные курсы повышения квалификации с приглашением специалистов из Москвы, Владивостока, Пекина (более 50 участников).

Обучение на курсах китайского языка осуществляется с применением материалов российских методологов (главным образом Т. П. Задоев и Хуан Шуин), и разнообразных китайских учебно-методических комплексов. Наиболее популярные у слушателей учебные программы – комплексный курс китайскому языку первого-третьего лет обучения, разговорный язык уровней HSK 3-5, лексико-грамматические курсы для готовящихся к сдаче международных экзаменов. Китайские преподаватели по совместительству ведут занятия у студентов гуманитарного института, изучающих китайский язык в рамках профессиональных образовательных программ бакалавриата. Проводятся занятия-консультации для готовящихся к региональному этапу Всероссийской олимпиады школьников по китайскому языку. Общее количество обучающихся составило более 1900 чел.

В 2019 г. 19 обучающихся центра получили стипендии института Конфуция; один человек получил грант по линии «Новый план синологии» 新汉学计划 (совместная докторантура). Три новосибирских преподавателя по рекомендации центра прошли летние стажировки в вузах КНР. Летний языковой лагерь 2019 г. состоялся в Пекинском университете иностранных языков с выездом на родину Конфуция в Цюйфу (30 чел.); Синьцзянский университет взял на себя расходы по проезду за четырех студентов с наиболее выдающимися достижениями в китайском языке.

Проведено свыше 70 мероприятий учебной и культурной направленности с общим количеством участников около 11 000 человек. В их числе конкурсы центра и вузов-партнеров, подготовка обучающихся к участию в конкурсах других учреждений, региональному, российскому и всемирному конкурсам «Китайский язык – это мост», китайская секция Международной научной студенческой конференции НГУ, лекции известных китайских специалистов по искусству (Чжу Чжичжун) и философии (Чэнь Лай, Чжу Цзежэнь), художественные концерты и мастер-классы, передвижная выставка детской иллюстрированной литературы, выставки рисунков и фотографий, а также выставки и мероприятия, посвященные культуре чая; серия встреч студенческой делегации Синьцзянского университета со школьниками и студентами; встреча для руководителей городских библиотек, посвященная побратимству Новосибирска с китайскими городами Шэньян и Мяньян. Помимо образовательных учреждений-партнеров НГУ, соорганизаторами выступали Бердский историко-художественный музей, Дом культуры «Академия», библиотеки Новосибирска, Новосибирский государственный университет архитектуры и дизайна, ресторан китайской кухни, торгово-развлекательный комплекс. В сентябре 2019 г. при поддержке Института археологии и этнографии СО РАН центр успешно провел научно-практическую конференцию, посвященную истории и современным контактам вдоль Великого Шелкового пути с участием ученых из востоковедных центров России и китайских специалистов.

Ключевые слова

Новосибирск, Институт Конфуция, НГУ, обзор работы

Для цитирования

Би Синьхуэй, Азаренко Ю. А. Цзяньли нэйхань чжун шицзяо цзяолю хэцзо цу фачжань - 2019 нянь синьсиболия голи дасюэ кунцзы сюэюань гунцзо цзунцзе [毕新惠、Ю. А. Azarenko. 建设内涵重实效 交流合作促发展——2019 年新西伯利亚国立大学孔子学院工作总结]. Проект «Институт Конфуция» Новосибирского государственного университета в 2019 году (на кит. яз.) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 4: Востоковедение. С. 129–136. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-4-129-136

The 2019 Work Summaries of Confucius Institute at Novosibirsk State University

Bi Xinhui^{1,2}, Iu. A. Azarenko²

¹ Xinjiang University
Urumchi, China

² Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

The Confucius Institute at Novosibirsk State University focused on connotation construction, strengthened teaching management, and improved teaching level in its 2019 work. This year, the Confucius Institute successfully completed the established teaching tasks, successfully held various cultural activities, strengthened exchanges between Novosibirsk State University and Xinjiang University, and expanded foreign exchanges. In the future, the Confucius Institute will continue to work hard to coordinate all aspects of its work, improve quality and efficiency, and further enhance the influence of the Institute in the region.

Keywords

Confucius Institute, main achievements, exchanges and cooperation

For citation

Bi Xinhui, Azarenko Iu. A. The 2019 Work Summaries of Confucius Institute at Novosibirsk State University. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 4: Oriental Studies, p. 129–136. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-4-129-136

在国家汉办/孔子学院总部的正确领导下，在合作院校新疆大学的积极配合下，在中俄双方全体工作人员的努力下，新西伯利亚国立大学孔子学院 2019 年运行情况良好，各项工作均取得了预期的成果，现总结如下：

一、孔院基本情况

新西伯利亚国立大学孔子学院的前身为新西伯利亚国立大学孔子课堂，课堂于 2008 年 3 月 20 日签约，2009 年 7 月 5 日正式揭牌运营。现外方合作机构为新西伯利亚国立大学，中方合作机构为新疆大学。2011 年被评为先进孔子课堂，2018 年 7 月 12 日签约晋升为孔子学院，2019 年 7 月 1 日完成升级揭牌 [Би Синьхуэй, Азаренко, 2019]。

目前，新西伯利亚国立大学孔子学院共有 12 个教学点：5 所高校和 7 所中（小）学。分别是：新西伯利亚市新西伯利亚国立经管大学、西伯利亚管理学院、新西伯利亚第一师范专科学校；112 中学、179 中学、162 中学、121 中学、第 6 高级中学、130 中学、新西大附中（新）以及位于阿尔泰边疆区首府巴尔瑙尔市的阿尔泰国立大学和阿尔泰共和国首府戈尔诺-阿尔泰斯克的戈尔诺-阿尔泰斯克国立大学。

现任外方院长为新西伯利亚国立大学人文学院东方学教研室讲师尤莉娅·阿扎莲科（Юлия Азаренко），中方院长为新疆大学外国语学院副教授毕新惠。

2019 年, 中国国家汉办/孔子学院总部为孔子学院派遣公派教师 3 人, 汉语教师志愿者 13 人, 其中 3 名海外志愿者。新西国立大学为孔子学院配备行政人员 2 人, 本土汉语教师 5 人。

二、孔院工作主要成就

1. 紧抓汉语教学, 强化师资培训

孔子学院最重要的一项工作就是给世界各地的汉语学习者提供规范、权威的现代汉语教材; 提供最正规、最主要的汉语教学渠道。本年度孔院及下设教学点注册学员共计 1900 余人。为满足当地各类汉语学员的需求, 孔院开设了不同级别和类别的汉语课程, 有: 初级、中级、高级汉语, 口语、语法、阅读、HSK 和 HSKK 分级考试辅导等。文化课程有: 书法、国画等。主要使用的教材有: 《新实用汉语 1—4 册》、《新编汉语新目标》、《汉语口语速成》、各级 HSK 标准教程、《快乐汉语》、《发展汉语》、《博雅汉语》、《轻松学汉语》、《跟我学汉语》、《说汉语谈文化》、《汉语会话 301 句》等。在奖学金工作方面, 本年度孔子学院奖学金共录取 19 人(一学期 5 人; 一学年 10 人; 硕士 4 人), 录取“新汉学计划”博士 1 人。此外, 孔院还受新西伯利亚州教育厅委托, 完成了本年度全俄市级中学生奥林匹克汉语竞赛出题任务, 承办了区级中学生奥林匹克汉语竞赛的考试及阅卷工作。

为保证优质教学, 孔院指定专业教师负责教学工作, 开展了一系列教研活动。每学期开展一次期中教学检查, 开展 2-3 次集体备课, 全面检查在岗教师的教学工作。内容包括: 每位老师按照大纲规定编制所授全部课程的教学日历、教案和 PPT 课件并提交; 教师互相听课(不少于 4 节)并填写听课记录表; 向孔院每位学员征集学员意见表等。在此期间还开展了公开课、示范课等讲课活动。这些措施对提高课堂教学质量均有较好的促进作用。

为提升汉语教师传播中国语言文化的能力, 本年度孔院举办了一场本土汉语教师交流会(1 月 29 日)和一期本土汉语教师培训(6 月 9-14 日), 针对新任汉语教师和志愿者组织了岗前培训(9 月 13-15 日)。6 月 9-14 日, 孔子学院举办的第五届本土汉语教师培训, 特邀了培训专家——首都师范大学副教授林秀琴赴新西伯利亚国立大学做主讲嘉宾, 还邀请了远东联邦大学的纳·舍夫措娃教授、莫斯科国家研究大学“高等经济学院”的阿·马斯洛夫教授和莫斯科第 548 中学柳·科纽申科副校长分别做了专题讲座。来自俄罗斯 29 所大、中小学及培训中心共计 56 名本土汉语教师及孔院汉语教师和志愿者参加了此次培训。

2. 文化活动多样 比赛成绩突出

2019 年是中华人民共和国成立 70 周年和中俄建交 70 周年的重要年份, 也是孔子课堂揭牌运行十周年后顺利升级为孔子学院的重要年份, 本年度孔院举办了俄罗斯新西伯利亚国立大学孔子课堂成立十周年暨孔子学院升级揭牌仪式。孔院全年举办 70 余场精彩纷呈的文化活

动。辐射范围为新西伯利亚市、巴尔瑙尔市、戈尔诺-阿尔泰斯克市、托姆斯克市以及乌兰乌德市等。据统计 2019 年共有 11000 余人次参加了孔院活动。

本年度孔院常规文化活动有：开放日、科学日、孔院日、春节联欢会、中国电影汉语配音大赛、书法比赛、俄汉会话俱乐部、汉语诗歌朗诵比赛、各类中国文化体验课等。此外，孔院还积极开发了新项目，如：中国文化及汉语知识游戏竞赛、视频制作大赛“新西欢迎您”、中国民间趣味游戏活动等。国庆前夕孔院还积极组织安排了国庆节送祝福系列活动：西伯利亚管理学院的“为新中国庆生”活动、阿尔泰国立大学的“为中国送祝福”活动、112 中学的“美丽中国图片展”活动、“中俄友谊、童心相绘”中小学生绘画比赛、新西伯利亚国立大学“共赏美丽中国”主题摄影展等活动。

此外，本年度孔院承办了由孔子学院总部组织策划、中国第一汽车集团有限公司特别赞助的“中国孩子的书香世界”绘本巡展活动，活动为期 8 天，分别在新西伯利亚市五一区中心图书馆、新西伯利亚建筑设计艺术大学、112 中学和别尔茨克博物馆顺利举行，累计参展人数 600 余人。

这些丰富多彩的文化活动既有助于俄罗斯居民了解中国、了解中国文化，也有助于中俄学生增进友谊，促进两国文化交流和民心相通。

孔院的文化活动深受当地居民的欢迎，吸引了多家中俄新闻媒体的关注，并对其进行了积极报道¹。中国孔子学院总部官方网站 2019 年度投稿情况汇总表显示，我院投稿在欧洲排名中位列第六，俄罗斯第一。接下来，孔院将继续努力运营好微信公众号、抖音、新浪微博公众号和俄罗斯新西伯利亚国立大学孔子学院官方网站、VK 社交平台，不断扩大在当地的影响力。

在本年度的各类比赛活动中，我院学员参与热情高，表现出色。

汉语桥：在乌拉尔区大学生组的比赛中，我院选手分别获得了第三名和第五名，其中 1 人（瓦连京·佳温）获得全俄大学生比赛第五名。

奥林匹克汉语比赛：全俄区级中学生奥林匹克汉语比赛中孔子学院学员荣获第二名、第三名、第五名和第七名。

演讲比赛：在俄罗斯新西伯利亚国立技术大学举办的第十四届“西伯利亚万花筒”汉语演讲比赛中我院学生荣获初级组特别奖和第三名，中级组第二名。

¹ Чжунго Кунцзы сюэюань цзунбу гуаньфан ванчжань 2019 нянь тоугао цинкуан цзунхэбяо [中国孔子学院总部官方网站 2019 年度投稿情况汇总表]. Сводка по публикациям 2019 г. на официальном сайте Штаб-квартиры институтов Конфуция / Ханьбань. Режим доступа: <http://newsletter.tougao.hanban.org>.

“中国孩子的书香世界”绘本巡展。V. Cheliabin 摄影

Международная передвижная выставка детской иллюстрированной литературы. Фото В.Челябина

配音大赛：在俄罗斯新西伯利亚国立大学孔子学院举办的“西伯利亚地区大学生中国影视配音大赛”中我院 2 组选手荣获一等奖，2 组选手荣获二等奖，4 组选手荣获三等奖，1 人荣获最佳配音奖。

书法比赛：在俄罗斯新西伯利亚国立大学孔子学院举办的第六届“以书会友，翰墨飘香”大学生书法比赛中孔院学员囊括初级组和中级组所有奖项。在下设“112 中学”教学点举办第六届中小学生硬笔书法比赛中孔院学员荣获初级组和中级组全部奖项。

优秀论文评选大赛：在孔院与新西伯利亚国立大学人文学院东方学系联合举办的“2019 年新西伯利亚国立大学大学生国际学术研讨会——汉语分场”中，孔院学员中有 5 人获得优秀论文奖。参加此次研讨会的均为来自新西伯利亚市各高校汉语专业的高年级学生。

3. 搭建科研平台 促进校际交流

2019 年 4 月孔院协助人文学院举办了新西伯利亚国立大学大学生研讨会汉语分场，此外当月还协助西伯利亚管理学院举办了该校大学生外语学术研讨会汉语分场。同年 9 月孔院携手新疆大学和俄罗斯科学院西伯利亚分院考古与民族学研究所举办了第五届“俄罗斯、中国、丝绸之路：跨文化交际史”国际学术暨实践研讨会，有 50 余名来自中国、哈萨克斯坦、俄罗斯 16 所高校及研究机构的专家学者、中小学校长和骨干教师出席了会议并作了专题报告。孔子学院发挥所在机构的科研优势，出版学报 1 期：新西伯利亚国立大学学报 2019 年第 4 期（汉语专刊），编制了孔院十周年纪念册。中俄方工作人员共发表论文 26 篇。

中外大学的支持是孔院发展的基石和保障。为促进校际合作，本年度孔院中方合作院校新疆大学派遣领导代表团和大学生代表团访问了新西伯利亚国立大学。6月30日-7月3日由新疆大学副校长蒋海军率领的领导代表团对新西伯利亚国立大学进行了为期3天的访问。7月1日孔院中俄方理事在新西伯利亚国立大学召开了理事会，会后，代表团成员与大学相关院系领导进行了座谈，共商教育科研合作事宜。下午代表团参加了俄罗斯新西伯利亚国立大学孔子课堂成立十周年暨孔子学院升级揭牌仪式。7月2-3日代表团还受邀访问了新西伯利亚国立经济与管理大学、新西伯利亚国立师范大学、西伯利亚管理学院3所高校和112中学。4月末，新疆大学大学生代表团访问了孔子学院，参加了大学国际文化周系列活动。期间代表团受邀访问了孔院下设西伯利亚管理学院、市第162中学、112中学和121中学教学点，并进行了文化交流演出，参观了新西伯利亚国立经济与管理大学，并与该校学生进行了交流。

为突出孔院文化活动的中国特色，新疆大学还出资为孔院在中国采购运送了本年度所需的各类文化物品，如：活动奖品、服饰、月饼等。还资助了4名孔院优秀学员参加孔院赴华夏令营。

2019年7月8日-21日孔院组织了各教学点共30名学生参加了赴华夏令营，接待院校为北京外国语大学（新疆大学的对口支援院校）。营员们在北京和曲阜两地开展了汉语学习、中华文化体验、名胜古迹参观等活动。

在推进校际交流的同时，孔院还积极邀请中国国内知名专家学者访俄。9月北京外国语大学武瑗华教授和社科院考古所专家王鹏参加了孔子学院举办的国际学术研讨会；10月11日，华东师范大学中文系教授、“长江学者”朱志荣在新西伯利亚国立大学作了题为《汉画像的艺术》的学术报告。10月14日至15日，著名国学大家陈来、朱杰人来到俄罗斯新西伯利亚国立大学，为来自新西伯利亚国立大学、新西伯利亚国立师范大学、西伯利亚管理学院及孔子学院的师生作了精彩的中国国学报告。

此外，本年度孔院还接待了俄罗斯国立人文大学孔子学院、托姆斯克国立大学孔子学院、新西伯利亚国立技术大学孔子学院的中外方院长及老师的来访，孔院之间的交流互访有利于孔院教学和管理工作的互学互鉴。

尽管孔院在本年度的工作中取得了一定的成绩，但今后孔院仍需再接再厉。我们相信在孔子学院总部的大力支持和关怀指导下，在双方学校的共同努力下，孔子学院将紧紧依托《孔子学院发展规划（2012-2020年）》的总体要求 [К у н ц з ы с ю э ю а н ь ..., 2013]，加强内涵建设，努力提质增效，进一步提升孔子学院在本地区的影响力。

参考文献 / Список литературы

- Би Синьхуэй, Азаренко Ю. А.** Празднование десятилетия участия НГУ в международном проекте «Институт Конфуция» = 毕新惠、尤·阿扎连科。十载砥砺晋孔院，不忘初心创未来 ——记新西伯利亚国立大学孔子课堂十周年庆暨孔子学院升级揭牌仪式 // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 10: Востоковедение. С. 103–105.
- Кунцзы сюэюань фачжань гуйхуа [孔子学院发展规划 (2012 — 2020 年)] // 光明日报]. План развития институтов Конфуция (2012–2020 гг.) // Гуанмин жибао. 28 февр. 2013 г. С. 7.

References

- Bi Xinhui, Azarenko Ju. A.** Shi zai dili jin Kongyuan, bu wangji chuxin chuang weilai – ji Xinxiboliya guoli daxue Kongzi Ketang shi zhounian ji Kongzi Xueyuan shengji jiepai yishi = The Celebration of the 10th Anniversary of Novosibirsk State University Participation in Confucius Institute International project. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 10: Oriental Studies, p. 103–105. (in Chin.)
- Kongzi xueyuan fazhan guihua (2012-2010 nian) [The Development Plan of Confucius Institutes (2012-2020)]. *Guangming ribao*, 28.02.2013, p. 7. (in Chin.)

Материал поступил в редколлегию

Received

20.02.2020

Сведения об авторах

Би Синьхуэй, доцент Синьцзянского университета, преподаватель научно-образовательного и культурного центра Гуманитарного института Новосибирского государственного университета «Институт Конфуция», руководитель проекта «Институт Конфуция НГУ» с китайской стороны (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)
bixinhui27@163.com

Азаренко Юлия Анатольевна, старший преподаватель кафедры востоковедения, директор научно-образовательного и культурного центра Гуманитарного института Новосибирского государственного университета «Институт Конфуция» (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)
ci@nsu.ru

Information about Authors

Bi Xinhui, Assistant Professor of Xinjiang University, Chinese director of «Confucius Institute at NSU» project (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation; 666 Shengli Rd, Urumchi, 830046, Xinjiang, People's Republic of China)
bixinhui27@163.com

Iuliia A. Azarenko, senior teacher of the Chair of Oriental Studies, director of Research, Educational and Cultural Center “Confucius Institute” at the Institute for Humanities, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
ci@nsu.ru

УДК 82-391 + 821.581

DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-4-137-141

Чары и обаяние «тысячи и одной ночи» в старом Китае (Рецензия на новое издание китайского средневекового романа «Цзинь Пин Мэй, или Цветы сливы в золотой вазе»)

А. В. Филиппов

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация

Предлагаемая вниманию рецензия посвящена недавнему четырехтомному полному переводу на русский язык средневекового китайского романа «Цзинь Пин Мэй, или Цветы сливы в золотой вазе» (1994–2016). Являясь своего рода эротической сагой, изданное произведение может стоять в одном ассоциативном ряду с лучшими изданиями «Тысячи и одной ночи». Впечатляющее эпохальное сочинение описывает «семейную» жизнь торговца, всецело вверившегося стезе сластолюбия в кругу своих жён, любовниц и весёлых дев. Фундаментальное издание включает массив комментариев, примечаний, научных статей и оригинальных китайских гравюр. Рассматриваемое издание представляет собой существенно расширенное, переработанное и дополненное – подлинно научное издание (по сравнению с первой публикацией романа 1977 г.), подготовленное усилиями нескольких поколений отечественных китаеведов. Проект, осуществленный под руководством А. И. Кобзева (ИВ РАН, Москва), обеспечил для массового читателя возможность ознакомиться с уникальной и поучительной историей жизни старого Китая.

Ключевые слова

Цзинь Пин Мэй, Цветы сливы в золотой вазе, российское китаеведение, китайская эротика, средневековая литература, Кобзев

Для цитирования

Филиппов А. В. Чары и обаяние «тысячи и одной ночи» в старом Китае (Рецензия на новое издание китайского средневекового романа «Цзинь Пин Мэй, или Цветы сливы в золотой вазе») // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 4: Востоковедение. С. 137–141. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-4-137-141

Magic Spells and the Scent of Arabian Nights in Old China (A Review of the Recently Released Four Volumes of the Russian Edition of “Jin Ping Mei, or The Plum in the Golden Vase”)

A. V. Philippov

*St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russian Federation*

Abstract

The proposed review analyzes the recently released four volumes of the Russian translation of the mysterious medieval Chinese novel “Chin Ping Mei” (in Russian, “The Plum in the Golden Vase”). The lengthy story written as a semi-erotic romance, can be compared with the best editions of “Arabian Nights” (in Russian, “A Book of A Thousand and One Nights”). The impressive edition depicts the life story of a lustful Chinese merchant who has devoted himself to spending his days among his wives, concubines and other “divas of amusement”. The profound publication includes a great amount of comments, remarks, scientific articles and original engravings. The new, impressively expanded

(compared with the first 1977 edition in 2 volumes) scientific publication was prepared by several generations of Russian scholars in the field of Chinese studies. The editor-in-chief and supervisor of the project Artyom Kobzev (Moscow Institute for Oriental Studies) has provided a brilliant edition, having created an opportunity for a wider audience to become acquainted with a unique and educational history of ancient China.

Keywords

Jin Ping Mei, The Plum in the Golden Vase, Russian Sinology, Chinese erotica, medieval literature, A. I. Kobzev

For citation

Philippov A. V. (Rev.) The Magic Spell and the Scent of Arabian Nights in Old China (On the newly appeared Four Volumes' Russian authentic edition of Jin Ping Mei, or The Plum in the Golden Vase). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 4: Oriental Studies, p. 137–141. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-4-137-141

В 2016 г. завершился значимый проект для отечественного (и вероятно, международного китаеведения). Была закончена публикация полного перевода весьма скандального средневекового китайского романа «Цзинь Пин Мэй, или Цветы сливы в золотой вазе» в четырёх томах (а реально в пяти книгах)¹. Начало проекту было положено в далёком, как видится сегодня, 1994 г., когда были изданы первые три из пяти книг². Упомянем, что появление этого издания уже отмечалось позитивными отзывами востоковедного сообщества³.

Некогда для автора данной рецензии стала неожиданной находкой «Тысяча и одна ночь» в переводе М. Салье (издание 30-х, а затем рубежа 50–60-х гг. XX в.)⁴. Неповторимый срез персидско-арабской культуры с сюжетными линиями арабо-иудейского мира, персидскими, тюркскими и иными мотивами. Чарующий флер волшебных сказок о любви, странствиях и не только. Некая недоступность эротики в советском обществе была по-своему заполнена с появлением этого удивительно изящного и тонкого перевода. Издание подчеркивало и многожанровый характер произведения.

Примером столь же редкого живописания иной великой культуры, китайской – предстает и «Цзинь Пин Мэй», анонимный труд Ланьлинского насмешника, созданный во второй половине XVI в. На Дальнем Востоке китайская культура веками была ориентиром, культурой страны-наставника, Учителя. Это сравнимо со значением греко-римской культуры, составившей фундамент цивилизации Запада. Эротическая же привязка «Цзинь Пин Мэй» – повод для сопоставления с творениями японского мастера XVII в. Ихара Сайкаку о «мужчинах и женщинах, предавшихся любви». Возникают параллели для «Цветов сливы в золотой вазе» и благодаря иным шедеврам литературы, имеющим эротический окрас (от творений Овидия и «Декамерона» Джованни Боккаччо до сочинений Ги де Мопассана и Роберта ван Гулика, как минимум).

Сюжет романа построен вокруг перипетий личной жизни богатого гуляки по имени Симэнь Цин, описания его жизни с женами, наложницами и певичками из «веселых домов». Материальная обеспеченность главного героя позволила ему официально купить чиновничий пост (что важно для бюрократического общества традиционного Китая). Тем самым он обрел право на воплощение своекорыстных замыслов и погряз в злоупотреблениях. Описание жиз-

¹ С формальной точки зрения в издании 4 тома. При этом последний, 4 том, состоит из двух книг, т. е. реальных, физически существующих книг в этом издании пять.

² Цзинь, Пин, Мэй, или Цветы сливы в золотой вазе: Роман. В 4 т. / Пер. с кит. В. С. Манухин и др.; сост. и отв. ред. А. И. Кобзев. Иркутск: Улисс, 1994. Т. 1. 448 с.; Т. 2. 512 с.; Т. 3. 544 с.; ил.; Москва: ИВ РАН, 2016. Т. 4, кн. 1. 660 с.; Т. 4, кн. 2. 616 с.; ил.

³ См., например: *Войтишек Е. Э.* Триумф российской синологии (к завершению публикации знаменитого китайского романа XVI в. «Цзинь, Пин, Мэй, или Цветы сливы в золотой вазе») // Материалы 47-й научной конференции «Общество и государство в Китае» // Учен. зап. Отдела Китая ИВ РАН. М., 2017. Т. 47, ч. 2, вып. 23. С. 254–263.

⁴ Первый тираж полного перевода в восьми томах 1929–39 гг. с предисловием М. Горького и под редакцией И. Ю. Крачковского предопределил его раритетность. 2-е издание 1958–1960 гг. с тиражом в 300 тыс. экз. принесло книге истинную славу, сделав ее доступнее для советского читателя.

ни, посвященной удовлетворению сладострастия, демонстрирует борьбу и взаимодействие добра и зла, двух начал китайской натурфилософии *инь – ян*, законы кармического воздаяния за дурные либо достойные поступки действующих лиц. Читатель получает возможность погрузиться в нюансы традиционного понимания мироздания в старом Китае, понять важность опоры социума на «три учения» – буддизм, конфуцианство и дао. Мельчайшие нюансы и символика культуры Китая раскрываются перед читателем благодаря исчерпывающим комментариям исследователей и переводчиков. Примечания дают возможность осознать всю глубину сюжетных и прочих взаимосвязей с иными классическими памятниками китайской литературы, оценить умелое применение реалий жизни, быта, одежды, культуры в целом, даже если автор романа заимствовал их из другой эпохи.

Прекрасно подобранная библиотека была предметом гордости во все времена. Отдельным же произведениям выпала доля на протяжении веков слыть желанными для читателя. Порою такой судьбы достойны и конкретные издания той или иной книги. Выход нового издания «Цзинь Пин Мэй» означает, что вместо двухтомника издательства «Художественная литература» 1977 г. (и переиздания 1986 г.) появился внушительный четырехтомник – почти в три тысячи страниц. Новый полный перевод с двумя сотнями оригинальных китайских гравюр издан усилиями коллектива переводчиков и исследователей под руководством ответственного редактора Артема Игоревича Кобзева в 1994–2016 гг. Публикация включила переработанный и переосмысленный текст двухтомного перевода, блестяще выполненного Виктором Сергеевичем Манухиным (1926–1974). Публикация состоялась уже после его ухода из жизни, при этом пикантные моменты были сильно урезаны цензурой.

Новое издание основательно расширено, уточнено и дополнено. Название романа «Цзинь, Пин, Мэй, или Цветы сливы в золотой вазе» позволяет понять некоторые особенности его стилистики и жанра. Первые три слова представляют собой имена трех основных героинь, обитавших в доме своего «супруга и спонсора-покровителя» по имени Симэнь Цин. Имена всех трех дам несут в себе эротический подтекст (богатство-злато, ваза-сосуд, слива-сладострастие). На русском языке переводчик колоритно передал этот сложный контекст как «Цветы сливы в золотой вазе». То, что отдельные моменты сюжета и персонажи имеют пересечения со стародавней китайской классикой (скажем, «Речными заводями»), подчеркивает не вполне традиционную интерпретацию литературной традиции, значимо расширяя «исторические рамки» произведения. Здесь также можно найти некие параллели с историями книги «Арабских ночей» (как именуют «Тысячу и одну ночь» в Европе).

Неоднозначность отношения к «Цзинь Пин Мэй» как к скандальному произведению в разные периоды истории Китая дает возможность лучше понять жанровую специфику книги, в которой можно найти не только борьбу вечных истин добра и зла, но и эротику, и критику коррумпированной государственно-политической системы. Именно по политическим мотивам публикация сочинения длительное время была недопустима, даже ходившие по рукам неполные списки подвергали их хозяина опасности. Не удивительно, что создание рукописи приписывается разным авторам, и однозначно дешифровать псевдонимы, имеющие отношение к сочинению, по сей день невозможно.

История книги крайне сложна и окутана легендами. В начале XVII в., судя по всему, публикация состоялась, но вскоре тираж был уничтожен. Чуть позже, также в первой половине XVII в., роман был переработан и отредактирован под предлогом сделать его доступнее для читателей ряда областей Китая. В целом же книга была на нелегальном положении, и возможно, отдельные экземпляры пытались спасти от уничтожения за пределами Китая (так она попала в Японию). В начале 30-х гг. XX в. обнаружился чудом сохранившийся ранний ксилограф, приобретенный Пекинской библиотекой, и в конце концов его опубликовали в 1933 г.

История переводов книги также не проста. Еще в XVIII в. роман переводился на маньчжурский язык, а с него уже на монгольский. В XIX в. был переработан для японского читателя (а фактически переписан под японские реалии). «Цзинь Пин Мэй» переведен на целый

ряд европейских языков (английский, немецкий, французский, шведский, финский и др.), о чем писал Б. Л. Рифтин в предисловии к русскому изданию 1977 г. Отметим, что новому четырехтомнику предпослано не только оно, но и ряд других исследований (включая «авторское» послесловие, обширные приложения, комментарии, указатели и иные статьи, в том числе зарубежных специалистов). Они с разных сторон освещают историю появления произведения, вопросы авторства, жанровой специфики, иллюстративного ряда и даже приводят результаты текстологического анализа версий. Учитывая соединение в романе прозы, стихов, «романсов», наличие множества оригинальных гравюр – такие приложения к изданию, безусловно, важны для полноценного восприятия произведения.

Новое эпохальное издание полного текста «Цзинь Пин Мэй» подготовлено усилиями нескольких поколений китаистов, включая переводчиков стихов и прозы, редакторов, ученых, преподавателей: В. С. Манухин, А. И. Кобзев, О. М. Городецкая, В. С. Таскин, В. В. Зайцев, С. А. Торопцев, Г. Б. Ярославцев, Д. Н. Воскресенский, С. И. Блюмхен, А. Д. Дикарев, Б. Л. Рифтин, Л. П. Сычев, Н. А. Орлова, С. В. Никольская, А. А. Селезнев. Как верно заметили инициаторы данного проекта, это средневековый китайский «Декамерон», энциклопедия нравов. Выверенный перевод представляет несомненный интерес для читателей, интересующихся жанром классической эротики даже с точки зрения точности передачи соответствующей китайской терминологии – такой как игра «на флейте», в «тучку и дождик» и т. п. В то же время «энциклопедичность» романа заключена и в отражении бытовой сферы традиционного Китая. Более того, критика общества, «упадка нравов» в этом романе – впервые в китайской литературе – направлена не только на властные структуры, но и на семью, дом, быт. Тем более важно, что комментарии и приложения к изданию способствуют разноплановому восприятию и осмыслению нюансов китайской культуры, мифологии, истории и много другого.

Любопытно, что полная публикация текста столь «скандального и загадочного» романа и поныне под запретом в Китае, что отмечает А. И. Кобзев в первых же словах своего «Вводного слова». История выхода в свет российского четырехтомного издания (почти четверть века с 1994 по 2016 гг., в издательствах Иркутска и Москвы, в разгар перестройки) позволяет понять, каких сил и героизма это потребовало от инициаторов проекта. Три первых тома, выпущенных издательством «Улисс» в Иркутске в 1994 г., выделяет впечатляющий для того времени тираж в 25 тыс. экземпляров. К сожалению, заключительный 4-й том (состоит из двух книг), изданный в 2016 г. в Москве в издательстве Института востоковедения РАН при поддержке фонда РГНФ, не удалось выпустить так же массово – всего лишь 300 экземпляров в тираже. Однако главное, что издание состоялось. Это дает возможность обращаться к его переизданию в дальнейшем – шанс познакомиться с уникальным литературным шедевром для новых поколений читателей.

Думается, что «Цзинь Пин Мэй, или Цветы сливы в золотой вазе» – книга столь же исключительная, как и сказки «Тысячи и одной ночи», где можно прочесть несколько страниц, а затем отложить томик на несколько дней, недель или месяцев. При всем том канва сюжета и «настроения» в повествовании не ускользают. Вновь берешь книгу, и несколько минут возвращают тебя в ее мир. Нужно от всей души поблагодарить авторов уникального проекта за то, что они смогли подготовить это издание. Остается лишь надеяться, что переиздания также не заставят себя ждать. И если прекрасное переиздание «Тысячи и одной ночи» давно радует библиофилов на полках библиотек, то предложенное вниманию читателя новое издание «Цзинь Пин Мэй» скоро займет не менее почетное место на стеллажах восточной литературы.

*Материал поступил в редколлегию
Received
25.01.2020*

Сведения об авторе

Филиппов Александр Викторович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой японоведения, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

PhilAlex2005@mail.ru

Information about the Author

Alexander V. Philippov, Doctor in History, Head of Japanology dpt., St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

PhilAlex2005@mail.ru

УДК 39(510.2)
DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-4-142-146

О начале этнологии на Тайване
Рецензия на книгу:
Головачев В. Ц. «Экскурсия на Формозу»:
Этнографическое путешествие П. И. Ибиса.
М.: Весь Мир, 2019. 276 с., илл.

Ю. А. Азаренко¹, С. А. Комиссаров^{1,2}

¹ *Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

² *Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

В обзоре дается оценка недавно вышедшей в свет книги В. Ц. Головачева, которая посвящена этнографической экспедиции на Тайвань российского морского офицера и исследователя Пауля (Павла Ивановича) Ибиса в начале 1875 г. Тем самым он положил начало научному изучению материальной и духовной культуры аборигенов острова от эпохи палеолита до этнографической современности. В книге собраны все доступные в настоящее время архивные и опубликованные материалы, проведено их тщательное изучение. Благодаря работе В. Ц. Головачева приоритет России в исследовании этнологии Тайваня можно считать окончательно доказанным.

Ключевые слова

аборигены Тайваня, этнографическое путешествие, Пауль Ибис, историографический приоритет

Благодарности

Обзор выполнен при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-59-52002

Для цитирования

Азаренко Ю. А., Комиссаров С. А. О начале этнологии на Тайване. Рецензия на книгу: Головачев В. Ц. «Экскурсия на Формозу»: Этнографическое путешествие П. И. Ибиса. М.: Весь Мир, 2019. 276 с., илл. // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 4: Востоковедение. С. 142–146. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-4-142-146

On the Beginning of Ethnology at Taiwan
(Review of the book by V. Ts. Golovachev
“Excursion to Formosa: Ethnographical journey of P. I. Ibis”
Moscow, “Ves’ Mir” Publishing House, 2019, 276 p., il.)

Iu. A. Azarenko¹, S. A. Komissarov^{1,2}

¹ *Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

² *Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The review assesses the recently published book by V. T. Golovachev, dedicated to the ethnographic expedition of Russian naval officer and researcher Paul (Pavel Ivanovich) Ibis to Taiwan in early 1875. This expedition laid the

© Ю. А. Азаренко, С. А. Комиссаров, рец., 2020

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 4: Востоковедение
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2020, vol. 19, no. 4: Oriental Studies

foundation for scientific study of the material and spiritual culture of the island natives, from the Paleolithic era to ethnographical time. A thorough study of the book was conducted, as it contains all currently available archival and published materials. As a result of the work of V. T. Golovachev, Russia's priority in the study of Taiwan's ethnology can be considered conclusively proven.

Keywords

Taiwanese natives, ethnographic travel, Paul Ibis, historiographic priority

Acknowledgements

This review is prepared with financial support of RFBR, project No. 18-59-52992

For citation

Azarenko Yu. A., Komissarov S. A. On the Beginning of Ethnology at Taiwan (Review of the book by V. Ts. Golovachev "Excursion to Formosa: Ethnographical journey of P. I. Ibis", Moscow, "Ves' Mir" Publishing House, 2019, 276 p., il.). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 4: Oriental Studies, p. 142–146. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-4-142-146

Наука, по сути своей, интернациональна. И сделанные научные открытия – все равно открытия, вне зависимости от страны, в которой они состоялись. И в то же время многие из них имеют национальную «прописку» – не по содержанию, конечно, но по способам подготовки (организации), фиксации, адаптации и использования эти открытия несут приметы страны происхождения. И нам бывает очень приятно узнать, что то или иное достижение в науке совершил наш соотечественник. В данном случае речь идет о начале научного изучения аборигенов Тайваня, где безусловный приоритет принадлежит прапорщику корпуса флотских штурманов Паулю (Павлу Ивановичу) Ибису, эстонско-немецкого происхождения, родившемуся в Эстляндской губернии, но по воспитанию, образованию, убеждениям – русскому офицеру и ученому. Он провел, по сути, первую этнографическую экспедицию на Тайване, пройдя с юга на север вдоль западного берега, через поросшие лесом горы.

Сбор сведений об «инородцах» Тайваня осуществляли еще составители династических хроник и географических описаний средневекового Китая (см.: [Чигринский, 1993. С. 3–5]), а также испанские и голландские колонизаторы [Andrade, 2008, passim]. Однако данные эти были sporadическими, носили прикладной характер, затрагивали в первую очередь военную деятельность племен. Именно российскому ученому суждено было провести первое комплексное научное этнографическое исследование тайваньских аборигенов в январе-феврале 1875 г. Хотя он очень оперативно подготовил публикацию итогов своего «путешествия», и даже на двух языках, однако его статьи и само имя затерялись в обширных просторах литературы по географии и этнографии, которые были во второй половине XIX – начале XX в. в большой моде. Вероятно, их заслонили сообщения о более масштабных экспедициях его великих современников. Честь возвращения имени П. И. Ибиса и его произведений отечественной историографии принадлежит М. Ф. Чигринскому [1972]. К сожалению, ему удалось только найти текст статьи своего героя, опубликованной на немецком языке. Поэтому серия статей В. Ц. Головачева, появившаяся в научной периодике в последние несколько лет, стала новым этапом в изучении научного наследия П. Ибиса, поскольку изучение велось на качественно иной источниковедческой базе, включающей и все опубликованные работы изучаемого автора, и заново найденные архивные материалы. Посвященные П. Ибису две публикации Михаила Фальковича вошли в рецензируемую монографию в качестве приложения, а пять статей П. Ибиса объединены во вторую часть книги. Это позволяет читателям самостоятельно оценить всю важность научных достижений первого российского этнограф-тайваниста. Небольшая заметка П. Ибиса, посвященная айнам, дает представление об опыте его чуть более ранних этнографических наблюдений во время стоянки на Хоккайдо.

Конечно, появление на острове русского морского офицера не было случайным, а его интерес к удобным гаваням и особенностям рельефа, к хозяйственной деятельности и образу жизни местного населения имел не только академическую, но и выраженную практическую направленность. Такая ситуация была обычной для середины – второй половины XIX в., эпохи формирования империализма, когда великие державы старались расширить свои колони-

альные владения, а для сбора предварительной информации вперед нередко отправлялись ученые-путешественники и миссионеры. Российская империя, с излишней поспешностью расставшаяся в 1867 г. с Аляской, довольно быстро восстанавливает свой интерес к Тихоокеанскому бассейну, особенно к его китайскому побережью и прилегающим островам. Но у нее были и сильные конкуренты. Примерно тогда же (и даже на полтора года раньше) путешествие по Тайваню предпринял американский путешественник Джозеф Бил Сир. Казалось бы, какой может быть разговор о приоритетах, если все даты в пользу американца. Но В. Ц. Головачев не только не избегает такого «трудного» вопроса, а наоборот, идет ему навстречу. Никоим образом не умаляя заслуги Дж. Стира, он проводит анализ маршрутов, методик и прямое сопоставление текстов его публикаций с текстами П. Ибиса (см. сравнение описаний племен аборигенов в прилож. 5, с. 256–259). И если натуралист Дж. Сир главным образом был занят сбором образцов живой природы, П. Ибис проявил себя как вполне состоявшийся этнолог. Время, посвященное американским исследователем непосредственно этнографическим изысканиям в течение полугодового пребывания на острове, «вполне сопоставимо с полуторамесячным путешествием Ибиса, проведенном в почти безостановочных переходах и преимущественно полевых изысканиях» (с. 77). При этом В. Ц. Головачев убедительно показывает, что, несмотря на наличие у П. Ибиса как у военного человека разведывательных задач, именно научные цели послужили главным импульсом к совершению экспедиции. Им подчинялся ее план, направленный на выяснение вопроса происхождения туземных племен и поиск следов темной расы, о которой писал Ф. Мюллер (с. 78), в работах представлены обобщения, интерпретации, выводы и гипотезы на основе синтеза полевых сведений и разнообразных письменных источников (с. 82–84). Помимо «диких» туземных племен, П. Ибис уделил немало внимания китаизированным племенам аборигенов равнин, особенностям быта местного ханьского населения и субэтнической группы хакка, результатов христианизации местного населения.

К сожалению, «русский след» в истоках этнографического изучения аборигенов вскоре был забыт. Аннексировав Тайвань по условиям Симоносекского договора 1895 г., японцы активно осваивали захваченные территории, в том числе в области этнологии. Надо признать, что делали они это на довольно высоком уровне. Достаточно сказать, что на Тайване работал выдающийся японский этнограф и археолог Тории Рюдзо. Заслуга возвращения имени Пауля Ибиса и его трудов в большую науку принадлежит автору рецензируемой монографии, В. Ц. Головачеву. Он активно участвовал в становлении и развитии культурных и научных связей между Россией и Тайванем и, разумеется, не мог пройти мимо судьбы штурмана-этнографа. Первую статью о нем он опубликовал еще восемь лет назад [Головачев, 2012] и с тех пор неоднократно возвращался к этому сюжету. По его инициативе и под фактическим научным руководством группа уральских путешественников-энтузиастов организовала маршрут «По следам П. И. Ибиса», реализация которого позволила восстановить обстановку первой русской экспедиции на Тайване [Феркель, 2014].

На основе выявленных и проанализированных архивных материалов, данных сетевых генеалогических баз, воспоминаний сослуживцев штурмана, обращения к медицинским специалистам для «трансвременного диагноза» его болезни и сведений, полученных в результате поиска захоронения исследователя, В. Ц. Головачев сумел исправить, уточнить и дополнить биографию П. Ибиса, попытку реконструкции которой ранее предпринял М. Ф. Чигринский.

Впечатляет высокое качество этнографических описаний и особенно рисунков, которые делал по ходу экспедиции П. Ибис, этот очень молодой человек, не обладавший каким-то большим научным опытом. Очевидно, он был прирожденным этнографом. Его способность замечать и фиксировать, казалось бы, самые незначительные детали сохраняет за его альбомом статус востребованного этнографического источника. Важной частью монографии являются главы, посвященные поиску источника теоретических основ исследований и иллюстрации методик работы П. Ибиса. В частности, автор приходит к выводу, что штурман был хорошо знаком с инструкциями Императорского русского географического общества (с. 92–

99). Наряду с академичностью текстов, высокой степенью объективности молодого исследователя, В. Ц. Головачев отмечает и примеры эмоциональных оценок и описаний островитян, в особенности женщин, открытое выражение симпатии к одному из племен (с. 108–110). Рассмотрен также вопрос ценности и возможных оснований лингвистических изысканий штурмана.

В изучении этнической истории Тайваня – как в ее современном, этнографическом аспекте, так и в более раннем, археологическом – принимали участие многие выдающиеся специалисты. Помимо уже упомянутого Торри Рюдзо, следует отметить Кано Тадао, неутомимого полевого исследователя. После 1949 г. тайваньскую археологию стал активно развивать академик Ли Цзи, в течение многих лет возглавлявший работы на Иньском городище в Аньяне. Начатые раскопки продолжил его ученик Чжан Гуанчжи, который впоследствии стал профессором Гарвардского университета и экспертом по археологии Древнего Китая, признанным во всем мире. В 1990-е гг. свой вклад в изучение мифологии аборигенов, в том числе мифологической основы традиционных верований внес выдающийся российский ученый академик Б. Л. Рифтин (см.: [Derevianko et al., 2018]). В настоящее время активную работу по выявлению начальных этапов заселения острова ведет академик Цзан Чжэньхуа, благодаря раскопкам которого в пещерах Басяньдун и других местонахождениях возраст наиболее древней на данный момент культуры Чанбинь насчитывает не менее 15 тыс. лет [Деревянко и др., 2017]; а судя по недавним находкам в районе о-вов Пэнху есть перспектива дальнейшего удревнения тайваньского палеолита. Благодаря трудам В. Ц. Головачева и, в первую очередь, рецензируемой монографии можно быть уверенным, что имя русского офицера и ученого Павла Ивановича Ибиса займет в этом списке славных имен достойное – первое! – место.

Список литературы

- Деревянко А. П., Азаренко Ю. А., Комиссаров С. А. Культура Чанбинь на Тайване: история изучения и основные характеристики // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2017. Т. 17, № 5: Археология и этнография. С. 21–29.
- Головачев В. Ц. Этническая история Тайваня в трудах русских путешественников и ученых (конец XVIII – первая треть XX в.) // Этнографическое обозрение. 2012. № 2. С. 165–174.
- Феркель В. Б. Экскурсия на Формозу: через века и страны. Челябинск: Цицеро, 2014. 151 с.
- Чигринский М. Ф. Путешествие Пауля Ибиса на Тайвань // Сов. этнография. 1982. № 2. С. 60–64.
- Чигринский М. Ф. Аборигены Тайваня: очерк этнической истории и культурной традиции: Дис. ... канд. ист. наук в форме науч. докл. / Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН. СПб., 1993. 27 с.
- Andrade T. How Taiwan became Chinese: Dutch, Spanish, and Han civilization in the seventeenth century. New York, Columbia University Press, 2008, 324 p.
- Derevianko A. P., Komissarov S. A., Azarenko Iu. A. Supporting Russian-Taiwanese Joint Research in Social-Humanitarian Sciences. *Universum Humanitarium*, 2018, no. 2, p. 8–20.

References

- Andrade T. How Taiwan became Chinese: Dutch, Spanish, and Han civilization in the seventeenth century. New York, Columbia University Press, 2008, 324 p.
- Chigrinskiy M. F. Aborigeny Taivanya: ocherk etnicheskoi istorii i kul'turnoi traditsii [Aboriginal peoples of Taiwan: essay on ethnical history and cultural traditions]. A dissertation for Candidate of History qualification presented as scientific report. Museum of anthropology and ethnography of RAS. St. Petersburg, 1993, 27 p. (in Russ.)

- Chigrinskiy M. F.** Puteshestvie Paulya Ibisa na Taivan [Journey by Paul Ibis through Taiwan]. *Soviet ethnography*, 1982, no. 2, p. 60–64 (in Russ.)
- Derevianko A. P., Komissarov S. A., Azarenko Iu. A.** Supporting Russian-Taiwanese Joint Research in Social-Humanitarian Sciences. *Universum Humanitarium*, 2018, no. 2, p. 8–20.
- Derevyanko A. P., Azarenko Iu. A., Komissarov S. A.** Kul'tura Chanbin' na Tayvane: istoriya izucheniya i osnovnye kharakteristiki [Changbin Culture of Taiwan: history of investigation and main characteristics]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2016, vol. 17, no. 5: Archaeology & Ethnography, p. 21–29. (in Russ.)
- Ferkel V.** Ekskursiia na Formozu: cherez veka i strany [Excursion to Formosa: through ages and countries]. Chelyabinsk, Cicero, 2014, 151 p. (in Russ.)
- Golovachev V. Ts.** Etnicheskaya istoriya Taivanya v trudakh russkikh puteshestvennikov i uchenykh (konets XVIII – pervaya tret' XX v.) [Ethnic history of Taiwan as presented in the works of Russian travelers and scientists (the end of 18th – first third of 20th century)]. *Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographical survey]*, 2012, no. 2, p. 165–174 (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
25.01.2020

Сведения об авторах

Азаренко Юлия Анатольевна, старший преподаватель кафедры востоковедения, директор научно-образовательного и культурного центра Гуманитарного института Новосибирского государственного университета «Институт Конфуция» (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)
ci@nsu.ru

Комиссаров Сергей Александрович, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, профессор кафедры востоковедения ГИ НГУ (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)
sergai@mail.ru

Information about Authors

Iuliia A. Azarenko, senior teacher of the Chair of Oriental Studies, director of Research, Educational and Cultural Center “Confucius Institute” at the Institute for Humanities, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
ci@nsu.ru

Sergey A. Komissarov, Cand. of Science (History), senior research associate of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of Russian Academy of Science, professor of the Chair of Oriental Studies, Humanitarian Institute, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
sergai@mail.ru

УДК 903.27(510.2)

DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-4-147-158

Путешествие на Северо-Запад за петроглифами.

Часть 2. Продолжение в Нинся

А. В. Варенов¹, М. А. Кудинова²

¹ Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

² Пекинский университет
Пекин, Китай

Аннотация

Представлен отчет о научной командировке в Нинся-Хуэйский автономный район КНР в июле 2019 г. В ходе поездки коллективу авторов удалось провести консультации с китайскими специалистами-петроглифоведами, ознакомиться с музейными коллекциями в Иньчуани (Исторический музей Нинся-Хуэйского АР, Музей Западного Ся, Музей петроглифов в Хэланькоу), а также посетить памятники наскального искусства Хэланькоу и Дамайди (уезды Хэлань и Чжунвэй Нинся-Хуэйского АР). Приводятся краткие описания вышеназванных памятников и музейных коллекций.

Ключевые слова

Северо-Западный Китай, Нинся-Хуэйский автономный район, археология, музеи, петроглифы, памятники Хэланькоу и Дамайди.

Благодарности

Поездка авторов в КНР и данное исследование осуществлены при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00557 «Изучение памятников наскального искусства в археологии Китая (эпохи Древности и Средневековья)».

Авторы выражают глубокую признательность за помощь в организации поездки профессору Китайского университета Гонконга д-ру Тан Чуну (Дэн Цуню), сотрудникам Института памятников материальной культуры и археологии Нинся-Хуэйского АР Ма Цяну и Ма Тяньсину, специалисту Управления по охране памятников культуры г. Чжунвэй Лян Биньцзе и другим китайским коллегам.

Для цитирования

Варенов А. В., Кудинова М. А. Путешествие на Северо-Запад за петроглифами. Часть 2. Продолжение в Нинся // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 4: Востоковедение. С. 147–158. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-4-147-158

A Journey to the North-West in Search of Rock Art.

Part 2. A Ningxia Sequel

A. V. Varenov¹, M. A. Kudinova²

¹ Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

² Peking University
Beijing, China

Abstract

A report on the scientific journey to the Ningxia-Hui Autonomous Region of the PRC in July 2019 is presented. During the journey the authors consulted Chinese rock art specialists, visited the Historical Museum of the Ningxia Prov-

ince, Museum of Western Xia (Xi Xia), Helankou Rock Art Museum and the Helankou and Damaidi rock art sites in Helan and Zhongwei counties of the Ningxia-Hui Autonomous Region. Brief descriptions of the rock art sites and museum collections are given.

Keywords

Northwest China, Ningxia-Hui Autonomous Region, archaeology, museums, rock art, Helankou and Damaidi rock art sites.

Acknowledgments

The authors express their deepest gratitude for the help in organizing this trip that they received from Professor of the Chinese University of Hong Kong Tang Chong (Deng Cun), researchers of Ningxia Institute of Cultural Relics and Archaeology Ma Qiang and Ma Tianxing, specialist of the Zhongwei administrative department of cultural relics Liang Binjie and other Chinese colleagues.

The journey to China and this paper was made possible with the financial support of the RFBR, project № 18-09-00557.

For citation

Varenov A. V., Kudinova M. A. A Journey to the North-West in Search of Rock Art. Part 2. A Ningxia Sequel. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 4: Oriental Studies, p. 147–158. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-4-147-158

Введение

В начале июля 2019 г. сотрудники Новосибирского государственного университета и Института археологии и этнографии СО РАН в рамках работы над поддержанным РФФИ проектом «Изучение памятников наскального искусства в археологии Китая (эпохи Древности и Средневековья)» совершили научную командировку в провинцию Ганьсу и Нинся-Хуэйский автономный район КНР. Северо-западные районы Китая богаты памятниками наскального искусства, кроме того, петроглифы данной части страны достаточно хорошо изучены. Еще одним фактором, обусловившим выбор именно этого направления поездки, является важность сведений о наскальном искусстве северо-западного Китая для исследования территориально близких петроглифов Южной Сибири, Алтая, Монголии. Разумеется, справедливо и обратное положение: знания о давно и плодотворно изучаемых памятниках наскального искусства Сибири и Центральной Азии и наработках в этой области российских археологов могут помочь китайским коллегам существенно продвинуться вперед в исследовании местных петроглифов.

Информация о пребывании сибирских археологов в пров. Ганьсу опубликована в предыдущем востоковедном выпуске данного журнала [Варенов, Кудинова, 2019]. Еще более насыщенной оказалась программа в Нинся-Хуэйском автономном районе. Базовыми принимающими организациями в Нинся выступили Институт памятников материальной культуры и археологии Нинся-Хуэйского автономного района и Центр по исследованию петроглифов Нинся. Члены российской делегации были приняты заместителем директора Института памятников материальной культуры и археологии Нинся-Хуэйского автономного района Чжу Цуньши, директором Центра по исследованию петроглифов Нинся, главным редактором ежегодника «Яньхуа яньцзю» Ли Туном и сотрудником этого же центра, заместителем главного редактора упомянутого издания профессором Ян Хуэйлином. В ходе продолжительной беседы китайские коллеги живо интересовались современными методами исследования памятников наскального искусства, применяющимися в России, и полученными при этом результатами. Состоялся обмен исследовательской литературой, посвященной изучению петроглифов. Помимо консультаций с китайскими археологами, а также посещения Исторического музея Нинся в г. Иньчуань и Музея Западной Ся, расположенного в его пригороде, членам делегации удалось совершить выезды непосредственно к памятникам наскального искусства в ущелье Хэланькоу уезда Хэлань (горы Хэланьшань) и на местонахождения петроглифов района Дамайди в городском округе Чжунвэй (горы Бэйшань).

По музеям и выставочным залам

Первые монографические публикации петроглифов гор Хэланьшань и Бэйшань появились еще в начале 1990-х гг. [Чжоу Синхуа, 1991; Ли Сянши, Чжу Цуньши, 1993; Сю Чэн, Вэй Чжун, 1993а, 1993б]. За прошедшее с тех пор время изданы сотни работ, включая монографические, о различных аспектах изучения этих памятников. В Иньчуани регулярно, раз в пять лет проводится международная научная конференция, посвященная наскальным изображениям. Начиная с 2000 г. Центром по исследованию петроглифов Нинся выпускается ежегодное продолжающееся издание «Изучение наскального искусства» (кит. 岩画研究 – «Яньхуа яньцзю» / «Rock Art Research»). К особенностям расположения Института археологии и культурного наследия Нинся-Хуэйского автономного района можно отнести то, что он, а также Центр по исследованию петроглифов Нинся, находятся на территории бывшего императорского дворцового комплекса периода Западной Ся. Ранее здесь же, в старинных зданиях, размещался и провинциальный Исторический музей Нинся.

Исторический музей Нинся-Хуэйского автономного района, переехавший некоторое время назад в новое многоэтажное здание (рис. 1, 1), как и большинство региональных музеев Китая провинциального уровня, отличается тем, что основная экспозиция организована не по хронологическому принципу (история провинции с древнейших времен до современности), а по тематическому. Несколько разделов отражают специфические черты культуры Нинся,

Рис. 1. В Историческом музее Нинся-Хуэйского автономного района:
1 – у входа в музей; 2 – авторы осматривают фрагмент скалы с петроглифом;
3, 4 – мелкая погребальная пластика раннего средневековья (3 – статуэтка всадника (Сев. Вэй);
4 – статуэтка человека, ведущего лошадь (Тан)). Фото М. А. Кудиновой

Fig. 1. At the Historical museum of Ningxia-Hui Autonomous Region:
1 – near the museum entrance; 2 – the authors examine the fragment of a rock with the petroglyph;
3, 4 – small burial statues of the Early Middle Ages: 3 – figurine of a rider (Northern Wei);
4 – figurine of a man leading a horse (Tang). Photo by M. A. Kudinova

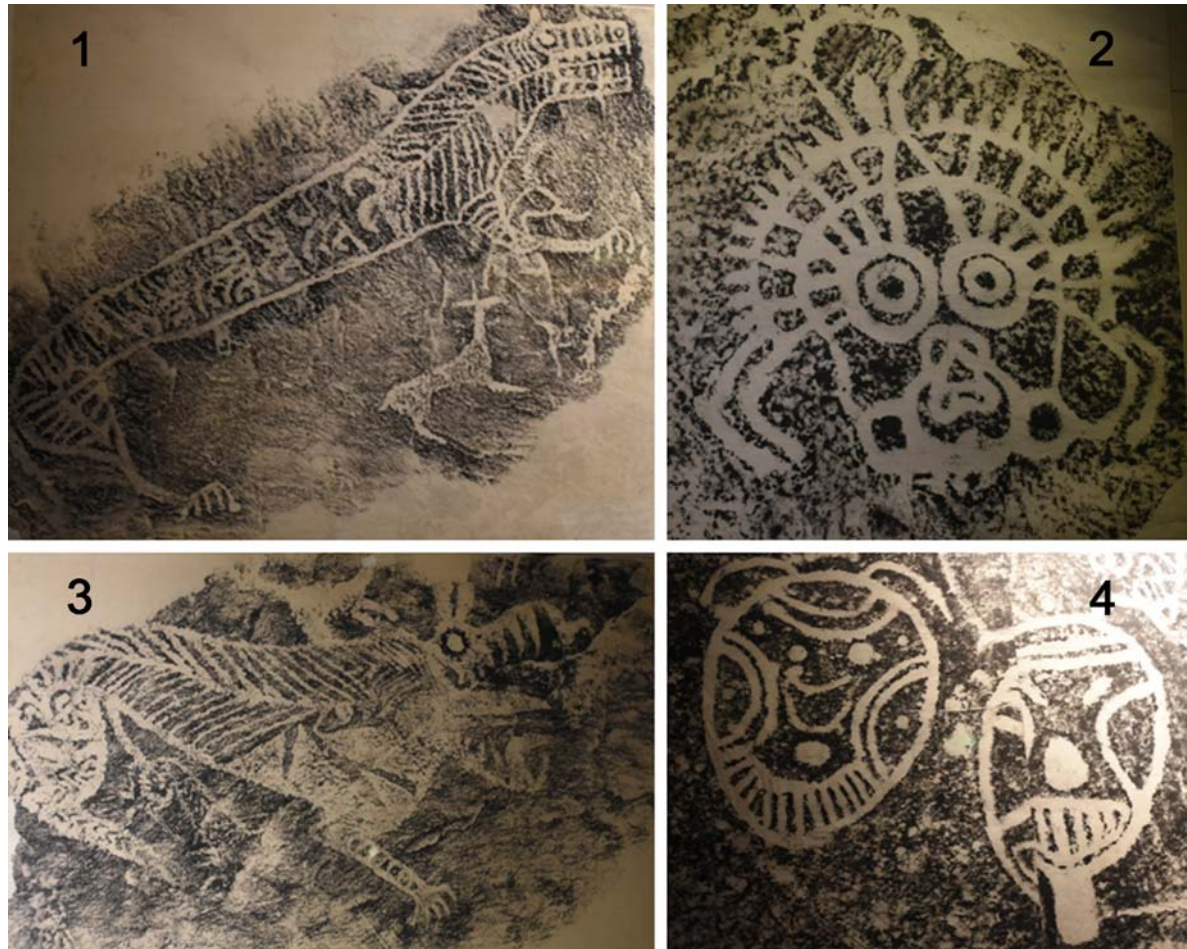

Рис. 2. Проти́рки петроглифов из экспозиции Исторического музея Нинся:
1, 3 – тигры; 2, 4 – личины. Фото М. А.Кудиновой

Fig. 2. Rock art rubbings at the exposition of the Historical Museum of Ningxia:
1, 3 – tigers; 2, 4 – carved faces. Photo by M. A. Kudinova

ставшие своеобразными символами этого района Китая. Это наскальное искусство гор Хэ-ланьшань, Великий Шелковый Путь (в основном эпохи Тан) и средневековое тангутское государство Западное Ся (Си Ся 西夏, 1038–1227 гг.), столица которого находилась на месте современной Иньчуани. В разделе экспозиции о наскальном искусстве представлены не только многочисленные микалентные копии-проти́рки, но и оригиналы некоторых петроглифов на фрагментах скал (рис. 1, 2), а также их пластиковые копии, в том числе и целых композиций. Размещение проти́рок петроглифов Нинся организовано в посвященных им залах по сюжетному принципу: изображения хищных животных (преимущественно тигров) (рис. 2, 1, 3), личин (рис. 2, 2, 4), птиц (рис. 3, 3), всадников (рис. 3, 1) сцен выпаса скота и охоты (рис. 3, 2) и т. п.

Стоит отметить, что во всех посещенных нами музеях Китая разрешается свободно фотографировать любые экспонаты (правда, без вспышки). Шаг весьма разумный, учитывая повсеместное распространение сотовых телефонов, наличие которых у посетителей гораздо сложнее проконтролировать, чем обычных фотоаппаратов. Однако искусственная подсветка экспонатов в залах всех современных музеев (естественного освещения в них нет совсем из-за отсутствия окон) организована таким образом, что половина предмета ярко освещена,

а другая находится в тени. Особенно это относится к копиям петроглифов (рис. 3, 2, 4). В результате получить удачную фотографию интересующей посетителя вещи оказывается чрезвычайно трудно. Ранее, еще лет 10–15 назад, фотографировать в музеях можно было, только приобретя за дополнительную плату помимо входного билета еще и особое разрешение на фотосъемку. Но зато и освещение выставленных вещей было равномерное, что способствовало получению качественных снимков. В отведенном Шелковому Пути разделе экспозиции Исторического музея Нинся представлены в основном реплики находок из других провинций, оригиналы которых хранятся в музеях Синьцзяна, Цинхая, Сычуани, Шэньси, Хэнани и т. д. Относящихся к раннему средневековью подлинных экспонатов из Нинся крайне мало, их можно буквально пересчитать по пальцам (рис. 1, 3, 4).

Рис. 3. Протирки петроглифов из экспозиции Исторического музея Нинся:
1, 2 – всадники и сцена охоты; 3 – птицы; 4 – стилизованные олени и сцена терзания.
Фото М. А. Кудиновой

Fig. 3. Rock art rubbings at the exposition of the Historical Museum of Ningxia:
1, 2 – riders and a hunting scene; 3 – birds; 4 – stylized deer and torment scene.
Photo by M. A. Kudinova

Рис. 4. В Музее Западного Ся:

1 – в холле музея; 2 – бронзовая погребальная скульптура; 3 – деталь кровли надмогильного храма.
Фото М. А. Кудиновой

Fig. 4. At the Western Xia Museum:

1 – at the museum lobby; 2 – bronze burial sculpture; 3 – part of a roof of the temple near the grave.
Photo by M. A. Kudinova

Истории и культуре Западного Ся посвящена не только обширная постоянная экспозиция в Историческом музее, но и расположенный за городом, вблизи императорских гробниц тангутских правителей специализированный Музей Западного Ся. На нескольких уровнях этого громадного здания, явно построенного «на вырост» (некоторые залы, особенно на верхних этажах, еще закрыты или не содержат постоянных экспозиций) представлены политическая история, материальная культура, ремесло и торговля, верования и обычаи, наука и образование Западного Ся (рис. 4, 1). Отдельный зал посвящен историографическому обзору исследований тангутского государства, языка и культуры. Достойное место здесь занимает отечественная наука, начиная с экспедиции П. К. Козлова (1863–1935), открывшего 1908–1909 гг. мертвый город Хара-Хото с его библиотекой тангутских ксилографов. Много внимания уделено исследованиям пионера расшифровки тангутских текстов Н. А. Невского (1892–1937) и корифея советского и российского тангутоведения Е. И. Кычанова (1932–2013).

Особый этаж в музее отведен археологическим исследованиям Западного Ся. Представлены результаты раскопок расположенного в непосредственной близости от музея импера-

торского некрополя (рис. 4, 2, 3). Часть его захоронений, т. е. в основном надмогильных погребально-поминальных комплексов, в настоящее время музеефицирована после проведенной реставрации, на других работы еще продолжаются. Стоит заметить, что практически все могилы императоров Западного Ся еще в средние века оказались варварски разрушены, но не с целью ограбления, а для осквернения. Вероятнее всего, это «мечь» средневековых монголов, предводитель которых Чингисхан был, по легенде, смертельно ранен стрелой при осаде тангутской столицы в 1227 г. Не случайно после взятия города все его население было уничтожено. Такая же судьба ожидала и остальных тангутов, а также и их мертвых правителей.

Посещение памятников наскального искусства

Петроглифы Хэланьшань (*кит.* 贺兰山岩画) – собирательное наименование наскальных изображений в горах Хэланьшань на северо-западе Нинся. Протяженность горной цепи с севера на юг составляет более 250 км, средняя высота над уровнем моря около 1 400 м, вершины гор достигают 2000 м. Первые сведения о существовании петроглифов в данном районе содержатся в трактате «Канон вод с примечаниями» («Шуй цзин чжу») северовэйского ученого Ли Даюаня (см. [Комиссаров, Черемисин, 2018. С. 34]). Современные научные исследования петроглифов в горах Хэланьшань начались еще в 60-х гг. XX в. и продолжают вплоть до настоящего времени. На данный момент здесь насчитывается более 10 тыс. наскальных изображений. Петроглифы в горах Хэланьшань выполнены в технике выбивки и гравировки. Проблемы датирования и культурной атрибуции большинства петроглифов Хэланьшань остаются пока не решенными [Нинся Хэланьшань яньхуа, 2012].

Одним из крупнейших, наиболее представительных и, что греха таить, «раскрученных» памятников региона является местонахождение в ущелье Хэланькоу (*кит.* 贺兰口), что в уезде Хэлань городского округа Иньчуань Нинся-Хуэйского автономного района. Рисунки располагаются на скалах по обеим сторонам ущелья. Китайскими исследователями выделяются следующие тематические группы изображений: личины (рис. 5), хищные (кошачьи и канисовые) и травоядные (олени, козлы, бараны, лошади, быки) животные (рис. 6, 3), птицы, фантастические существа (рис. 6, 4), контуры ладоней и ступней (рис. 6, 2), сцены войны, охоты и выпаса скота (рис. 6, 1) и т. д.

Памятник музеефицирован и открыт для посещения еще в 2000 г., и с тех пор все более и более активно используется в рекреационных и просветительно-познавательных целях. За истекшие двадцать лет на территории, прилегающей к ущелью, создан Музей петроглифов. В Музее петроглифов в Хэланькоу китайскому (в первую очередь, петроглифам гор Хэланьшань) и мировому наскальному искусству посвящена специальная экспозиция, крупнейшая в Китае, в которой, помимо копий наскальных изображений, представлены материалы, связанные с историей, методологией и конкретными методиками изучения петроглифов как в Китае, так и в мире в целом, а также персоналии крупнейших исследователей наскального искусства Китая.

Петроглифы Дамаиди (*кит.* 大麦地岩画) – комплекс памятников наскального искусства на территории городского округа (в прошлом уезда) Чжунвэй в Нинся-Хуэйском автономном районе – иногда считаются составной частью петроглифов Хэланьшань. Район расположения древних изображений находится на плоскогорье Бэйшань (*кит.* 北山), средняя высота которого над уровнем моря около 1 500 м, и представляет собой каменистую пустыню со скудной травянистой растительностью (рис. 7, 1). Рисунки нанесены на поверхность сложенных мягким дэвонским песчаником невысоких скальных выходов, возвышающихся, как снежные заступы, над холмистой равниной. Местность в этом плане очень напоминает пейзажи северной Хакасии, также богатой памятниками наскального искусства. По данным на 2006 г., насчитывается более 3 тыс. композиций, включающих в общей сложности свыше 8 тыс. изображений [Ян Минь, Шу Сихун, 2006. С. 14]. Тематически, стилистически и по технике

Рис. 5. Петроглифы ущелья Хэланькоу:

1 – так называемый «бог Солнца»; 2 – тангутская надпись слева от личины; 3, 4 – личины.

1, 2 – левая сторона ущелья (в тени); 3, 4 – правая сторона ущелья (освещена солнцем).

Фото А. В. Варенова

Fig. 5. Helankou gorge rock art:

1 – the so-called “Sun god”; 2 – a tangut inscription left of the carved face; 3, 4 – carved faces.

1, 2 – left side of the gorge (in the shadow); 3, 4 – right side of the gorge (in the sun).

Photo by A. V. Varenov

Рис. 6. Петроглифы ущелья Хэланькоу:

1 – сцена охоты; 2 – отпечатки ладоней; 3 – «стилизованный» олень;
4 – фантастическое антропоморфное существо. 1, 2 – левая сторона ущелья (в тени);
3, 4 – правая сторона ущелья (освещена солнцем). Кружки красной бумаги
наклеены администрацией музея для привлечения внимания посетителей к рисункам.

Фото А. В. Варенова

Fig. 6. Helankou gorge rock art:

1 – a hunting scene; 2 – hand prints; 3 – “stylized” deer;
4 – fantastic human-like being. 1, 2 – left side of the gorge (in the shadow);
3, 4 – right side of the gorge (in the sun). Dots of red paper are stuck on by the administration
of the museum to attract the visitors’ attention to the pictures.

Photo by A. V. Varenov

выполнения рисунки Дамайди весьма разнообразны. Имеются как отдельные фигуры, так и сложные композиции. Широко представлены различные зооморфные образы (олени, козлы, быки, лошади, верблюды, тигры) (рис. 7, 2, 3, 7), фигуры всадников и лучников (рис. 7, 4, 6), изображения колесниц, сцены охоты (рис. 7, 5), войны и насилия, личины и др. Изучение петроглифов Дамайди продолжается и в настоящее время. Одновременно с посещением местонахождения членами российской делегации на скальных плоскостях работали сотрудники Управления по охране памятников культуры городского округа Чжунвэй, занимавшиеся копированием изображений.

Рис. 7. Петроглифы района Дамайди:

1 – общий вид местности; 2 – тигр; 3 – травоядные животные; 4 – человек, удерживающий лошадь за повод;
5, 6 – сцены охоты; 7 – М. А. Кудинова рядом с изображением «стилизованного» оленя.

Фото А. В. Варенова

Fig. 7. Damaidi region rock art:

1 – general view of the site; 2 – tiger; 3 – herbivorous animals; 4 – a man, holding a horse by the rein;
5, 6 – hunting scenes; 7 – M. A. Kudinova near the picture of a “stylized” deer.

Photo by A. V. Varenov

Заключение

Полученные в ходе командировки материалы позволили значительно расширить представление о наскальном искусстве северных районов Китая и могут стать основой для дальнейших теоретических и экспедиционных исследований в рамках поддержанного РФФИ проекта. Важнейшим результатом поездки в Нинся-Хуэйский автономный район следует признать установление хороших деловых контактов на уровне личного знакомства с руково-

дством как местного Института памятников материальной культуры и археологии, так и Центра по исследованию петроглифов Нинся. Посещенные авторами памятники наскального искусства – Хэланькоу и Дамайди – несомненно, заслуживают более подробного и детального описания в виде специальных публикаций. Богатейшие коллекции микалентных копий петроглифов, собранные и экспонируемые в Историческом музее Нинся, могут привлекаться (и уже привлекались) в целях уточнения генезиса, семантики, хронологии, периодизации и этнокультурной атрибуции наскальных рисунков не только Нинся, но и соседних регионов Китая, а также Центральной Азии и Сибири [Варенов, 2018а. С. 34–36; 2018б. С. 15–23]. Предметы из археологических и этнографических коллекций Исторического музея Нинся и Музея Западной Ся (в частности, материалы по культуре тангутов, включая изобразительные – настенные росписи и мелкую пластику) также могут привлекаться в качестве сопоставительных данных для датирования и семантической дешифровки средневековых петроглифов.

Список литературы

- Варенов А. В.** О точном датировании изображений тигров в горах Хэланьшань и оленях в «стиле оленных камней» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 4: Востоковедение. С. 30–39. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-4-30-39
- Варенов А. В.** Петроглифы «в стиле оленных камней» и «демонические псы» из Китая // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 10: Востоковедение. С. 9–29. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-10-9-29
- Варенов А. В., Кудинова М. А.** Путешествие на Северо-Запад за петроглифами // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 10: Востоковедение. С. 106–113. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-10-106-113
- Комиссаров С. А., Черемисин Д. В.** «Донаучный» период в изучении петроглифов Китая // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 10: Востоковедение. С. 30–37. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-10-30-37
- Ли Сянши, Чжу Цуньши.** Хэланьшань юй Бэйшань яньхуа [李祥石、朱存世。贺兰山与北山岩画]. Петроглифы гор Хэланьшань и Бэйшань. Иньчуань: Нинся жэньминь чубаньшэ, 1993. 369 с. (на кит. яз.)
- Нинся Хэланьшань яньхуа тапянь цзинцуй [宁夏贺兰山岩画拓片精粹 / 杨皎、丁丽萍责任编辑] Сборник эстампов петроглифов Хэланьшань в Нинся / Отв. ред. Ян Цзяо, Дин Липин. Иньчуань: Нинся жэньминь чубаньшэ, 2012. 6 + 94 с. (на кит. яз.)
- Сю Чэн, Вэй Чжун.** Хэланьшань яньхуа [许成、卫忠。贺兰山岩画]. Петроглифы гор Хэланьшань. Пекин: Вэньу, 1993а. 34, 398 с., XLVIII, XLVIII л. ил. (на кит. яз.)
- Сю Чэн, Вэй Чжун.** Хэланьшань яньхуа табэнь цуйбянь [许成、卫忠。贺兰山岩画拓本萃编]. Альбом собрания эстампов петроглифов гор Хэланьшань. Пекин: Вэньу, 1993б. 46, 364, 20 с., илл. (на кит. яз.)
- Чжоу Синхуа.** Чжунвэй яньхуа. [周兴华。中卫岩画]. Петроглифы Чжунвэя. Иньчуань: Нинся жэньминь чубаньшэ, 1991. 6, 442 с., ил. (на кит. яз.)
- Ян Минь, Шу Сихун.** Дамайди яньхуа тухуа вэньцзы синьцзе [杨敏、束锡红。大麦地岩画图画文字新解]. Новая интерпретация пиктограмм петроглифов Дамайди // Вестник Второго Северо-Западного института национальностей. Серия: Философия и общественные науки. 2006. № 2. С. 13–19 (на кит. яз.)

References

- Komissarov S. A., Cheremisin D. V.** “Prescientific” period of studying petroglyphs in China. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 10: Oriental Studies, p. 30–37. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-10-30-37

- Li Xiangshi, Zhu Cunshi.** Helanshan yu Beishan yanhua [李祥石、朱存世。贺兰山与北山岩画]. The Rock Art in Mt. Helan and Mt. North. Yinchuan, Ningxia People's publishing house, 1993. 369 p. (in Chin.)
- Ningxia Helanshan yanhua tapian jingcui** [宁夏贺兰山岩画拓片精粹 / 杨皎、丁丽萍责任编辑] Collection of the reproductions of Helan Mountains Petroglyphs in Ningxia. Editors-in-chief Yang Jiao, Ding Liping. Yinchuan, Ningxia People's publishing house, 2012, 6 + 94 p. (in Chin.)
- Varenov A. V.** "Stag stone style" petroglyphs and "demonic dogs" from China. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 10: Oriental Studies, p. 9–29. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-10-9-29
- Varenov A. V.** On the Exact Dating of Tiger Images in the Helan Mountains and the "Stag Stone Style" Deer. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2018, vol. 17, no 4: Oriental Studies, p. 30–39. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-4-30-39
- Varenov A. V., Kudinova M. A.** A Journey to the North-West in Search of Rock Art. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 10: Oriental Studies, p. 106–113. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-10-106-113
- Xu Cheng, Wei Zhong.** Helanshan yanhua [许成、卫忠。贺兰山岩画]. Petroglyphs in the Helan Mountains. Beijing, Wenwu publishers, 1993a. 34, 398, p., XLVIII, XLVIII pl. (in Chin.)
- Xu Cheng, Wei Zhong.** Helanshan yanhua taben cuibain [许成、卫忠。贺兰山岩画拓本萃编]. Helan Mountains Petroglyphs in Ningxia Hui Autonomous Region, China. Beijing, Wenwu publishers, 1993b, 46, 364, 20 p. (in Chin.)
- Yang Min, Shu Xihong.** Damaidi yanhua tuhuawenzi xinjie [杨敏、束锡红。大麦地岩画图画文字新解]. New explanation on Damaidi picture writing. *Journal of the Second Northwest University for Nationalities (Philosophy and Social Science)*, 2006, no. 2, p. 13–19 (in Chin.)
- Zhou Xinghua.** Zhongwei yanhua. [周兴华。中卫岩画]. The Rock Arts in Zhongwei. Yinchuan, Ningxia People's publishing house, 1991, 6, 442 p., pl. (in Chin.)

Материал поступил в редколлегию
Received
08.02.2020

Сведения об авторах

Варенов Андрей Васильевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения Гуманитарного института НГУ (ул. Пирогова 1, Новосибирск, 630090, Россия)
avvarenov@mail.ru

Кудинова Мария Андреевна, кандидат исторических наук, докторант Пекинского университета (Пекин, Китай)
maria-kudinova@yandex.ru

Information about Authors

Andrey V. Varenov, Candidate of Science (History), Associate Professor, Chair of Oriental Studies, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
avvarenov@mail.ru

Maria A. Kudinova, Candidate of Science (History), Doctoral student of Peking University (Beijing, China)
maria-kudinova@yandex.ru

По музеям Северо-Восточного Китая

Е. Э. Войтишек¹, С. А. Комиссаров^{1,2}, А. И. Соловьев²

¹ Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

² Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

Аннотация

В обзоре приводится информация о выступлениях сотрудников кафедры востоковедения Гуманитарного института НГУ и Института археологии и этнографии СО РАН на международных конференциях, в ходе которых удалось также осмотреть несколько важных исторических музеев на северо-востоке Китая. В поле зрения авторов обзора попали известные ламаистские комплексы Внутренней Монголии – Далэлиньсы и Уданчжао, археологический парк Хаминь с неолитическими погребениями, Музей Внутренней Монголии в Баотоу с этнографическими коллекциями, археологическими и историческими материалами с периода неолита и эпохи Хань и вплоть до Нового времени, а также частный музей Дэфу в г. Чаоян (пров. Ляонин), где представлены основные локальные культуры эпохи неолита и палеометалла, многим находкам с которых присвоен статус национального культурного достояния различного уровня.

Ключевые слова

музееведение, исторические музеи, Северо-Восточный Китай (Дунбэй), Внутренняя Монголия, культура Хаминь, культура Хуншань

Благодарности

Раздел, посвященный описанию Музея Дэфу, подготовлен при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00557

Для цитирования

Войтишек Е. Э., Комиссаров С. А., Соловьев А. И. По музеям Северо-Восточного Китая // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 4: Востоковедение. С. 159–167. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-4-159-167

A Visit to Museums of North-East China

E. E. Voytishek¹, S. A. Komissarov^{1,2}, A. I. Soloviev²

¹ Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

² Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation

Annotation

The review contains information about the performances of employees of the Department of Oriental Studies of the Institute for Humanities of Novosibirsk State University and the Institute of Archeology and Ethnography of the SB RAS at international conferences, during which they also visited several important historical museums in northeast China. The review also touches on the famous Lamaist complexes of Inner Mongolia – Dalelinsi and Wudanzhao, the Hamin Archaeological Park with Neolithic burials, the Museum of Inner Mongolia in Baotou with its ethnographic collections, archaeological and historical materials from the Neolithic and Han eras to the New Age, as well as the Dafu Private Museum in Chaoyang (Liaoning Province), where the main local cultures of the Neolithic and Paleometal era are represented, many of which have been given the status of national Cultural Heritage of various levels.

Keywords

museum science, historical museums, North-Eastern China (Dongbei), Inner Mongolia, Hamin Culture, Hongshan Culture

Acknowledgments

The part of article devoted to description of Defu museum was prepared with financial support of RFBR, project No. 18-09-00557

For citation

Voytishchek E. E., Komissarov S. A., Soloviev A. I. A Visit to Museums of North-East China. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 4: Oriental Studies, p. 159–167. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-4-159-167

В течение летне-осеннего полевого сезона 2019 г. сотрудниками кафедры востоковедения Гуманитарного института Новосибирского государственного университета и Института археологии и этнографии СО РАН были осуществлены поездки с целью выступления на международных конференциях и осмотра исторических музеев и археологических парков на северо-востоке Китая.

Так, Е. Э. Войтишек, находясь в середине октября в г. Тунляо и г. Баотоу на международных конференциях по приглашению Университета национальностей Внутренней Монголии, осмотрела два ламаистских комплекса Далэлиньсы (大乐林寺) и Уданчжао (五当召), посетила созданный в 2014 г. археологический парк Хаминь (内蒙古哈民考古遗址公园), на территории которого можно познакомиться с богатым инвентарем нескольких десятков неолитических сооружений и погребений. Китайские археологи на базе находок с этой стоянки выделили новую культуру Хаминь, отличную от культуры Хуншань (см.: [Деревянко и др., 2019. С. 65–69]).

По завершении конференции в Тунляо Е. Э. Войтишек предприняла специальный выезд в г. Баотоу с целью ознакомления с его музеем. Баотоу находится в западной части Автономного региона Внутренняя Монголия, на севере от него простираются обширные луга и пастбища, а на юге протекает р. Хуанхэ. Через весь город тянутся горные отроги хребта Иньшань.

В районе Баотоу проживало множество кочевых этносов и народностей, взаимоотношения с которыми всегда находились в числе магистральных направлений внешней политики правителей различных династий Центральной равнины. В связи с этим структура и содержание экспозиции Музея Внутренней Монголии в Баотоу (内蒙古包头博物馆), построенного в декабре 1998 г., отражает эту специфику – здесь есть этнографические коллекции, археологические и исторические материалы, освещающие длительные контакты местного населения и ханьцев, а также взаимоотношения с соседними этносами. В частности, об этом свидетельствует сравнительная экспозиция артефактов, найденных в Баотоу и в соседних приграничных районах.

Часть экспозиции посвящена знаменитым историческим личностям – вроде красавицы Ван Чжаоцзюнь из гарема ханьского императора Юань-ди, отданной в 33 г. до н. э. в жены шаньюю Хуханье, главе хуннских племен¹, и фигуры итальянского путешественника Марко Поло (1254–1324), который провел почти 20 лет в Китае в период правления монгольской династии Юань и оставил много письменных свидетельств этнографического характера. Некоторые музейные материалы представляют особенности торгово-экономических связей тюрко-монгольских народов в приграничных районах с Россией на рубеже Нового времени (торговля пушниной, чаем, предметами искусства и быта).

Существенную часть музейной экспозиции занимают залы, где представлены петроглифы, найденные в различных районах Внутренней Монголии. Все изображения тщательно классифицированы, тематически и хронологически разведены по разным частям экспозиции, где

¹ Памятник Ван Чжаоцзюнь, одной из четырех великих красавиц в истории Китая, установлен в 9 км от г. Хух-Хото, столицы АР Внутренняя Монголия. На экспозиции в музее Баотоу можно видеть панно с реконструкцией могильного кургана, который, предположительно, соотносится с ее именем.

собраны десятки оригинальных наскальных рисунков, представляющих основные районы Внутренней Монголии.

Особую значимость коллекции регионального музея придает наличие шедевров декоративно-прикладного искусства различных эпох, выставленных в центральном зале. Здесь и археологические артефакты неолитического времени (керамические сосуды, костяной цилиндрический футляр с костяными иглами), и концевой черепичный диск с лепной надписью «шанью [и император], снизошедший с Неба» (单于天降 *чаньюй тяньцзын*) эпохи Хань, подтверждающая тесные контакты племен сюнну с китайскими правителями, и фигура феникса из белого нефрита на подставке (эпоха Юань), и фарфоровые вазы с цветной росписью (эпохи Юань, Цин), позолоченные бронзовые буддийские скульптуры эпохи Цин и др.

Особый интерес представляет коллекция курильниц и керамических сосудов эпохи Хань. В музее собраны несколько древнейших образцов бронзовых и керамических курильниц в форме горы (博山炉 *бошаньлу*). Они отличаются большим разнообразием форм (с поддоном, без поддона, с рукояткой и без таковой, с фигурами разных мифологических животных) и богатым орнаментальным оформлением крышки. Часть курильниц наряду с другой утварью (кувшины, зеркала, треножники) обнаружена в могильнике Чжаовань ханьского времени в округе Цзююань г. Баотоу (包头九原区召湾汉墓).

Примечателен ритуальный керамический сосуд *цзунь* эпохи Западная Хань, покрытый желтой глазурью (黄釉陶樽), который обнаружен в 1981 г. в ходе археологических раскопок могильника Чжаовань². Высота тулова сосуда составляет 22,2 см, диаметр – 18,3 см, оно имеет цилиндрическую форму и постепенно сужается к основанию. Дно плоское, установлено на трех ножках в виде медведей, сидящих на задних лапах. Крышка, подобно крышкам курильниц *бошаньлу*, выполнена в форме невысоких горных пиков³. На тулове находятся 47 изображений, 29 различных мифологических сюжетов, образы животных с благопожелательным значением, фигуры воинов в латах, священное дерево *фусан* с солнцами на ветвях [Войтишек, 2019. С. 26–27].

Китайские исследователи установили несколько групп изображений, объединенных одним мифологическим сюжетом. Среди них – солярные мифы о подвигах стрелка Хоу И, сбившего девять солнц с небосвода, поборовшего чудищ, исполинского кабана и громадного змея, а также лунарные мифы с изображениями богини Сиванму, жабы и зайца, готовящих эликсир бессмертия. Вероятно, в декоративном оформлении сосуда главенствует идея гармоничного существования двух начал: персонажи, которые входят в группу солярных мифов, олицетворяют собой стихию *ян*, тогда как персонажи, относящиеся к группе лунарных мифов, символизируют стихию *инь*.

Обращает на себя внимание декоративное оформление ножек сосуда – они выполнены в форме тулова медведя, чему есть пока только одна аналогия среди курильниц типа *бошаньлу*⁴, а именно – керамическая курильница эпохи Хань с ножками в виде тулова медведя (熊足博山爐), сидящего на задних лапах, которая находится в коллекции Музея «Метрополитен» в Нью-Йорке⁵.

² Баотоу чуто сихань хуанью таоцзунь [包头出土西汉黄釉陶尊]. Керамический сосуд с желтой глазурью эпохи Западная Хань // Науч. электрон. б-ка Jinyueya Journal Network. URL: <https://www.jinyueya.com/magazine/218401.htm> (дата обращения 09.01.2020).

³ Электронный каталог экспонатов музея Баотоу (Inner Mongolia Baotou Museum). URL: www.nmgbtbwg.cn/html/2015/lishiwenwu_0811/1.html#p=1 (дата обращения 12.01.2020).

⁴ Ханьдайцэ тяньсюн шэньхуа цзай гоучэн [汉代的天熊神话再钩沉]. (Еще раз по поводу мифа о небесном медведе эпохи Хань) // Науч. электрон. б-ка cnki.net. URL: <http://www.wenxixue.com/uploadfile/2016/0604/20160604105232570.pdf> (дата обращения 07.01.2020).

⁵ Электронный каталог музейных экспонатов искусства Азии художественной галереи Ben Janssens Oriental Art в Лондоне // Официальный сайт галереи. URL: <http://www.benjanssens.com/portfolio/05-pottery-incense-burner-boshanlu-bear-shaped-feet/> (дата обращения 14.01.2020).

Рис. 1. Ритуальные сосуды эпохи Хань из Музея Внутренней Монголии в г. Баотоу:

1 – бронзовая курильница *бошаньлу* (могильник Чжаовань, округ Цзююань, г. Баотоу); 2 – бронзовая курильница с поддоном (могильник Чжаовань); 3 – бронзовая курильница с ручкой (могильник Чжаовань); 4 – бронзовая курильница *бошаньлу* с поддоном (округ Халингэр, дер. Бутай, г. Баотоу); 5 – керамическая курильница *бошаньлу* с поддоном (могильник Чжаовань); 6 – керамическая курильница *бошаньлу* с изображением четырех мифических существ (могильник Чжаовань); 7 – керамический сосуд *цзунь* с желтой глазурью и крышкой в виде горных пиков (могильник Чжаовань); 8 – боковая поверхность сосуда *цзунь* в развороте.

Фотоматериалы Е. Э. Войтишек из поездки по Внутренней Монголии, октябрь 2019 г., коллаж И. А. Аксенова

Fig. 1. Han ritual vessels from the Museum of Inner Mongolia in Baotou:

1 – *Boshanlu* Bronze Censer 铜博山炉 (Zhao Wan tomb, Jiuyuan District, Baotou City); 2 – Bronze censer with a tray 铜熏炉 (Zhao Wan tomb); 3 – Bronze censer with handle 铜熏炉 (Zhao Wan tomb); 4 – *Boshanlu* Bronze Incense Burner with Tray 铜博山炉 (Halinger County, Butai Village, Baotou City); 5 – Pottery hill censer with tray 陶博山炉 (Zhao Wan tomb); 6 – Pottery hill censer with decoration of four supernatural beings 陶四神博山炉 (Zhao Wan tomb); 7 – Yellow-glazed pottery *zun* with a lid in the form of mountain peaks 黄釉陶樽 (Zhao Wan tomb); 8 – Open look of the pottery *zun*'s outer surface (黄釉陶樽浮雕纹饰展开图)

Photographs by E. E. Voytishek from a trip to Inner Mongolia, October 2019, collage by I. A. Axenov

* * *

В конце августа 2019 г. в рамках работы по гранту РФФИ С. А. Комиссаров и А. И. Соловьев прибыли в г. Чаоян (пров. Ляонин, КНР) для участия в работе Международного симпозиума «Древняя культура медведя» (古代熊文化研讨会), который проходил на базе Музея Дэфу. О месте проведения конференции следует сказать особо. Во-первых, округ Чаоян в рамках всего Северо-Восточного Китая охватывает зону, где обширные степные просторы переходят в мелкосопочник, прорезанный речными долинами. Это создавало благоприятные условия как для развития земледелия, так и для контактов аграрных и кочевых цивилизаций. Поэтому на данной территории выявлены десятки памятников от раннего неолита до ранних кочевников (см.: [Алкин, 2016]). И не случайно рядом с центром округа обнаружен и раскопан культовый памятник Нюхэлян, который трактуется как центр альтернативной (по отношению к нуклеарной зоне) цивилизации [Алкин, Комиссаров, 2013]. Во-вторых, сам по себе Музей Дэфу представляет пока еще относительно редкое для современного Китая явление – это частный музей, основанный местным предпринимателем Ван Дунли (王冬力)⁶ и официально открытый 1 сентября 2009 г. по решению местного Управления культуры. Почетным директором музея утвержден известный археолог из Внутренней Монголии Шао Готянь (邵国田)⁷.

Экспозиция музея развернута на трех этажах (4-й этаж – технический) здания в центре г. Чаоян, общая площадь составляет 750 кв. м, объем хранения – ок. 6000 культурно значимых артефактов, в основном полученных в ходе собственных раскопок (рис. 2). Десять экспонатов удостоены статуса национального культурного достояния высшего уровня, еще 47 объектам присвоен второй уровень, а 197 – третий уровень. Представлены все основные культуры региона эпохи неолита и палеометалла: Сяохэси, Синлунва, Чжаобаогоу, Хуншань, Сяохэянь, нижнего и верхнего слоя Сяцзядянь [Дэфу дяньцан, 2019]⁸. Особо выделяется костяная флейта, четыре отверстия на которой соответствуют четырем основным нотам китайской пентатоники, нефритовые тесла и подвески, а также каменные подшипники, использовавшиеся в примитивных станках для обработки нефрита, каменная скульптура человека или духа (все относятся к культуре Синлунва, 6200–5400 до н. э.); керамическая чаша с резными изображениями мифических существ, фигурки тигра из перламутра (культура Чжаобаогоу, 5400–4500 до н. э.); каменные звездчатые палицы и керамические свистульки (культура Хуншань, 4700–2900 до н. э.) и др. Для некоторых изделий, хранящихся в Музее Дэфу, – например, керамической трубки, оформленной в виде головы дракона (культура верхнего слоя Сяцзядянь, 1100–700 до н. э.) – удастся указать удивительно точные аналогии среди находок на территории порой весьма отдаленных регионов (см.: [Соловьев, 2019]).

Пользуясь заслуженным уважением среди археологических организаций, Музей Дэфу не раз становился базой для проведения авторитетных международных форумов. Так, в 2017 г.

⁶ Ван Дунли (1967 г. р.), успешно занимаясь бизнесом в области проектирования и контроля за качеством строительных работ, уделяет огромное внимание изучению и сохранению памятников материальной культуры. Как директор руководит работой созданного им музея, как преподаватель – читает лекции в Цилиньском педагогическом университете. За свою многолетнюю плодотворную деятельность получил в научном сообществе археологов и музейщиков неофициальное, но от этого не менее почетное звание «хранителя культуры Хуншань». См.: Хуншань взньхуадэ шоуванчжэ – Ван Дунли [红山文化的守望者—王冬力 // 今日潮阳网]. Хранитель культуры Хуншань – Ван Дунли // Информ. сайт «Чаоян сегодня он-лайн». 23.06.2017 (дата обращения 01.01.2020).

⁷ Шао Готянь (1947 г. р.) – известный археолог из Внутренней Монголии, возглавлял Бюро культуры и краеведческий музей аймака Аохань, в настоящее время – профессор гуманитарно-художественного факультета Шанхайского университета по подготовке профсоюзных работников, член руководства многих археологических и исторических обществ.

⁸ См. также публикации фотографий наиболее важных находок на сайте музея: <http://www.cydfbwg.com/Selections.asp>

Рис. 2. Музей Дэфу и его экспонаты:

1 – вход в Музей Дэфу, г. Чаоян; 2 – реконструкция ритуала культуры Хуншань (панорама в Музее Дэфу); 3 – костяной кинжал (копия бронзового). Культура верхнего слоя Сяцзянь; 4 – бронзовая бляшка в зверином стиле. Хуннуская эпоха: размеры 7,9×4,1 см, вес 54 г; 5 – каменная «секира». Неолитическая эпоха. Размеры

21,5 × 15,5 см; 6 – нефритовая фигурка («свино-дракон»). Культура Хуншань, наибольшие размеры 7,4 × 5,4 см; 7 – каменное «навершие посоха». Культура Хуншань; 8 – каменная скульптура медведя. Культура Синлунва, размеры 25,5 × 11 × 11,5 см; 9 – керамическая трубка в форме дракона. Культура верхнего слоя Сяцзянь, высота 29 см, диаметр отверстия 4,6 см; 10 – керамическая женская статуэтка. Культура Сяохэнь, размеры 15 × 6,2 см; 11 – антропоморфная каменная скульптура. Культура Синлунва, сохранившаяся высота 31 см, вес 5048 г; 12 – нефритовый «дракон». Культура Хуншань, длина 17 см, вес 369 г; 13 – изображение маскоида на каменном сфероиде. Культура Хуншань, высота 11 см, ширина 8,7 см, вес 1150,7 г; 14 – керамический барабан. Культура Сяохэнь, высота кадра 35,5 см, диаметр тимпана 27 см; 15 – керамический горшок. Культура Чжаобаогоу, высота 10,5 см, диаметр устья 12,5 см; 16 – керамический горшок. Культура Чжаобаогоу, высота 17,3 см, диаметр устья 18 см; 17 – керамическая банка. Культура Чжаобаогоу, высота 18 см, диаметр устья 14 см; 18 – участники конференции (слева направо): профессор С. А. Комиссаров, директор музея Ван Дунли, профессор Го Дашунь. Фотоматериалы и коллаж А. И. Соловьева; снимки в экспозиции Музея Дэфу сделаны в ходе научной командировки в г. Чаоян, конец августа – начало сентября 2019 г. Фотографии даны не в масштабе

Fig. 2. Defu Museum and its exhibits:

1 – Entrance into Defu Museum, Chaoyang; 2 – Reconstruction of Hongshan Culture's ritual (diorama in Defu Museum); 3 – Bone dagger (a copy of bronze one). Xiajiadian Upper layer Culture; 4 – Bronze plaque in animal style. Hunnu (Xiongnu) epoch; dimensions 7.9×4.1 cm, weight 54 g; 5 – Stone «battle-axe». Neolithic period. Dimensions 21.5 × 15.5 cm; 6 – Jade figurine («pig-dragon»). Hongshan Culture, the biggest dimensions 7.4 × 5.4 cm; 7 – Stone «pom-mel» of the staff. Hongshan Culture; 8 – Stone figurine of bear. Xinglongwa Culture; dimensions 25.5 × 11 × 11.5 cm; 9 – Ceramic tube in the form of dragon; height 29 cm, diameter of hole 4.6 cm; 10 – Ceramic female figurine. Xiaohayuan Culture, dimensions 15 × 6.2 cm; 11 – Anthropomorphic stone sculpture. Xinglongwa Culture, remaining height 31 cm, weight 5048 g; 12 – Jade figurine of dragon, length 17 cm, weight 369 g; 13 – Mask image on the stone spheroid. Hongshan Culture; height 11 cm, width 8.7 cm, weight 1150.7 g; 14 – Ceramic drum. Xiaohexi Culture; height of drum's body 35.5 cm, diameter of drumhead 27 cm; 15 – Ceramic pot. Zhaobaogou Culture, height 10.5 cm, diameter of vessel's mouth 12.5 cm; 16 – Ceramic pot. Zhaobaogou Culture, height 17.3 cm, diameter of vessel's mouth 18 cm; 17 – Ceramic jar. Zhaobaogou Culture, height 18 cm, diameter of vessel's mouth 14 cm; 18 – The participants of the conference (from left to right): professor Sergei A. Komissarov, Director of Defu Museum Wang Dongli, professor Guo Dashun

The table was prepared by A. I. Soloviev; all photos were shot by him at Defu Museum exposition during scientific visit to Chaoyang at the end of August – the beginning of September of 2019. Photos are given without scale

там состоялась конференция, посвященная образу тигра в доисторических культурах⁹. Конференция 2019 г., как уже отмечалась, была связана с образом медведя. В ней приняло участие ок. 40 специалистов из различных городов Дунбэя (Чаоян, Чифэн, Чанчунь, Шэньян и др.), а также из Сианя и Шанхая; участвовали и двое представителей Тайваня. Российские ученые выступали как специально приглашенные докладчики. В докладе, зачитанном С. А. Комиссаровым, давался обзор изображений медведя в памятниках наскального искусства Евразии. Доклад А. И. Соловьева был посвящен роли медведя в традиционном мировоззрении народов Северной Азии. На основе представленных докладов и проведенной дискуссии участники конференции пришли к заключению, что образ медведя является одним из древнейших (если не самым древним) в мифологии большинства евразийских народов; он входит в состав нескольких базовых мифологем. Поэтому обозначенная тема требует дальнейшего углубленного изучения и широкого обсуждения в рамках будущих форумов.

По итогам прошедшего симпозиума организаторы подготовили подробный отчет с хорошей подборкой фотографий, который опубликовали на официальном сайте Музея Дэфу¹⁰.

⁹ Краткий обзор см.: Чаоянши дэфу боугуань чэнли ба чжоунянь цзи «ху» вэньхуа сюэшу яньтаохуй юаньмань лому [朝阳市德辅博物馆成立八周年暨“虎”文化学术研讨会圆满落幕]. Восьмилетняя годовщина со дня основания Музея Дэфу и успешное завершение научного симпозиума по культуре «тигра» // На офиц. сайте Музея Дэфу. 01.09.2017. URL: <http://www.cydfbwg.com/newsxy.asp?/942.html> (дата обращения 01.01.2020).

¹⁰ Чаоянши дэфу боугуань чэнли ши чжоунянь цзи гудай сюн вэньхуа гоцзи яньтаохуй юаньмань лому [朝阳市德辅博物馆成立十周年暨古代熊文化国际研讨会圆满落幕]. Десятилетняя годовщина со дня основания Музея Дэфу и успешное завершение международного симпозиума «Древняя культура медведя» // На офиц. сайте Музея Дэфу. 04.09.2019. URL: <http://www.cydfbwg.com/newsxy.asp?/1107.html> (дата обращения 01.01.2020).

Список литературы

- Алкин С. В.** Неолит областей за пределами исторического региона: Северо-восток современной КНР // История Китая с древнейших времен до начала XXI века. М.: Вост. лит., 2016. Т. 1. Древнейшая и древняя история (по археологическим данным): От палеолита до V в. до н. э. С. 303–307.
- Алкин С. В., Комиссаров С. А.** Нюхэлян // Большая рос. энциклопедия. М.: Большая рос. энциклопедия, 2013. Т. 23. С. 452–453.
- Войтишек Е. Э.** Корейская курильница Пэкче и традиция использования курильниц бошань-лу в Восточной Азии // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, вып. 10: Востоковедение. С. 24–40. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-10-24-40
- Деревянко А. П., Тан Чун, Комиссаров С. А., Цзи Пин.** Разные цвета нефрита // Наука из первых рук. 2019. № 2. С. 52–69.
- Соловьев А. И.** Керамические изделия из Прииртышья и юго-западной Маньчжурии. Неожиданные параллели или случайное сходство? // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. Т. 25. С. 597–601.
- Дэфу дяньцан [德辅典藏 / 王冬力主编]. Коллекции (культурной важности) в Музее Дэфу / Отв. ред. Ван Дунли. Шэньян: Ляонин цзяоюй чубаньшэ, 2019. 20, 305 с. (на кит. яз.)

References

- Alkin S. V.** Neolit oblastej za predelami istoricheskogo regiona: Severo-vostok sovremennoj KNR [Neolithic period over the borders of historical region: North-East of the modern CPR]. In: Istorija Kitaja s drevnejshih времен do nachala XXI veka [A History of China from the most ancient times up to the beginning of 21st century]. Moscow, Oriental literature Publ., 2016, vol. 1: History of the ancient and most ancient times (according archaeological data): From Paleolithic to V century BC, p. 303–307 (in Russ.)
- Alkin S. V., Komissarov S. A.** Niuheliang. Moscow, The Big Russian encyclopedia Publ., 2013, vol. 23, p. 452–453. (in Russ.)
- Defu diancang [Collections (of cultural significance) in Defu museum. Ed. by Wang Dongli. Shenyang, Liaoning jiaoyu chubanshe, 2019, 20, 305 p. (in Chin.)
- Derevyanko A. P., Tang Chung, Komissarov S. A., Ji Ping.** Various colors of jades. *Science First Hand*, 2019, vol. 52, no. 2, p. 52–69. (in Russ.)
- Soloviev A. I.** Keramicheskie izdeliya iz Priirtysh'ya i yugo-zapadnoi Man'chzhurii. Neozhidannye paralleli ili sluchainoe skhodstvo? [Ceramics from Irtysh River's basin and from south-western Manchuria: Neolithic parallels or occasional similarity?]. In: Problems of archaeology ethnography anthropology of Siberia and neighboring territories. Novosibirsk, 2019, vol. 25, p. 597–601. (in Russ.)
- Voytishchek E. E.** Korean Gilt-Bronze Incense Burner of Baekje and the Tradition of Han Boshanlu Censer's Usage in East Asia. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 10: Oriental Studies, p. 24–40. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-10-24-40

Материал поступил в редколлегию
Received
25.01.2020

Сведения об авторах

Войтишек Елена Эдмундовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, профессор, заведующая кафедрой востоковедения и руководитель направления «Востоковедение и африканистика» Гуманитарного института НГУ (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)
orient@lab.nsu.ru

Комиссаров Сергей Александрович, канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Института археологии и этнографии СО РАН, проф. кафедры востоковедения ГИ НГУ (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)
sergai@mail.ru

Соловьев Александр Иванович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия)
easolovievy@mail.ru

Information about Authors

Elena E. Voytishkek, Doctor of History, Professor, Head of the Department of Oriental Studies, Institute for the Humanities, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
orient@lab.nsu.ru

Sergey A. Komissarov, Cand. of Science (History), senior research associate of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of Russian Academy of Science, professor of the Chair of Oriental Studies, Humanitarian Institute, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
sergai@mail.ru

Aleksandr I. Soloviev, Doctor of History, leading research associate of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of Russian Academy of Science (17 Academician Lavrentiev, Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
easolovievy@mail.ru

DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-4-168-172

Международная научно-практическая конференция «Россия, Китай, Великий Шелковый путь: история кросс-культурных контактов»

Ю. А. Азаренко¹, Би Синьхуэй^{1, 2}

¹ *Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

² *Синьцзянский университет
Урумчи, Китай*

Аннотация

Научно-практическая конференция, посвященная проблематике, связанной с развитием Китая и стран вдоль Великого Шелкового пути в древности и в настоящее время, проводится ежегодно в рамках проекта «Класс / Институт Конфуция НГУ» совместно с Институтом археологии и этнографии СО РАН. В 2019 г. в ней приняли участие специалисты и преподаватели из Новосибирска, Барнаула, Красноярска, Москвы, Омска, Томска, Алама-Аты, Нанкина, Пекина, Урумчи.

Ключевые слова

НГУ, Институт Конфуция, конференция, Китай, китайский язык, китаеведение

Для цитирования

Азаренко Ю. А., Би Синьхуэй. Международная научно-практическая конференция «Россия, Китай, Великий Шелковый путь: история кросс-культурных контактов» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 4: Востоковедение. С. 168–172. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-4-168-172

International Scientific-Practical Conference “Russia, China, the Great Silk Road: A History of Cross-Cultural Contacts”

Iu. A. Azarenko¹, Bi Xinhui^{1, 2}

¹ *Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

² *Xinjiang University
Urumchi, China*

Abstract

The scientific and practical Conference on China and countries along the Silk Road development issues in the past and modern days. The Conference is held annually in the ‘NSU Confucius Institute / Class’ and the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS joint project framework. In 2019, among participants were experts and professors from Novosibirsk, Barnaul, Krasnoyarsk, Moscow, Omsk, Almaty, Nanjing, Urumqi.

Keywords

Novosibirsk State University, Confucius Institute, conference, China, Chinese, sinology

© Ю. А. Азаренко, Би Синьхуэй, 2020

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 4: Востоковедение
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2020, vol. 19, no. 4: Oriental Studies

For citation

Azarenko Iu. A., Bi Xinhui. International Scientific-Practical Conference "Russia, China, the Great Silk Road: A History of Cross-Cultural Contacts". *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 4: Oriental Studies, p. 168–172. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-4-168-172

20–22 сентября научно-образовательный и культурный центр «Институт Конфуция» НГУ совместно с Институтом археологии и этнографии СО РАН (ИАЭТ СО РАН) провел очередную пятую научно-практическую конференцию по проблематике Великого шелкового пути в прошлом и настоящем, в этом году посвященную семидесятилетию со дня образования КНР и установления дипломатических отношений между КНР и нашей страной (рис. 1, 1). Тема прошедшей конференции «Россия, Китай, Великий Шелковый путь: история кросс-культурных контактов»¹.

Китаеведение в НГУ тесно связано с плодотворной работой новосибирских археологов, поэтому неудивительно, что среди приглашенных докладчиков большая часть представляла археологическую науку. Среди них – гость из Алма-Аты д-р ист. наук А. З. Бейсенов, один из авторов и член редколлегии первого тома «Истории Китая», подготовленного ИАЭТ СО РАН заведующий кафедрой китаеведения ИСАА МГУ М. Ю. Ульянов, научный сотрудник Института археологии Академии наук КНР Ван Пэн (王鹏).

На пленарном заседании прозвучали доклады, представляющие разные секции конференции. От имени Гуманитарного института НГУ и оргкомитета участников приветствовали заместитель директора ГИ НГУ С. И. Филиппов, доцент Синьцзянского университета, руководитель проекта «Институт Конфуция НГУ» с китайской стороны г-жа Би Синьхуэй (毕新惠) (рис. 1, 2), проф. НГУ и ст. науч. сотр. ИАЭТ СО РАН С. А. Комиссаров. Председательствовал проф. НГУ и Новосибирской православной духовной семинарии, руководитель Новосибирского регионального отделения Общества русской словесности д-р филол. наук Л. Г. Панин, представлявший секцию преподавания китайского и русского языков как иностранных и выступивший с докладом о русском языке в Сибири в XVII – первой половине XVIII в. (в контексте распространения русского языка). Три других пленарных доклада были посвящены, соответственно, археологии – А. З. Бейсенов рассказал об изучении оленного камня на «кургане с усами» в долине Койшоки Центрального Казахстана, китайскому языку – М. Ю. Ульянов поделился опытом преподавания классического письменного языка взньянь (рис. 1, 3), и исследованиям в области китайской культуры – проректор Новосибирского университета архитектуры, дизайна и искусств д-р культурологии Г. Б. Паршукова представила опыт изучения китайской архитектуры в Новосибирске.

В первый день секционных заседаний работу вели археологи на секции «Археологические свидетельства кросс-культурных контактов Китая и этнополитических структур на территории Сибири, Казахстана и российского Дальнего Востока. Значение Великого Шелкового пути для древней и средневековой истории Китая» (председатель зав. каф. востоковедения НГУ д-р ист. наук Е. Э. Войтишек); историки, чьи доклады объединяла подсекция «Российско-китайские отношения как фактор культурного взаимодействия» (председатель зав. каф. СФУ, д-р ист. наук В. Г. Дацышен); а также экономисты и политологи на секции «Экономические и политические аспекты реализации китайской инициативы «Один пояс, один путь» (председатель д-р ист. наук, проф. НГУ В. Н. Пластун).

На второй день работала секция, посвященная вопросам преподавания русского и китайского языка китайским и российским обучающимся (рис. 2, 1). Председательствовала

¹ Ежегодная конференция проводится при финансовой поддержке Штаб-квартиры институтов Конфуция (г. Пекин) и является открытой для всех специалистов в области изучения археологии, истории, экономических, политических и кросс-культурных контактов, преподавания китайского и русского языков на обширной территории вдоль Великого Шелкового пути. С программами и сборниками материалов конференций можно ознакомиться на сайте НОКЦ «Институт Конфуция» <https://www.nsu.ru/n/chinese-center/research/silk-road-conf.php>.

профессор Института русского языка Пекинского университета иностранных языков г-жа У Айхуа (武瑗华), много лет преподающая русский язык будущим дипломатам. Ее выступление об особенностях дипломатической лексики вызвало неподдельный интерес преподавателей старших курсов, так как вузовская программа изучения китайского языка как первого иностранного включает, как правило, тематику, связанную с международными отношениями

Рис. 1. На конференции «Россия, Китай, Великий Шелковый путь»:
1 – общее фото участников; 2 – выступает У Айхуа; 3 – выступает М. Ю. Ульянов; 4 – выступает Би Синьхуэй.
Фото Ю. А. Азаренко

Fig. 1. At the conference "Russia, China, the Great Silk Road":
1 – general photo of the participants; 2 – Wu Aihua is speaking; 3 – M. Yu. Ulianov is speaking; 4 – Bi Xinhui is speaking.
Photo by Yu. A. Azarenko.

и дипломатией, и этот аспект весьма непрост для российских обучающихся (рис. 1, 4). На секции выступали как российские преподаватели, так и их молодые китайские коллеги проекта «Институт Конфуция НГУ». В свете введения китайского языка в качестве второго иностранного в средней школе особый интерес вызвали доклады, посвященные обучению китайскому языку детей, которые сделали представители учреждений-партнеров НГУ лицея № 130 (О. В. Бородаевская) и средней школы № 112 (Ю. К. Андреев). В связи с ростом гуманитарных контактов и вопросами экспорта образовательных услуг особой актуальностью обладали доклады об опыте работы Ассоциации довузовских образовательных организаций России и Китая (директор СОШ № 112 В. Н. Платонов) и культурологической составляющей обучения китайских студентов, изучающих русский язык в НГУ (ст. преп. Ж. В. Зарицкая),

а также доклад о технике перевода новостных сообщений китайязычных версий сайтов российских вузов (Би Синьхуэй 毕新惠, Ма Чуньянь 马春艳).

Конференцию «Института Конфуция» определенно можно назвать площадкой для общения коллег-гуманитариев регионального уровня: помимо новосибирцев и специально приглашенных гостей из китаеведческих центров других городов в ней постоянно принимают

Рис. 2. На конференции «Россия, Китай, Великий Шелковый путь»:

1 – секция преподавания китайского и русского языков; 2 – секция экономики и геополитики.

Фото Ю. А. Азаренко

Fig. 2. At the conference “Russia, China, the Great Silk Road”:

1 – section of teaching Chinese and Russian languages; 2 – section of economics and geopolitics.

Photo by Yu. A. Azarenko

участие историки и филологи из Барнаула, Красноярска, Омска (рис. 2, 2). Встречи в начале учебного года способствуют интенсификации межвузовских контактов, приносят свежие идеи в работу педагогов, предоставляют возможность новым китайским преподавателям познакомиться с опытом старших коллег, а общение с китайскими специалистами позволяют по-новому взглянуть российским участникам на собственную работу. Кроме того, активное участие руководителей «институтов Конфуция» НГУ и НГТУ знакомит коллег с итогами работы, с плодотворными и перспективными проектами ближайшего будущего, позволяет задать интересующие вопросы о возможном сотрудничестве. Так, доклад директора УЦ «Институт Конфуция» НГТУ И. Г. Хрипунова в значительной мере отразил уровень развития гуманитарных контактов Новосибирска с Китаем.

Материал поступил в редколлегию

*Received
21.02.2020*

Сведения об авторах

Азаренко Юлия Анатольевна, старший преподаватель кафедры востоковедения, директор научно-образовательного и культурного центра Гуманитарного института Новосибирского государственного университета «Институт Конфуция» (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)

ci@nsu.ru

Би Синьхуэй, доцент Синьцзянского университета, преподаватель научно-образовательного и культурного центра Гуманитарного института Новосибирского государственного университета «Институт Конфуция», руководитель проекта «Институт Конфуция НГУ» с китайской стороны (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)

bixinhui27@163.com

Information about Authors

Iuliia A. Azarenko, senior teacher of the Chair of Oriental Studies, director of Research, Educational and Cultural Center “Confucius Institute” at the Institute for Humanities, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

ci@nsu.ru

Bi Xinhui, Assistant Professor of Xinjiang University, Chinese director of “Confucius Institute at NSU” project (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation; 666 Shengli Rd, Urumchi, 830046, Xinjiang, China)

bixinhui27@163.com

DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-4-173-176

X Международная научная конференция «Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая»

А. В. Варенов

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Представлен отчет о X Международной научной конференции «Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая», проходившей в Пекине на базе Народного Университета с 19 по 22 октября 2019 года. Приводятся краткие описания представленных докладов.

Ключевые слова

археология, Северный Китай, Монголия, Байкальская Сибирь, X Международная конференция

Благодарности

Поездка автора на конференцию и написание данного отчета осуществлены при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00557: «Изучение памятников наскального искусства в археологии Китая (эпохи Древности и Средневековья)»

Для цитирования

Варенов А. В. X Международная научная конференция «Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 4: Востоковедение. С. 173–176. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-4-173-176

X International Scientific Conference “Ancient Cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China”

A. V. Varenov

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

A report on the X International scientific conference “Ancient Cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China” held in Beijing by the People’s University of China (Zhongguo Renmin Daxue) from October 19 to October 22 2019 is presented. Brief descriptions of the papers presented are given.

Keywords

archaeology, Northern China, Mongolia, Baikal Siberia, X International conference

Acknowledgements

The author has attended the conference and prepared this paper with the financial support of the RFBR, project 18-09-00557: “The Study of Rock Art Monuments in the Archaeology of China (Periods of Antiquity and Middle Ages)”

For citation

Varenov A. V. X International Scientific Conference “Ancient Cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China”. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 4: Oriental Studies, p. 173–176. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-4-173-176

© А. В. Варенов, 2020

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 4: Востоковедение
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2020, vol. 19, no. 4: Oriental Studies

С 19 по 22 октября 2019 г. в г. Пекине прошла X Международная научная конференция «Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая». В роли базовой принимающей организации выступил один из ведущих ВУЗов КНР – Народный университет Китая (кит. 中国人民大学 Чжунго Жэньминь дасюэ). На открытии конференции участников поприветствовали вице-президент Народного университета Китая проф. Чжу Синькай, заместитель директора департамента охраны памятников культуры и археологии Государственного управления культурного наследия Ван Чжэн, декан Школы истории Народного университета Китая проф. Хуан Синтао, проф. Бурятского государственного университета А. Д. Цыбиктаров, зав. кафедрой археологии Улан-Баторского государственного университета, проф. Д. Эрдэнэбаатар, проф. Ян Цзяньхуа из Исследовательского центра пограничной археологии Цилиньского университета, декан факультета археологии и музеологии Народного университета Китая проф. Вэй Цзянь (см. рисунок).

Затем прозвучали пленарные доклады А.Д. Цыбиктарова «Контакты древних кочевников Центральной Азии в эпоху поздней бронзы»¹, Д. Эрдэнэбаатара «Раскопки и результаты предварительных исследований элитных могил сюнну № 198 и № 10 на памятнике Гол-Мод II», Вэй Цзяня «Новое археологическое исследование путей южной миграции Тоба Сяньбэй» и А.Г. Ситдикова «Материальная культура Восточной Азии и Сибири в золотоордынских городах Поволжья». Далее участники конференции работали в четырех секциях: «Новые открытия и исследования», «Древние религия и искусство», «Материальная культура и технологии», «Культурный обмен и связи». Несмотря на кажущуюся стройной структуру, далеко не всегда было очевидно, почему каждый конкретный доклад отнесен к той или иной секции. Поскольку заседания проходили одновременно в двух разных, довольно далеко расположенных друг от друга зданиях, это создавало определенные трудности при желании заслушать доклад с параллельной секции.

На первой секции «Новые открытия и исследования» зачитали свои доклады С. Шнайдер «Стоянки эпохи камня на Крыше Мира: древние обитатели Памирского нагорья», А. Тетенькин «Коврижская стадия позднего верхнего палеолита низовьев реки Витим», М. Килуновская «Последние открытия и исследования петроглифов на северном берегу оз. Убсунур», В. Семенов «Проблемы изучения памятников бронзового века в Туве», Жуань Цижун «Исследование погребений эпохи бронзы, открытых в бассейне р. Или в Синьцзяне», Шао Хуэйцю «Исследование до-цинских бронзовых бляшек *пао* из северных районов Китая», Юй Цзяньцзюнь «Эпоха бронзы в районе Китайского Алтая, Синьцзян», С. Миняев «Новые данные по исследованию элитных курганов сюнну в России», Дун Синьлинь «Новые археологические открытия и исследования последних лет на памятнике «Верхняя столица Ляо»», Е. Мижиддорж «Биоархеология сюнну», Ц. Турбат «Могильник Тамир-Улан-Хошуу и его место в культуре сюнну», П. Сенотрусова «Монетовидные амулеты в Сибири», Чэнь Юнчжи «Археологические раскопки и предварительное исследование трех сюннских городищ в Хэжимэнтала, Монголия», Го У «Почему Бэйтин? – Городище Бэйтин в археологической перспективе», Д. Кучигин «Планиграфический анализ могильника Мыс Урга-2 по материалам раскопок 2013, 2016, 2017 и 2019 годов», Д. Тулуш «Роль древних городов Тувы в истории кочевых держав Центральной Азии», Б. Байтанаев «Золотые диски некрополя Китапса», Н. Цыденова «Неолит и ранняя бронза Забайкалья и Монголии».

На второй секции «Древние религия и искусство» с докладами выступили А. Варенов «Хтонические хищники оленных камней Монголии и их китайские соответствия», А. Ковалев «Изображения на каменных оградах ритуальных памятников Кээрмуци в верховьях

¹ Программа конференции и тезисы докладов участников были изданы организаторами только на китайском и английском языках, поэтому наши переводы названий докладов на русский язык для данного сообщения могут отличаться от их авторских версий. Во всяком случае, расхождения между китайским и английским вариантами названий доклада иногда достаточно заметны. По той же причине, из инициалов не китайских авторов указаны только имена, но не отчества.

Групповое фото участников конференции
Group photo of the participants of the Conference

долины р. Кобдо», Н. Серегин «Традиция “дялян” в погребальном обряде населения Алтая в сюнну-сяньби-жужаньский период», А. Харинский «Погребальный обряд населения района Хубсугула в Монголии в X–XIV веках», Сю Гуанхуэй «Изображения хозяина могилы и проблема датировки настенных погребальных росписей эпохи Северных Династий», Ван Далай «Краткий анализ жеста “соединенных ладоней” в погребальных росписях эпохи Ляо», Е. Айчжу «Сравнительный анализ процесса перехода в ритуалах взросления у алтайцев Баян-Ульги аймака и урянхайцев Цэнгел сомона в Монголии», Л. Дашиева «Бурятская ритуальная песенная традиция: к вопросу происхождения этнокультурных групп», С. Миягашева «Традиционные верования бурят: о пантеоне восточных Деитов Аруни Тенгри».

На третьей секции «Материальная культура и технологии» были представлены доклады В. Новосельцевой «Новые данные о верхнем палеолите долины реки Залари», Д. Гурулева «Картирование распространения нуклеусов гобийского типа на стоянке Итомиура (Нижняя Ангара)», Ма Цзяня «О строительстве жилищ эпохи бронзы в Барколе, Синьцзян», Чэнь Шэнцзяня «О происхождении неолитической адаптации в северокитайской степи», Д. Папина «Андроновская культура Саяно-Алтая (опыт междисциплинарного анализа)», А. Полякова «Окуневская культура Южной Сибири: новые данные, хронология, искусство», А. Тишкина «Остеологические остатки лошадей из жертвенников на керексурах Монголии как источник для реконструкции системы поддержания жизни древних кочевников», К. Солодовникова «Краниологическая морфология населения раннего бронзового века Западной и Центральной Монголии», Ли Яньсяна «Ранняя металлургия бронзы в нижнем и среднем течении р. Нэнцзян (Нонни)», Цзя Сяобина «Доисторические поселения в бассейне реки Бортала», М. Очир-Горяевой «Географическая ориентация кочевников Евразии (VI–III вв. до н. э.)», Такаси Гакудзи «О пограничных укреплениях эпохи Цзинь: на примере пограничных дорог Дунбэя», Такэда Кадзуя «Установление киданьского государства (Ляо) и его историческое значение», Т. Паршиковой «Применение естественнонаучных методов при изучении материалов археологических памятников Алтая в 1940-е – 1950-е годы», Дж. Роусон (J. Rawson) «Выделение региональных групп и пришельцев в Китае эпохи Восточного Чжоу», Хань Цзянь «Северный Синьцзян в эпоху энеолита», А. Куулар «Китайские статуи на реке Баянхорчик», Л. Чадамб «Новейшие исследования численных записей на северном берегу оз. Убсу-нур».

На четвертой секции «Культурный обмен и связи» были озвучены доклады Ян Цзяньхуа «Обмен между Дворцовским типом и Северным Китаем и его значение», И. Уланова «Примеры взаимодействия двух керамических производственных традиций в раннем неолите

Южного Приангарья (по материалам стоянок Горелый Лес и Усть-Хайта)», П. Дашковского «Китайские импорты из курганов скифской эпохи Северо-Западного Алтая (по материалам могильника Чинета II)», А. Данчай-оола «Некоторые проблемы исследования культурного пространства Республики Тува», Сунь Вэя «О проблеме преемственности погребального обряда между плиточными могилами и погребениями сюнну», Пань Лин «Новое исследование происхождения ранних сяньби (сяньбэй) в районе Хулунь-Буир», Ни Жунаня «О становлении погребальной культуры «Северовэйского типа»», Би Дэгуана «Археологическое исследование культурного взаимодействия между культурами Киданей и Шивэй в эпоху Тан», С. Бочарова «К западу от империи Хубилая: монголы, венецианцы и генуэзцы в Крыму (вторая половина XIII – начало XIV веков)».

В отличие от практики предыдущих лет, материалы конференции не были изданы заранее (ср. [Варенов, 2019. С. 158]). Скорее всего, это связано с тем, что очень многие китайские участники не успели вовремя представить в оргкомитет свои доклады. По этой же причине срок их подачи уже в ходе работы конференции передвинули с 31 июля на 31 декабря. Перспективы публикации полных текстов докладов участников форума так и остаются весьма туманными. Свет успели увидеть только тезисы, подготовленные к началу работы конференции [The Fourth Renmin University, 2019].

Список литературы

- Варенов А. В.** IX Международная научная конференция «Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 4: Востоковедение. С. 157–158.
- The Fourth Renmin University of China International Conference: 2019 Research on the Ancient Cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China. Conference Guide. Beijing, China, 2019, 182 p.

References

- The Fourth Renmin University of China International Conference: 2019 Research on the Ancient Cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China. Conference Guide. Beijing, China, 2019, 182 p.
- Varenov A. V.** IX International scientific conference “Ancient Cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China”. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 4: Oriental Studies, p. 157–158. (in Russ.)

*Материал поступил в редколлегию
Received
05.03.2020*

Сведения об авторе

Варенов Андрей Васильевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения Гуманитарного института НГУ (ул. Пирогова 1, Новосибирск, 630090, Россия)
avvarenov@mail.ru

Information about the Author

Andrey V. Varenov, Candidate of Science (History), Associate Professor, Chair of Oriental Studies, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
avvarenov@mail.ru

Информация для авторов

Авторы представляют статьи на русском языке объемом до 1,0 печатного листа (40 тыс. знаков, шрифт Times New Roman, кегль 12, аннотации – кегль 10, межстрочный интервал 1,5), включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190 × 270 мм = $\frac{1}{6}$ авторского листа, или 6,7 тыс. знаков). Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только после индивидуального согласования с ответственным редактором.

Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Требования к оформлению основного текста и иллюстративных материалов

К рукописи необходимо приложить:

- 1) сведения об ученой степени, ученом звании, должности и месте работы;
- 2) контактный телефон, электронный и почтовый адреса автора.

Обязательным требованием является наличие ключевых слов (не более 15) и резюме статьи на русском (не менее 1 000 знаков без пробелов) и английском (240-270 слов – не более 1 800 знаков с пробелами) языках, а также авторский перевод названия статьи на английский язык, индекс УДК (Универсальной десятичной классификации).

Образец оформления статьи

УДК 902.694

Корейский полуостров и Японские острова:

сложение особенностей и заимствование культурных традиций

И. С. Гнездилова, А. Л. Нестеркина, Е. А. Соловьева, А. И. Соловьев

*Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова (на русском языке)

Благодарности (на русском языке)

Korean Peninsula and Japanese Islands:

Forming Features and Borrowing Cultural Traditions

I. S. Gnezdilova, A. L. Nesterkina, E. A. Solovieva, A. I. Soloviev

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Keywords

Acknowledgements

Основной текст статьи

Список литературы / References

*Материал поступил в редколлегию
Received*

Сведения об авторах / Information about the Authors

Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указываются фамилия автора или первые слова названия публикации без автора, год, номер страницы, например: [Алексеев, 1976. С. 2] или [Энциклопедия игр, 1989. Т. 1. С. 184].

В конце статьи помещается список литературы (всего не менее 15–20 публикаций, включая размещаемые подстранично интернет-источники) в алфавитном порядке (сначала блок публикаций на русском, затем на европейских и в конце на восточных языках). Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа, для восточных авторов фамилия и личное имя полностью), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства или издающей организации, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи).

Образцы составления библиографического описания

- Ким Бусик.** Самгук саги: Летописи Силла / Пер. и вступ. ст. М. Н. Пака. М.: Вост. лит., 2001. Т. 1. 384 с.
- Черемисина М. И.** Теоретические проблемы синтаксиса и лексикологии языков разных систем. Новосибирск: Наука, 2004. 896 с.
- Kakar H.** The Fall of the Afghan monarchy in 1973. *Int. J. of Middle Eastern Studies*, 1978, vol. 9, no. 2, p. 195–214.
- Ан Чхольхва.** Маджак пэуги [마작 배우기. 서울: 넥서스 부그스]. Обучение игре маджак. Сеул: Нэксос бук, 2001. 176 с. (на кор. яз.)
- Гакусю: дзиммэй дзитэн [学習人名事典. 東京: 富士教育] Учебный словарь имен. Токио: Фудзи кёйку, 1983. 400 с. (на яп. яз.)
- Ма Гоцзюнь, Ма Шуюнь.** Чжунхуа чуаньтун юси дацюань [麻国钧, 麻淑云. 中华传统游戏大全. 北京: 农村读物出版社]. Все о китайских традиционных играх. Пекин: Нунцунь дуу чубаньшэ чубань, 1990. 610 с. (на кит. яз.)
- Сато Сэкико.** Гэндзи-моноготари-но буцукан – хо:бэн-но оmoi-ни сокуситэ [佐藤勢紀子. 『源氏物語』の仏観 一方の思いに即して— // 日本文学. 京都: 日本文学教会]. Буддийское мировоззрение в романе «Гэндзи-моноготари»: о принципе *хо:бэн* // Японская литература. Киото: Нихон бунгаку кё:кай, 2002. № 51–12. С. 1–11. (на яп. яз.)
- Чэнь Сяньдань, Чэнь Дэань.** Шиси саньсиндуй ичжи шандай ихао кэн дэ синчжи цзи югуань вэньти [陈显丹, 陈德安. 试析三星堆遗址商代一号坑的性质及有关问题 // 四川文物]. Предварительное изучение характера ямы № 1 шанского времени на памятнике Саньсиндуй и связанных с ней вопросов // Сычуань вэнью. 1987. № 4. С. 27–29. (на кит. яз.)
- Чэнь Хунхай, Ван Гошунь, Мэй Дуаньчжи, Су Нань.** Цинхай тундэ сянь цзунжи ичжи фацзюэ цзяньбао [陈洪海, 王国顺, 梅端智, 素南. 青海同德县宗日遗址发掘简报 // 考古] Краткий отчет о раскопках памятника Цзунжи в уезде Тундэ, пров. Цинхай // Каогу. 1998. № 5. С. 1–14. (на кит. яз.)

Образцы составления списка литературы в транслитерации (References)

- Voytishek E. E., Bordjigid A., Karpova T. K., Izmailova M. V.** Traditsionnyi prazdnik kalligrafii v Pavil'one Orkhidei i sud'ba sovremennykh intellektualov [Traditional Calligraphy Festival at the Orchid Pavilion and the Destinies of Modern Chinese Intellectuals]. *Vestnik NSU. Series: History, Philology*, 2012, vol. 12, no. 10: Oriental Studies, p. 163–173. (in Russ.)
- Voytishek E. E.** Igrovye traditsii v dukhovnoi kul'ture stran Vostochnoi Azii (Kitai, Koreya, Yaponiya) [Game tradition in the culture of East Asia countries (China, Korea, Japan)]. Novosibirsk, 2011, 312 p. (in Russ.)
- Sun Yuxiang.** Xiandai wenren de yin yu tong [孙玉祥. 现代文人的隐与痛. 广州市, 中国友谊出版公司]. The Secret and Pain of the Modern Man of Culture. Zhongguo youyi chubun gongsi, 2010, 158 p. (in Chin.)

Ссылки на архивные документы, а также источники и труды, опубликованные в Интернете и не поддающиеся библиографическому описанию, как и авторские примечания, оформляются в виде сносок внизу страницы¹. Иллюстрации (рисунки, фотографии) следует предоставлять в форматах .jpg, .tif, .cdr. Допускается создание таблиц и диаграмм в Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls), обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных) шрифтов (.ttf), кегль шрифта в надписях не должен быть меньше 9. Подписи к иллюстрациям и таблицам обязательно предоставляются и на русском, и на английском языках.

Все вопросы, связанные с изменением и уточнением текста в ходе редакторской правки, должны сниматься авторами в ходе электронной переписки в строго определенные для этого редколлегией сроки. Нарушение сроков ведет к отказу в опубликовании статьи.

Требования к содержанию публикуемых материалов

В «Вестнике НГУ» публикуются материалы, соответствующие основным рубрикам журнала, а также учебно-методические материалы, переводы, рецензии; дискуссии.

Рабочие языки выпуска «Востоковедение» – русский, английский, китайский, японский и корейский. Статьи на иностранных языках публикуются с кратким изложением содержания на русском языке. Для статей, цитат и терминов на восточных языках следует придерживаться следующих рекомендаций: для китайского языка – палладиевская транскрипция, шрифт SimSun; для японского языка – поливановская транскрипция, шрифт MS Mincho; для корейского языка – транскрипция по системе Л. Р. Концевича, шрифт Gulim. В списке литературы в конце каждой статьи следует указывать язык, на котором выполнена публикация: (на рус. яз. / кит. яз. / яп. яз. / кор. яз.) и (in Russ. / Chin. / Jap. / Kor.).

Недопустимо представление в редакцию ранее опубликованных статей, а также рукописей, скомпилированных из ранее опубликованных научных работ. Редакция оставляет за собой право редактирования, сокращения (по согласованию с автором) и адаптации публикуемых материалов к рубрикам журнала.

Все статьи проходят **обязательное двойное слепое рецензирование**. По итогам рецензирования принимается решение о возможности публикации представленной статьи. Плата за публикацию не взимается, гонорары не выплачиваются.

Доставка материалов

Представляемые в редакцию материалы можно передать лично (каб. 2211, новый корпус НГУ), переслать по электронной почте или обычной почтой.

Адрес редакционной коллегии выпуска «Востоковедение» серии «История, филология»:

Новосибирский государственный университет
Гуманитарный институт, отделение востоковедения
ул. Пирогова, 1, каб. 2211, Новосибирск, 630090, Россия
Тел.: (383) 363 42 37
E-mail: orient@lab.nsu.ru

Журнал распространяется по подписке, подписной индекс 18288
в каталоге ОАО «Роспечать»

¹ Гасюк А. Обама убил двух зайцев. США сохраняют присутствие в Афганистане как минимум до 2024 года // Рос. газета. URL: <http://www.rg.ru/2012/05/02/afghanistan-site.html> (дата обращения 03.05.2016).